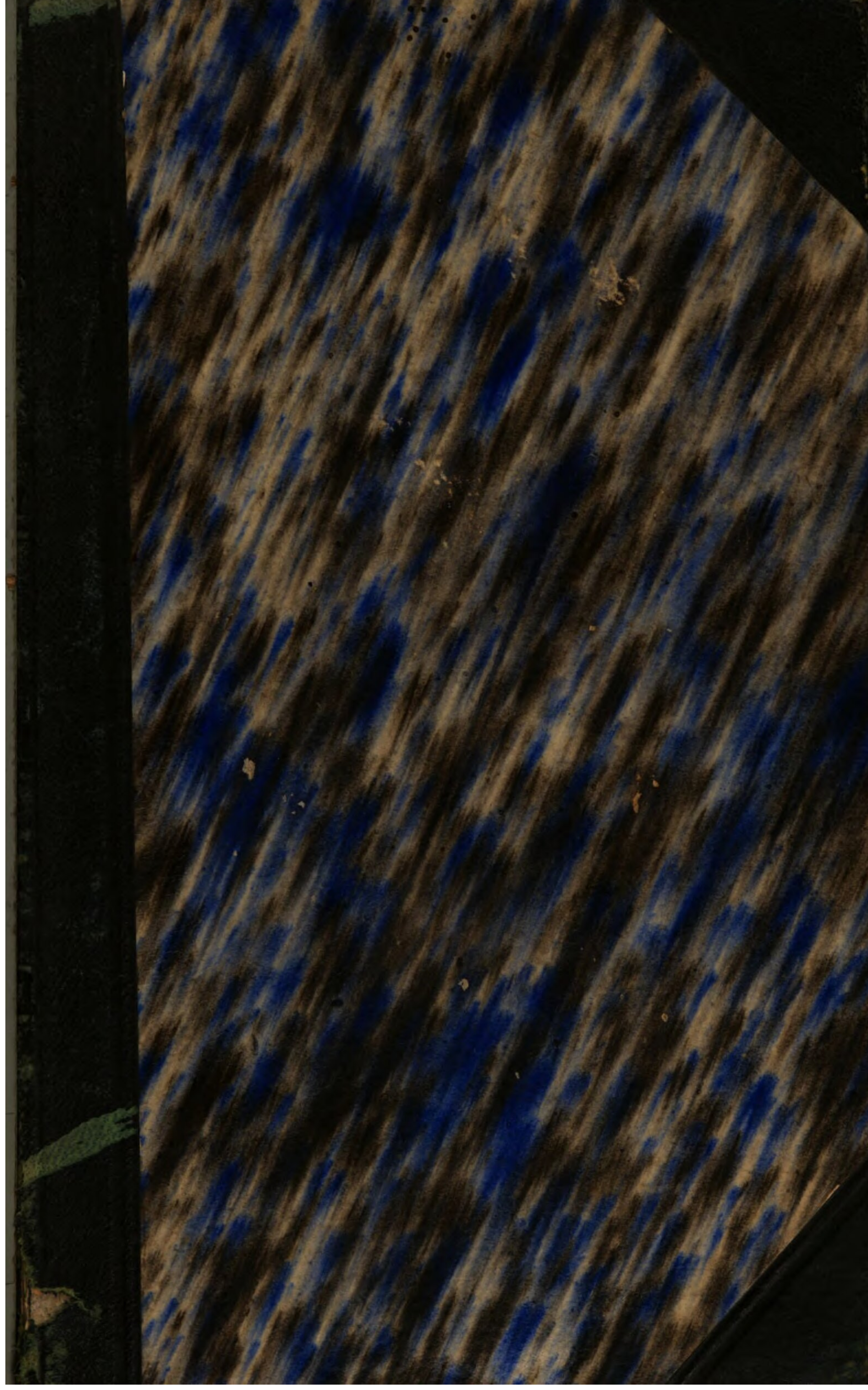

Bügr. 3255^u (2)

Jan ~~4~~ 4 $\frac{3}{53}$.

22338/12

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

II.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ДОМОНОСОВЪ.

Сочиненіе

Исенофонта Полеваго.

Isenofont [Alexeevich] Polevoj

Томъ II.

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА
Николая Ивановича
Свямонтова

№ 696

ш. III пол. 3 **МОСКВА.**

1 — **ВЪ** 2 **ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,**
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1836.

G. n. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
18 Января 1836 года.

Ценсоръ Павелъ Щепкинъ.

Bayrische
Staatsbibliothek
München

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ДОМОНОСОВЪ.

Глава I.

Дворецъ въ Петербургѣ блиспалъ огнями. Ряды оконъ, освѣщенныхъ ярче обыкновеннаго, заспаляли смиренныхъ, пѣшеходовъ обходящихъ лишнюю улицу, только-бы не спупить на свѣпные пропивъ оконъ круги земли, съ кошорыхъ могли неучпиво согнапъ ихъ грозные рейшары. Не смошря на большой сѣздъ, вокругъ дворца было все шихо, какъ передъ спроемъ солдатъ, ожидающихъ своего начальника. Оклики спражи, да рокошъ запоздалой карепы, подѣзжавшей ко крыльцу, одни нарушали это спокойствіе на площади.

Но что дѣлалось во дворцѣ? Тамъ былъ царскій вечеръ у Императрицы Анны Іоанновны, уже болѣзненной, близкой къ своей кончинѣ, и какъ-бы спаравшейся разсѣяпъ себя, забыпъ

свои спраданія среди блеска и веселья. Для того, въ послѣднее время жизни своей, она чаще собирала во дворцѣ избранное общество и приказывала ему утѣшать себя. Можетъ быть и ловкій Биронъ употреблялъ это какъ политическое средство: при шумѣ веселья такъ удобно иногда испросить согласіе на многое, въ чемъ оппказываютъ по-ушпру, въ кабинетѣ, въ серьезное время работы ума. На что не могъ всесильный царедворецъ преклонить умъ Императрицы, съ нею обращался къ ея чувствамъ.

Собраніе было многочисленное и по видимому веселое. Вельможи и придворные расхаживали по заламъ, съ такимъ самодовольствомъ, обращались другъ къ другу съ такимъ радушіемъ, что посторонній сказалъ-бы: они оставили за порогомъ всѣ спраси свои, и предались одному желанію: развеселили Императрицу. Между нею она, окончивши партію пикета съ Осперманомъ, облокотилась на стоявшаго подлѣ нея Пажу, и глаза ея упали на Камергера Корфа, который приближался съ улыбающимся видомъ.

— А что-же, Баронъ! — сказала она: — принесли-ли вы мнѣ то сочиненіе?...

«Приказаніе Вашего Величества исполнено!» отвѣчалъ Корфъ, подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Императрица взяла ихъ, немного опкапilasь на креслахъ своихъ опъ сполнка, за кошорымъ играла, и обрапила рѣчь къ окружавшимъ ее.

«Вопъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ новомъ торжествѣ надъ Турками, Баронъ Корфъ поднесъ мнѣ спихи, написанные рыбаьимъ сыномъ....

— Рыбаьимъ сыномъ!... — воскликнуло нѣсколько голосовъ. Но въ эспихъ словахъ не было выраженія, пошому что еще не знали, какое придашь имъ: шупливое или торжественное. Императрица любила иногда приводить въ недоумѣнїе своихъ придворныхъ шупками и загадочными словами, и они ждали объясненія.

— Да, рыбаьимъ сыномъ! — повшорила она. — Вопъ, возьмише: эшо спихи на взяпїе Хошина и побѣду надъ Турками. Да какіе спихи!... Такихъ не пишеть Тредьяковскій, ни Грекъ Ансіохъ Каншемиръ.

Придворные съ благоговѣнїемъ спѣшили приниматьъ изъ рукъ Императрицы листочки, вдругъ сдѣлавшіеся для нихъ свяшынею. Она сама раздала ихъ нѣкошорымъ и опдавая остальные опяшь Корфу, сказала:

— На! дай имъ всѣмъ!... Я нарочно велѣла Корфу напечатать ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбовапсья новымъ спихотворцемъ нашимъ.

Между шѣмъ, получившіе стихотвореніе прежде другихъ, спѣшили къ канделябрамъ, къ свѣчамъ; спарики надѣвали очки, а иные уже разбирали по складамъ: *Враге .... врагеб .... ной да.....ли..... мнѣ..... воды*. И ошвсюду слышно было: «Безподобно!... удивительно!... прекрасно!»

Между шѣмъ Императрица сама снова ошзывалась о стихахъ Ломоносова чрезвычайно благосклонно, и наконецъ сказала Корфу:

— А гдѣ-бишь шеперь эшопъ Ломоносовъ!

«Въ Марбургѣ, Ваше Величество: учишся у Профессора Вольфа стихотворешву.

— Въ Марбургѣ! стихотворешву! у Профессора! — повшоряли многіе.

«Ну, да разскажи имъ, какъ получилъ шы эши стихи. Разскажи подробно. Эшо спрахъ какъ любопышно, господà!

Уши всѣхъ наспроились; Корфъ съ поклономъ къ Императрицѣ началъ:

«Ломоносовъ учишся на счетъ Академіи, щедрошами Всемилоспивѣйшей нашей Государины. Онъ присылаешъ ко мнѣ, какъ къ Президенцу Академіи, опчешы о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и опчешѣ, я получилъ опъ него и сшихи, написанные имъ, когда услышалъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками Ея Императорскаго Величества. Онъ говоришъ, что побѣда опозвалась въ Германіи какъ громъ, и что онъ, въ

избытокъ чувствъ, осмѣлился воспѣть шоржесш-
во Россійскаго оружія.

« Удивительно ! превосходно ! . . . » начались
опянь восклицанія.

Между шѣмъ Корфъ, напередъ выучившій
свой рассказъ, оширалъ пошъ, и съ шоржесш-
вомъ поглядывалъ на придворныхъ собранивъ.
Въ самомъ дѣлѣ, онъ шакъ кспаша поднесъ
спихи Ломоносова, что уже многіе были го-
шovy жапъ ему руку, и успѣхъ эшопъ равнял-
ся развѣ успѣху его выучишь довольно длинную
Русскую рѣчь.

— Но кто эшопъ Ломоносовъ ? — спросилъ
наконецъ Ошперманъ, ошававшійся на своемъ
мѣспѣ прошивъ Имперашрицы, за карпочнымъ
споломъ, пошому что подагра давала ему
право меньше другихъ упомляшь свои ноги,
даже при Имперашрицѣ.

« Ломоносовъ, Холмогорскій урожденець,
сынъ рыбака, » ошвѣчалъ Корфъ. « Въ доспослав-
ное царшвованіе нашей Всемилоспивѣйшей Го-
сударыни, когда науки вмѣспѣ со всѣми други-
ми опраслами государшвеннаго хозяйшва. . . .

Имперашрица улыбнулась; но Корфъ, ни мало
не смѣшавшись, продолжалъ:

« Когда все процвѣшаетъ и благоденшвуешъ,
и науки находяпъ покровишельшво, Ломоно-
совъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву, изъ Архан-
гельска. . . .

— Пѣшкомъ? — спросили нѣкошорые.

« Да , Мм. Гг., пѣшкомъ. Въ Москвѣ , разумѣется , вспрѣшилъ онъ покровительство , и опредѣлился въ Духовную Академію , откуда , какъ опличнаго ученика , опправили его въ нашу Академію. Мы , для вящаго усовершенствованія , послали его въ Марбургъ , къ Профессору Вольфу , и тамъ-то онъ написалъ оду...

Биронъ , всесильный Биронъ слушалъ съ нешерпѣніемъ разскащика , боясь чшобы многословіе его не ушомило Императрицы. Онъ уже хотѣлъ перемѣнить разговоръ , когда она сказала :

— Нѣтъ , разскажи , какъ удивилъ онъ васъ своими стихами.

«Да, Ваше Величество! Я испинно удивился, прочитавши стихи его , и опдалъ ихъ на разсмотрѣніе господамъ Академикамъ. Они единогласно подтвердили мое мнѣніе , чшо стихи прекрасны и даже достойны воззрѣнія Всемилостивѣйшей нашей Государыни. Я велѣлъ напечатать ихъ , и удостоился , во вчерашній торжественный день , поднести Ея Величеству. . . .

— А я велѣла напечатать побольше эсихъ листочковъ , и поздравляю васъ , господа , съ новымъ стихотворцемъ! — прибавила Императрица благосклонно.

Глубокій поклонъ былъ оивѣшомъ на эши слова.

Корфъ разсказалъ почти все справедливо; только нѣкоторыя спороны представилъ по своему. Онъ, какъ Нѣмецъ, даже плохо понимавшій Русскія дѣловыя бумаги, шѣмъ меньше могъ судить о стихахъ Ломоносова, и получивши ихъ, ошдалъ на разсмошрѣніе Академіи. Но шамъ засѣдали шакже почти все Нѣмцы, и они едва-ли могли-бы оцѣнить первый бриллианшъ Русской Поэзіи, если-бы одинъ изъ нихъ прямо-душно не посовѣшовалъ ошдашь стихи на разсмошрѣніе учишелю Академической Гимназіи Ададурову. Эшопъ человекъ, бывшій впослѣдствіи учишелемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екашеринѣ Алексѣевнѣ, и наконецъ вельможею, первый угадалъ поэшическій порывъ юноши, и съ изумленіемъ къ новости языка, величію образовъ, и, всего больше, необычайному размѣру стиховъ, предспавилъ Академіи, что ода Ломоносова доспойна всякаго одобренія и поощренія. Онъ прочишалъ ее Академикамъ, не понимавшимъ языка, но понимавшимъ размѣръ стиховъ. Они зашпорили было, что Русскій языкъ не способенъ къ размѣрамъ, и что въ немъ сущесшвуешъ только шоническое стихопшворсшво. Но почти въ одно время съ стихами получено было ошъ Ломоносова *Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства:*

онъ какъ будно предчувствовалъ, что оно будетъ нужно для убѣжденія Гг. Академиковъ. Ададуровъ перевелъ это письмо на Нѣмецкій языкъ, и совершенно удосповѣрилъ ихъ въ огромности подвига перваго Русскаго поэта. Они поняли это, и рѣшились наградишь изобрѣшеніе размѣра для Русскихъ стиховъ своимъ одобреніемъ. Послѣ того уже Корфъ рѣшился предсавишь оду Ломоносова Императрицѣ, и сдѣлалъ это шакъ удачно.

Одобришельный говоръ не умолкалъ, послѣ того какъ слышали, что Императрица искренно любуется стихами на громкую побѣду войскъ ея. Даже Биронъ, не любившій ничего Русскаго, хвалилъ по-Нѣмецки мужика, одареннаго шакимъ *искуснымъ умомъ*. Русскіе пашіюшы восхищались опъ чистаго сердца, можемъ бышь не сполько стихами, сколько побѣдой Русскаго ума надъ предубѣжденіемъ, которое бывало гошовой иногда опняшь у ихъ соощечеспвенниковъ всѣ способности.

— Все прославляетъ царспованіе Ваше, Государыня!—сказалъ Осшерманъ.

«Русскій умъ воскресаешъ!» примолвилъ Трубецкой.

—Онъ и не бывалъ распяшь — возразилъ Биронъ. — Къ шому-же стихопворцы, какъ всѣ искусники, имѣюшь особенныя способности, и

имъ надобно только благопріятныя обстоя-
тельства, въ какихъ, напримѣръ, находишься
теперь Россія. Эпошъ мужикъ уже не первый:
Тредьяковскій также пишеть стихи.

«Конечно, Ваша Свѣтлость,» отвѣчалъ Тру-
бецкой смиренно. «Все опъ Бога! Овому па-
лантъ, овому два. . . . Но у насъ до сихъ поръ
не было стихотворцевъ, кромѣ старинныхъ
псалмослагателей.»

— Почему чшо еще не наставало время для
этого — сказалъ Биронъ. — Да и Русскій языкъ
вообще мало способенъ къ выраженію тонкихъ
мыслей.

«На немъ однакожь выражены всѣ красоты
божественныхъ писателей» — осмѣлился замѣ-
нить Трубецкой.

Биронъ взглянулъ на него грозно, потому
чшо не вдругъ нашелъ отвѣтъ; однакожь по-
часъ прибавилъ, соображаясь съ образомъ мыс-
лей Императрицы:

— Но вы говорите о людяхъ священныхъ, попо-
му чшо переводчики священныхъ книгъ таковы.
А чшо такое стихотворцы? . . . Неужели ихъ
спавите вы наряду съ святыми?

Трубецкой смолчалъ въ свою очередь, и по-
томъ отвѣчалъ въ полголоса:

— Можесть бытъ мы сами недоспойны по-
явленія священныхъ людей.

— Не о томъ рѣчь, Князь — пылко возразилъ Биронъ. — Вы смѣшиваете людей вдохновенныхъ съ спихотворцами. Я говорю только, что въ Россіи не было до сихъ поръ спихотворцевъ. Даже въ славное царствованіе Императора Петра I-го не писали стиховъ. И только теперь, когда науки поощряются, когда Россія начинаетъ истинную жизнь Европейскаго Государства, и когда благоденствіе народа прочно, онъ начинаетъ пѣть.

«Справедливо! справедливо!» раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Научкамъ необходимо поощреніе, такъ-же какъ и всему другому — продолжалъ Биронъ, довершая свою побѣду. — *У васъ въ Россіи до сихъ поръ не понимали этого.*

Увлеченный живоспью разговора, онъ не замѣтилъ неприличнаго своего выраженія, пошому что не привыкъ быть осторожнымъ въ словахъ, и какъ будто хотѣлъ сказать, что только онъ показываетъ Рускимъ свѣтъ Божій.

Императрица была такъ снисходительна къ своему любимцу, что позволяла ему забываться даже въ собственномъ ея присутствіи. И теперь, видя что разговоръ принимаетъ оборотъ не совсѣмъ пріятный, она спѣшила сказать:

— Такъ надобно-же , Герцогъ , подтвердишь ваши слова и всячески поощряшь эшого умнаго рыбака.

«Воля Вашего Величества священна для каждаго изъ насъ,» благоговѣйно отвѣчалъ Биронъ, наклоняя голову.

— Поощреніе раждаетъ науки ! — прибавилъ Осшерманъ. — Эшо доказанная, свяшая истина. Счастливному царствованію Вашего Величества предославлено соединишь и славу наукъ, со всѣми другими славами Россіи.

«Да , я хочу, чшобы эшомъ рыбакъ не пропасть за-даромъ. Надобно имѣшь его въ виду. Спасибо , Корфъ , тебѣ, чшо ты доставляешь намъ новый случай изъяснить наше благоволеніе къ успѣхамъ, какого-бы рода ни были они.

Воспорженный Корфъ сшалъ на колѣни и прикоснулся губами къ рукѣ Императрицы.

— Имѣй въ виду нашего рыбака, и при случаѣ доноси мнѣ о его успѣхахъ ; а когда возвратишся онъ изъ-за границы , доложи мнѣ объ эшомъ.

Бѣдный Ломоносовъ !... Для чего не былъ онъ тутъ , среди эшого блестящаго собранія придворныхъ, кошорые слышали милоспивыя для него слова Императрицы ! Они осыпали-бы его поздравленіями и окружили гоповноспью поспблять на шернишомъ пути жизни. Но онъ

былъ далеко ; онъ не слыхалъ поощреній ; они не дошли до него.

—Спасибо всѣмъ вамъ, господà, что пособи-
ли провести время ! — сказала Императрица ,
необыкновенно милоспивая во весь эпошъ ве-
черъ. Но слова ея были знакомъ , что вечеръ
кончился. Съ глубокими поклонами начали уда-
ляться придворные, между шѣмъ какъ Императ-
рица склонилась на спинку своихъ креселъ, и
какъ-бы въ ушомленіи закрыла рукою глаза.

На другой день, во всѣхъ придворныхъ кру-
гахъ, во всемъ высшемъ обществѣ разговарива-
ли о необыкновенномъ сынѣ рыбака. Ода Ломо-
носова восхищала всѣхъ , понимавшихъ и не
понимавшихъ ея. Но еще больше удивлялись,
и можешъ бытъ даже завидовали, благосклонно-
спи , съ какою приняла ее Императрица. Эпо
былъ первый примѣръ милоспиваго вниманія къ
Русской Поэзіи. И въ самомъ дѣлѣ, если вспо-
мнимъ, что стихи Ломоносова произвели ша-
кой шумъ при Дворѣ почти за сто лѣтъ до
насъ, то удивимся-ли говору, какой продолжал-
ся о нихъ до самаго вечера слѣдующаго дня? Въ
эпошъ вечеръ былъ назначенъ маскарадъ у кого-
то изъ придворныхъ, и на другой день разго-
воръ былъ уже о маскарадѣ. Поэшъ , поэзія, и
счастливый сынъ рыбака не занимали больше
никого.

Г л а в а II.

Но между шѣмъ какъ люди, окруженные великолѣпіемъ и пышностью восхищались сѣихами Ломоносова, мы видѣли каково было бѣдному поэту! Онъ бродилъ по Германіи, часпо безъ куска хлѣба, нищимъ; былъ въ рукахъ Прусскаго Вахмиспра, спрашась свиспа палки, или, что едва-ли не хуже, въ рукахъ своихъ кредиторовъ, копорые хотѣли упряпашъ его въ шюрму. Онъ бѣжалъ отъ нихъ къ первому Рускому, копораго могъ встрѣшитъ, и возвратился въ Россію.

Но уже два года прошло послѣ описаннаго нами вечера. Императрица Анна Іоанновна скончалась; регенство Бирона, и потомъ Принцессы Правительницы, сдѣлались прошедшимъ, и Ломоносовъ вышелъ на берегъ Невы почти при самомъ началѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Сколько перемѣнъ случилось въ это время! Почти всѣ придворные

Анны Іоанновны были въ започеніи или въ Сибири, или по крайней мѣрѣ удалены отъ Двора, и слѣдовательно всѣ, видѣвшіе торжествъ дарованія рыбака, не могли даже ободришь его рассказомъ о томъ, не только помочь ему. А до него-ли было новымъ вельможамъ? Ихъ озабочивали дѣла, столько важныя для нихъ, что они даже не знали, да и не захотѣли-бы знать, существуетъ-ли на свѣтѣ какой-то Михайло Ломоносовъ, за два года (это вѣчнось при Дворѣ!) расхваленный покойною Императрицею и всѣми придворными ея. Можешь быть даже, кто и могъ-бы рассказать объ этомъ, не рассказавъ-бы, опасаясь напоминанія о прежнемъ порядкѣ дѣлъ, о прежнихъ сильныхъ людяхъ, упавшихъ съ высоты почестей и власи. Такимъ образомъ Ломоносовъ ничего не зналъ о своемъ успѣхѣ, когда пробирался къ Академическимъ зданіямъ, и несъ въ узелкѣ, подъ мышкой, все свое богатство: пары двѣ бѣлья, двѣ-три книги и нѣсколько свершковъ бумагъ. Онъ спросилъ прежде всего о Президентѣ Корфѣ. Ему сказали, что Корфа уже нѣтъ; что теперь Президентомъ Г. Фонъ-Бревернъ, который живетъ не въ Академіи. Гдѣ Эйлеръ? Недавно уѣхалъ къ Фридриху Прусскому, въ Берлинъ. Путешественникъ спросилъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему другихъ лицахъ: нѣтъ никого! Байеръ умеръ, другіе

ославили службу или путешествуя въ далекихъ земляхъ.

Невольная грусть запала въ сердце Ломоносова. «Неужели я осужденъ быть вѣчно чужимъ среди людей?» подумалъ онъ. Къ счастью, въ этотъ день было засѣданіе въ Академіи. Онъ явился туда, объявилъ, или лучше сказать долженъ былъ располковать, кто онъ, и наконецъ успѣлъ вручить свои аттестаты и нѣкоторыя другія бумаги, доказывавшія, что онъ точно тотъ, за кого выдаетъ себя. Всѣ Нѣмцы обрадовались, что молодой человекъ очень хорошо говоритъ по-Нѣмецки. Это было важною рекомендаціею для Ломоносова. Естественнo и проспешельно: Члены Русской Академіи почти не говорили по-Русски.

Президенша не было въ это засѣданіе, и потому Ломоносову должно было на другой день идти къ нему на домъ. Онъ жилъ довольно далеко. Хотя Петербургъ не былъ тогда неизмѣримъ какъ теперь, но размѣры его были обширны съ самаго основанія. На краю города, среди пущырей и нѣсколькихъ новыхъ домиковъ, жилъ Г. Фонъ-Бревернъ, потому что тамъ земля отдавалась тогда бесплатно, и чѣмъ больше кто занималъ мѣста, тѣмъ больше были рады. Почтенный Президентъ Академіи, Нѣмецъ, любитель садовъ, лужаекъ и экономіи, расчелъ, что онъ можетъ имѣть соб-

сшвенное хозяйство, и даже огородъ, слѣдовательно дома цвѣтную капусту, не говоря уже о чемъ другомъ. А это казалось важно для него, потому что въ Петербургѣ еще не было горъ всякой зелени на Сѣнной и зеленыхъ рядовъ по рынкамъ.

Когда Ломоносовъ явился къ нему въ домъ, и попросилъ доложить о себѣ, ему сказали, что Его Превосходительство въ саду, куда можно идти къ нему прямо. Онъ пошелъ, и на прекрасномъ болошѣ, кой-гдѣ превращенномъ въ чистое поле, въ гряды, кой-гдѣ усаженномъ нѣсколькими деревцами для красы, увидѣлъ своего начальника, одѣшаго въ широкій домашній сюртукъ. При видѣ незнакомца, Г. Фонъ-Бревернъ съ вопросительнымъ лицомъ пошелъ къ нему на встрѣчу, какъ-бы ожидая опзыва.

Ломоносовъ опрекомендовался ему по-Нѣмецки, и сказалъ наконецъ, что онъ ожидаетъ распоряженій и приказаній Его Превосходительства.

— Очень хорошо, очень хорошо! — сказалъ Президентъ. — Я подумаю объ этомъ.

«Ваше Превосходительство. . . . я чрезвычайно нуждаюсь въ деньгахъ. . . .»

— Очень хорошо — отвѣчалъ Президентъ. — Я соображусь и сдѣлаю все что зависить отъ меня.

«Гдѣ прикажете мнѣ помѣститься теперь?»

—Гдѣ? Да гдѣ вы теперь помѣщаетесь?»

«Въ первой или лучше сказать передней комнатѣ Академіи,» отвѣчалъ Ломоносовъ съ нетерпѣніемъ. «Правду сказать, у меня и нечего размѣщать по угламъ самой маленькой комнаты; но для занятій необходима удобная квартира.

—О, конечно! — воскликнулъ Президентъ не измѣняя своему хладнокровію. — Я завтра позабочусь о васъ. . . . у меня столько занятій. . . . —прибавилъ онъ, усердно высягивая дымъ изъ трубки.—Но завтра я непременно помѣщу васъ и сдѣлаю всякое удовольствіе. Иванъ!—сказалъ онъ обращаясь къ работнику.—Что-же эти куски оспающа безъ поливки?

Ломоносовъ раскланялся и пошелъ назадъ. — Они все шѣ-же! — думалъ онъ, съ досадой шагая по улицѣ.—Такъ-же беззаботны обо всемъ, что не относится къ нимъ лично! . . . Ни одного вопроса о моихъ успѣхахъ, о моихъ занятіяхъ въ Германіи! Это больно, больно! . . . Бревернъ знашый человѣкъ; онъ могъ-бы много, а я не смѣю теперь надѣяться отъ него ничего. На кого-же надѣяться? . . . На кого? Михайло! Неужели ты еще не привыкъ надѣяться только на себя, и на Того, Кшо выше насъ! Да, на Него, и на свою голову, на свою грудь полагаюсь я во всемъ.

Упѣшенный эпою мыслію, Ломоносовъ почти весь день бродилъ по Петербургу, съ любопытствомъ разсматривая успѣхи юнаго гиганта, который вырасталъ изъ своего болоша, и уже показывалъ чѣмъ будешь нѣкогда. Но Ломоносовъ не встрѣшилъ ни одного знакомаго лица въ своемъ опечеспвленномъ городѣ, и эпо навело на него шоску. Да! тяжелое чувство закрадываеиша въ душу, когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ опсущспвія, вы пріѣзжаете въ знакомый городъ, видите прежнія мѣста, прежніе дома, и кажешесь сами себѣ чужимъ, бѣглецомъ подъ шапромъ роднаго неба.

Но Президентъ былъ человекъ испинно добрый, не смопря на свою странную предспавишельность. На другой-же день онъ явился въ Академію, опвелъ комнапу Ломоносову, велѣлъ выдашь ему все заслуженное жалованье, распрашивалъ его о Германіи, и наконецъ сказалъ, чпобы онъ пригошовилъ опчешъ о своемъ путешеспвіи.

Ломоносовъ ожилъ, и съ жаромъ принялся сочинялшь свой опчешъ, на Лапинскомъ языкѣ. Эпо заняло его нѣсколько дней, и черезъ недѣлю по пріѣздѣ онъ представилъ Академіи не проспо опчешъ, а мастерское произведеніе ученаго, гдѣ какъ въ ясномъ зеркалѣ опражались всѣ предметы, видѣнные глазами просвѣщеннаго, высокаго человека, и всѣ впечатлѣнія,

всѣ завоеванія сильнаго, могучаго ума его. Эшо была цѣлая поэма, конечно выше писанной имъ послѣ на заказъ. Тушъ говорила его душа, озаренная свѣтомъ Науки, укрѣпившей рѣдкій его умъ. Но вмѣстѣ съ эшимъ, самый кропотливый ученый могъ удовлетвориться опцемъ Ломоносова, потому что онъ показалъ въ немъ глубокія свѣдѣнія по всѣмъ часямъ знаній, которыми занимался въ Германіи; а чѣмъ онъ не занимался тамъ? Философія и Спихотворство, Астрономія и подземный міръ — онъ коснулся всего.

Въ Академіи начались разсмотрѣнія и сужденія ученыхъ, а Ломоносовъ обратился между тѣмъ къ предмету, который не переспавалъ наполняя и пѣгопий его душу. Сонъ, видѣнный имъ на кораблѣ, при возвращеніи въ Россію, не выходилъ изъ ума его. Онъ съ самага пріѣзда искалъ какихъ нибудь Холмогорцевъ, и наконецъ нашелъ нѣсколькихъ пріѣзжихъ изъ деревни, близкой къ мѣсту его рожденія. Эшо были рыбные торговцы, знавшіе опца его, и припомнившіе, что у Василья Ломоносова былъ сынъ. Но они не хопѣли вѣришь, чтобы съ ними говорилъ эшотъ сынъ, котораго увидѣли они молодымъ, спашнымъ господиномъ.

— Не о шомъ дѣло, ребяша! — сказалъ имъ Ломоносовъ. — Скажете мнѣ объ опцѣ моемъ?... А я шочно Михайло, сынъ Василья Ломоносо-

ва. . . . Давно ушелъ я съ своей родины, много спранспивовалъ по свѣту, и вошъ, недавно, возвращаясь сюда, видѣлъ такой спрашный сонъ, кошорый не даетъ мнѣ покоя. Скажите, живѣли мой ошець?

«Не знаемъ, благодѣшель!» отвѣчали земляки его. «А коли хочешъ знашь ваша милоспъ, шакъ мы скажемъ чшѡ знаемъ. Родиспель швой ошправился нынѣшней весной, какъ шѡлько вскрылись рѣки, на промысель. Такъ вѣдь онъ всегда дѣлывалъ. Но ужъ минуло послѣ его ухода въ море чешыре мѣсяца, когда мы побѣхали изъ своей деревни, а о немъ и объ его аршели ни слуху ни духу не было.

Эши слова поразили Ломоносова. Онъ зналъ, какъ производились на родинѣ его рыбные промыслы, и пошому ошсуществіе, спѡлько продолжиспельное, ужаснуло его. Сонъ казался ему вѣщимъ. Онъ распросилъ рыбаковъ, по какому направленію ошправился ошець его, и догадывался изъ ихъ словъ, что онъ долженъ былъ присцавать и къ шѡму ошрову, на кошоромъ во снѣ видѣлъ его бездыханнымъ.

Въ пылкой душѣ его шѡпчасъ родилась мысль: бѣхашъ ошыскивать своего ошца, пошому что онъ навѣрное почишалъ его погибшимъ. Мершвыи, ошпавшійся безъ погребенія ошець, безпреспанно предспавлялся ему, и преслѣдовалъ

его даже во снѣ, будто укоряя за свое одиночество и въ жизни и по смерти.

Обстоятельства однакожь никакъ не позволяли ему ѣхать въ то время, когда въ Академіи рѣшалась его участь. Онъ долженъ былъ многое пояснять въ своемъ отчетѣ, писать новыя бумаги, офиціальныя и ученыя, словомъ, бодрствовать надъ своимъ жребіемъ. Но нѣсколько мучительныхъ дней превозмогли все. Онъ явился въ присутствіе Академіи и объявилъ, что имѣетъ непремѣнную надобность съѣздить на время къ отцу своему, который, по слухамъ, находится въ опасности жизни. Онъ не хотѣлъ болѣе пояснять темнаго своего опасенія, боясь, что его не только не поймутъ, но и спанутъ еще смѣясь; потому, просто какъ милости, просилъ онъ опуска.

Это оказалось невозможнымъ. Академики рѣшили, что дѣла службы важнѣе семейственныхъ, и что Г-ну Ломоносову даже неприлично опуститься въ такое время, когда должно давать отчетъ, съ пользою-ли употребилъ онъ благодѣянія Академіи. Онъ повиновался; но глубокая тоска овладѣла душою его. Чтобы сколько нибудь успокоить себя, онъ пошелъ къ своимъ землякамъ, и зная, что они скоро отправляются домой, началъ просить ихъ опусканья отца его.

«А гдѣ мы спанемъ описывать его?» спросили добродушные рыбаки.

— Я скажу вамъ — ошвѣчалъ Ломоносовъ, и началъ подробно описывать оспровъ, видѣнный имъ въ малолѣтствѣ нѣсколько разъ. — Тамъ, гдѣ нибудь, въ пусынномъ мѣсѣ, найдете вы шѣло моего опца — прибавилъ онъ со слезами на глазахъ. — Дай Богъ, чшобы предчувствіе мое было несправедливо! . . . Но если оно, къ несчастію, сбудется, похороните его съ должною честію и положише на могилѣ камень.

«Мы рады-бы услужить вашей милости, но вѣдь не нарочно-же ѣхашъ за эшимъ.

— Знаю; но вы вѣрно нынче-же осенью поѣдете на промысель?

« Поѣдемъ.

— Ну, такъ заверните на эшотъ оспровъ; а чшобы вы не даромъ прудились и издерживались для меня, вошъ вамъ деньги.

Онъ высыпалъ изъ кошелька все, чшѡ было у него денегъ. Мужики изумились богатству его, пошому чшѡ онъ дарилъ имъ больше десяти серебряныхъ рублей, и послѣ эшого дали не премѣнное обѣщаніе исполнить просьбу земляка-господина. Еще разъ повпорилъ онъ имъ всѣ примѣшы оспрова, и съ шоской въ сердцѣ прошился съ своими Холмогорцами.

Вскорѣ послѣ эшого назначено было Ломоносову чишашъ пробную лекцію о Химіи. Онъ

съ жаромъ принялся сочинять ее , и сердечная попка, обладавшая имъ, придавала новую силу и торжественность выраженіямъ его. Черезъ нѣсколько дней представилъ онъ свою лекцію. Ее одобрили и назначили день для торжественнаго чтенія. Еще бѣдный учеными Пепербургъ, гдѣ едва-ли было десять человѣкъ, понимавшихъ Ломоносова, видѣлъ, можетъ быть, въ первый разъ ученое торжество Русскаго ума. Ломоносовъ блистательно прочелъ свою лекцію , и нѣкоторыя возраженія Академиковъ завязали споръ, еще больше показавшій обширныя свѣдѣнія, умъ и краснорѣчіе диспушанша. Это вышло настоящее ученое состязаніе, какихъ можетъ быть немного бываетъ и въ наше время. Въ самомъ дѣлѣ, если вообразимъ перваго Русскаго естествоиспытателя, истиннаго ученаго человѣка, словомъ Ломоносова, и прошивъ него тогдашній цвѣтъ Нѣмецкой учености, то это представитъ намъ картину торжественную и умилительную.

Испытаніе кончилось одобреніемъ со стороны Академиковъ , и поздравленіями нѣсколькихъ человѣкъ знавшихъ , присутствовавшихъ пусть-же. Между прочимъ Лешокъ , Лейбъ-Медикъ Императрицы , побудившій ее принять бразды правленія , подошелъ къ Ломоносову и сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ. Хладнокровный Фонъ-Бревернъ казался довольнымъ и обѣ-

щаль позаботиться о молодомъ ученомъ, Пепръ Ивановичъ Шуваловъ также изъявилъ свое удовольствіе. Но всѣхъ больше восхищался, по видимому, и радовался юноша, лѣтъ пятнадцати, въ пажескомъ мундирѣ, бывшій съ П. И. Шуваловымъ. Онъ просто подошелъ къ Ломоносову, пожалъ ему руку и просилъ его знакомства: это былъ знаменитый впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Ломоносову казалось, что голова его была увида лаврами послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій. Онъ уже мечталъ объ академическомъ триумфѣ, и грудь его облегчилась на нѣсколько дней отъ угнетавшей ее тоски. Но возвращеніе къ обыкновенной жизни скоро зашмило эти свѣтлыя минуты.

Академія рѣшила, послѣ всѣхъ разсмотрѣній и сужденій, что студентъ Михайло Ломоносовъ достоинъ повышенія въ ученыхъ степеняхъ, и пошому награждается званіемъ Адъюнкта-Профессора, съ опредѣленіемъ въ Академическую Гимназію преподавателемъ Химіи и Физики. Можетъ быть, онъ ожидалъ чего нибудь больше, хотя не имѣлъ къ этому никакого повода, пошому что не всякій счастливецъ изъ студента дѣлается Профессоромъ, Академикомъ; но какъ-бы то ни было, эта ученая степень не очень обрадовала его. Онъ заслужилъ ее тяжелымъ трудомъ! Это была

только справедливость, а онъ, можетъ быть, ожидалъ награды; можетъ быть! . . . Спросни человѣческія несповѣдимы и всего чаще безопечны.

Между тѣмъ, новый Адъюнктъ приступилъ къ своему занятію ревностно, съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, потому что самъ прошелъ весь лабиринтъ школъ высшихъ и низшихъ. Голова его, всегда легко воспалявшаяся, тотчасъ составила множество плановъ, которые думалъ онъ исполнить, при помощи ученыхъ собратій своихъ и покровительствѣ знавшихъ. Онъ хотѣлъ многое переменить, пополнить въ преподаваніи, ввести новыя методы, выписать необходимыя книги, снаряды, но на первый случай удерживалъ свою ревность, потому что опылъ умѣетъ обуздывать самыя пылкія души. Онъ рѣшился сначала дѣйствовать тѣми средствами, какія находились у него подъ руками, оказать нѣкоторыя заслуги, сблизиться съ сильными людьми, и потомъ уже приступить къ нововведеніямъ. Увидимъ, многое-ли сбылось изъ этихъ мечтаній.

Но занимаясь преподаваніемъ своихъ наукъ, Ломоносовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ Академіи, хотя младшимъ. Онъ долженъ былъ, по временамъ, читать тамъ разсужденія объ ученыхъ предметахъ. Это составляло для него не трудъ, а охоту, охоту. Какъ Адъюнктъ

Химіи, онъ почти овладѣлъ лабораторією, наконецъ поселился въ самомъ зданіи ея, и во всѣ свободные часы производилъ опыты. Они раждали въ немъ новыя мысли, новыя идеи, и Химія, Металлургія являлись у него не въ однихъ плавильныхъ горшкахъ, но и въ диссертаціяхъ, сильныхъ взглядомъ, опытносною, и блестящихъ изложеніемъ. Въ первый разъ наука говорила въ Россіи такимъ языкомъ.

Среди этихъ занятій, не поглощавшихъ всей дѣятельности Ломоносова, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда зимою получилъ онъ ударъ, расперзавшій его сердце.

Рыбаки, взявшіе на себя развѣдать объ опцѣ его, явились, и послѣ множества поклоновъ, вздоховъ, предувѣдомленій, сказали, что Василья Ломоносова нѣтъ на свѣтѣ.

Ломоносовъ упалъ на спудъ и закрылъ лицо руками. Нѣсколько минушъ оспавался онъ въ такомъ положеніи и наконецъ спросилъ у своихъ земляковъ, какъ удостовѣрились они въ этомъ несчастіи.

Въ просшихъ словахъ, но съ непришворнымъ участіемъ рассказали они ему, что осенью, отпраившись въ море, на рыбный промыселъ, они подплыли къ тому пусынному острову, который описалъ онъ имъ такъ подробно. Долго не находили ничего; наконецъ, въ углубленіи одного залива, на берегу, нашли тѣло Ва-

силы Ломоносова, поплакали надъ прахомъ стараго пріятеля, и съ теплою молишвою зарыли его въ землю. Тупъ-же ошыскали они большой камень, и положили его на могилу. Какимъ образомъ погибъ Василій Ломоносовъ? Гдѣ аршель его? Неизвѣстно. Вѣроятно, что корабль разбило, и всѣ бывшіе на немъ пошонули. Только прахъ хозяина ихъ сохранился, какъ-бы въ оправданіе чуднаго, пророческаго сновидѣнія сына его.

Ломоносовъ не спрашивалъ болѣе. Онъ далъ еще денегъ своимъ землякамъ, и велѣлъ имъ помнишь, что отецъ его былъ добрый чловѣкъ. Онъ зналъ, что послѣ него оспалось нѣкоторое имѣніе, но не могъ и думать о немъ, предославляя своей злой мачихѣ прожити имъ печальный оспашокъ ея дней. Въ такой высокой душѣ, какая оживляла Ломоносова, могло ли гнѣздиться малѣйшее помышленіе о деньгахъ отца, особенно когда онъ лишился его сполько несчастнымъ образомъ? Нѣтъ, это было далеко отъ него, недоступно ему. Иныя мысли тяготили его душу. Не раскаяніе, а шоска, что онъ бѣжалъ въ юности отъ своего родишеля, и лишилъ его опрады и ушѣшенія, никогда не оставляла Ломоносова. Самою леспною мечшой, которую ласкалъ онъ много лѣтъ въ сердцѣ, было: явишься къ своему отцу въ блескъ новой своей жизни, въ довольствѣ, въ

почесняхъ (потому что простой умъ не понялъ бы величія просвѣщенія), и сказалъ, цѣлуя грубыя руки сшарика: «Видишь-ли, что я достойный тебя сынъ? . . . Благослови-же меня, и радуй, счастливъ, наслаждаясь удобствами, копоры предлагаю тебѣ со всею покорностью добраго сына!»

Но всѣ эти мечпы разрушились. Ломоносову не суждено было встрѣпить своего отца на землѣ! Эта мысль о разлукѣ *вѣчной*, убила на нѣсколько времени умъ и способности души его. Онъ не плакалъ, но по цѣлымъ днямъ сидѣлъ или ходилъ опустивъ голову, сложивъ руки, и только иногда восклицалъ:

«Добрый, почтенный отецъ! Я никогда не увижу тебя больше! . . . Никогда. . . .»

И слова замирали на губахъ его; онъ опять впадалъ въ свою тяжкую скорбь.

Это несчастное состояніе наконецъ расшевелило и товарищей его. Они давно замѣчали въ немъ грусть, но полковали ее по своему; теперь, узнавши, что сокрушаетъ Ломоносова, они спали приходишь къ нему съ утѣшеніями и развлеченіями. Человѣкъ всегда добръ, когда видитъ истинное несчастіе; но онъ бываетъ неносенъ этимъ самымъ чувствомъ доброты, когда оно выходитъ на свѣтъ пусыми фразами. Ломоносовъ былъ готовъ бѣжать отъ своихъ утѣшителей! Гораздо умнѣ поступали

пѣ изъ нихъ, которые приходили къ своему собрату пошолковапъ о какомъ нибудь новомъ открытіи въ Химіи или Физикѣ, о новомъ опытѣ въ раскрытіи тайнъ природы. Онъ невольно обращалъ на это вниманіе, начиналъ разговаривать и на минушу забывалъ свое горе.

Наконецъ сила души его побѣдила это тяжелое состояніе. Надолго, навсегда оспалась въ сердцѣ скорбь о погибшемъ опцѣ, но ея уже не замѣчали другіе. *Чудовище привычка!* говоришь сердцеѣдѣцъ Шекспиръ. Да, ужасна мысль, что можно привыкнуть къ самому, при первомъ взглядѣ неприблизимому для человѣка положенію! И природа дѣлаетъ это какъ коварный врагъ, постепенно, временемъ. Но чѣмъ глубже чувствуетъ сердце, тѣмъ пруднѣй владѣльцу его свыкается съ тяжкимъ для него состояніемъ.

Глава III.

Ломоносовъ не любилъ элегій ни въ жизни, ни въ стихахъ. Но во многихъ стихотвореніяхъ его видно чувство борьбы съ жизнью. Оно-то особенно заставляло его обращаться къ поэзіи божественныхъ пѣвцовъ, эпическихъ утѣшителей прешедшихъ по землѣ милліоновъ, грустившихъ такъ-же какъ мы, и находившихъ утѣшеніе въ пѣсняхъ Давида, въ мудрыхъ наставленіяхъ Соломона, въ спрадальческой жизни философа Іова. Кажется Вольтеръ сказалъ, что въ книгѣ Іова больше поэзіи, нежели во всемъ, что написали и напишутъ пѣвцы бывшіе и будущіе. Едва-ли не справедливо!

Грустные чувства послѣ смерти отца заставили Ломоносова переложить въ стихи большую часть псалмовъ, которые находимъ въ сочиненіяхъ его; тогда-же, съ особеннымъ вдохновеніемъ написалъ онъ *Оду изъ Іова*. Это перлъ въ немногихъ дошедшихъ до насъ его стихотвореніяхъ!

Но чувствуя его мало по малу успокоивались, яснили, и по возвращении Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы, гдѣ короновалась она, Ломоносовъ написалъ оду на ея прибытіе. Послѣ страшныхъ временъ Бирона, послѣ интригъ и неуспѣховъ въ крапкое владѣніе Принцессы Анны Леопольдовны, юная Царица, дочь Великаго Петра, казалась Рускимъ ниспосланною для ихъ блаженства. Удивительно-ли, что Ломоносовъ одушевился воспоргомъ и благословеніями народа, написалъ торжественную оду, и хотѣлъ, чтобы она была поднесена Императрицѣ? Тогда громкія оды почиались необходимостью во всей Европѣ, такъ что Буало просилъ наконецъ Людовика XIV *не побѣждать*, увѣряя, что у него, у поэта Буало, не доспаетъ ни словъ, ни звуковъ воспѣшь всѣ побѣды Великаго Короля. Сверхъ того, Ломоносовъ выучился писать стихи по торжественнымъ одамъ, и спѣшилъ снова показать свое искусство въ нихъ.

Ода написана; черезъ кого поднести ее Императрицѣ? Ломоносовъ перебралъ въ головѣ своей того, другаго, изъ извѣстныхъ ему вельможъ, и наконецъ остановился на Леспокѣ. Да, Леспокъ самый приближенный къ прону придворный; онъ-же такъ милосиво сказалъ Ломоносову нѣсколько словъ. . . . Къ нему, къ нему!

Поэтъ отправился съ одою въ карманѣ къ Лешоку.

Толпа, обыкновенное украшеніе передней всякаго вельможи, немного озадачила гордаго поэта. Онъ спросилъ у какого-то раззолоченнаго лакея, можно-ли видѣть Его Высокопревосходительство.

— Не принимаетъ! — отвѣчалъ лакей глядя въ окно.

Ломоносовъ задумался. Сердце его кипѣло; но онъ скрѣпился и спросилъ оцѣнь, чего-же хочешь эша толпа?

— Спросише у нихъ! — отвѣчалъ лакей безсмысленно.

«Но если не лѣзя видѣть Его Высокопревосходительство, то по крайней мѣрѣ могу-ли увидѣть Секретаря его?»

Лакей смѣрялъ просителя глазами, и какъ-бы удивляясь просподушю его, сказалъ:

— Секретарь не принимаетъ никакихъ просьбъ безъ приказанія Его Высокопревосходительства.

«У меня и нѣтъ никакой *просьбы!*» возразилъ Ломоносовъ. «Мнѣ нужно сказать ему только нѣсколько словъ.»

— Такъ поиди къ нему, вошь въ эту дверь: на лѣво въ прешней комнатѣ. Эпоетъ принимаетъ всѣхъ! — съ неуваженіемъ произнесъ лакей отворачиваясь.

Такія слова въ устахъ лакея — похвала. Ломоносовъ бодрѣй пошелъ въ указанную комнату, отворилъ дверь, и остановился, думая что не шуда зашелъ. Онъ увидѣлъ знакомое, драгоценное для него лицо — Селлія! Но онъ еще не вѣрилъ глазамъ своимъ и въ замѣшательствѣ сказалъ:

«Извинише..... можете быть я ошибаюсь..... Я искалъ Секретаря Его Высокопревосходительства.

— Эшо я и есть!... Вы удивляетесь? или можете быть не узнаете меня, старый знакомый?... Садитесь, садитесь!» продолжалъ Селлій поцѣловавъ Ломоносова и указывая ему стулъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ странно видѣнь почти-монаха Селлія Секретаремъ у вельможи! Не правда-ли?...

«Признаюсь!... шѣмъ больше удивляюсь я встрѣчая васъ здѣсь, что въ Александро-Невскомъ монастырѣ мнѣ не умѣли сказать гдѣ вы.

—А вы думали, что такой важный человекъ, какъ Секретарь Леспока, долженъ быть извѣстенъ вездѣ?

«Правду сказать, я ничего не подумалъ объ эшомъ, и только жалѣлъ, что не могъ описать васъ.....

— Да, Г. Ломоносовъ! . . . Много переменъ! много! . . . Я также пылинка въ этомъ полищическомъ вихрѣ! . . . Самъ смѣюсь этому!

«Но, мнѣ кажется, при новой, благодѣшельной переменѣ въ Россіи, когда люди надобны для всѣхъ часшей управленія, вы можете сдѣлать много добра.

Селлій усмѣхнулся и помолчавъ сказалъ: — Ежели это не сеншенція изъ спараго архива мыслей, то вѣрно вы еще худо узнали людей, мой любезный другъ! Я Секретаремъ у Лесюка, пошому что люблю этого человѣка и былъ пріятелемъ его еще въ то время, какъ онъ былъ проспымъ лекаремъ. Но я и осмѣюсь только пріятелемъ его. Надѣюсь скоро опять переселишься въ свою келью и совершенно посвящешь себя Богу. Вы знаете, что это мое давнее желаніе.

«Но почему-же, позвольте спросить, если это не нескромно съ моей стороны, вы не хотите дѣйствовать на новомъ поприщѣ добра?

— Пошому что не могу. Я облегчаю нѣкоторые трудности въ новыхъ занятіяхъ Лесюка, но не могу ничего сдѣлать больше. А между тѣмъ мѣсто, которое занялъ я, есть предметъ зависи для многихъ, и они окружаютъ меня всякими непріятностями. Да и самъ Лесюкъ умѣлъ дѣйствовать только тамъ, гдѣ

была нужна рѣшительность, смѣлость, минуш-
ная сила духа; но онъ не способенъ ошводишь
удары дворскихъ козней, шпанушь проволоку
службы, и даже не способенъ прудиться....
Одинъ насмѣшливый умъ его ешь уже такая
помѣха.... Но полно объ эшомъ! Скажише
лучше мнѣ, какъ вы провели всѣ эши годы, въ
кошорые мы не видались съ вами?

Не надобно удивляться, что Селлій шакъ
ошкровенно заговорилъ съ Ломоносовымъ при
первой встрѣчѣ. Если разсмотримъ тайныя
спруны сердца человѣческаго, то увидимъ, что
онъ не могъ говорить иначе съ нимъ, съ Ло-
моносовымъ, то ешь съ человѣкомъ, видѣвшимъ
его погруженнаго въ ученыя заняшя, въ фило-
софическія и богословскія изслѣдованія. И вдругъ
эшошъ философъ и ученый уже кабинетный
Секретарь вельможи!... Эшо ударъ, эшо уни-
женіе въ нѣкошоромъ смыслѣ!... Можетъ бышь
краснѣя, хошь и незамѣшно, Селлій спѣшилъ
предсшавишь Ломоносову свое новое положеніе
съ благовидной спороны, то ешь какъ неча-
янность, въ кошорую онъ завлеченъ на время.
Въ самомъ дѣлѣ, ни чѣмъ не лзя оправдашь
преданнаго наукѣ человѣка, если не случай-
ность, а собственная воля переселяетъ его изъ
ученаго кабинета за канцелярскія бумаги вре-
менщика, или какого-бы то ни было вельможи.
Эшо предашельство, и хошь оно встрѣчаешся

въ наше время можешь быть чаще, но о немъ никогда не лѣзя думать безъ негодованія. Чувство это существовало также за спиною, и Селлій, можно сказать, уловленный, приличенный явленіемъ молодаго знакомаго, которому такъ усердно проповѣдовалъ онъ о преданности къ наукѣ, о высокихъ цѣляхъ, Селлій уже готовъ былъ опречься отъ всѣхъ честолюбивыхъ побужденій, только-бы явился чистымъ въ глазахъ человека, уважаемаго имъ именно за то благородное стремленіе, передъ которымъ самъ онъ являлся предашелемъ. Думая, что онъ довольно хорошо оправдалъ себя, спарикъ спѣшилъ переменить разговоръ и завелъ рѣчь о путешествіи Ломоносова.

Ломоносовъ рассказывалъ уже извѣстное намъ, отвѣчалъ на вопросы, но разговоръ не вязался. Еще не давая себѣ никакого отчета, онъ чувствовалъ какой-то холодъ въ бесѣдѣ, по видимому искренней. Наконецъ, говоря о своихъ занятіяхъ, онъ упомянулъ объ одѣ, написанной имъ на прибытіе Императрицы изъ Москвы.

— Что-же? представь ее кому нибудь для поднесенія Императрицѣ, и, можешь быть, она будетъ имѣть такой-же успѣхъ, какъ ода на взятіе Хошина.

«А какой успѣхъ имѣла та ода?» спросилъ Ломоносовъ? «Я слышалъ отъ Ададурова, что

она была представлена покойной Императрицѣ и принята благосклонно. Больше не знаю ничего.

—А какого-же успѣха желали-бы вы?—возразилъ Селлій. — Но вамъ спало бытъ не сказывали, что первая ода ваша сдѣлала много шуму въ кругу Императрицы, которая сама раздала ее приближеннымъ своимъ и велѣла имѣть автора въ виду.

«Я не слыхалъ ничего этого, и до сихъ поръ не вижу ни опъ кого *вниманія*. . . .

— Довольно , что объ этомъ говорили, любезный другъ. Это уже высокая награда въ мнѣніи свѣша. . . .

«Который смѣнился другимъ свѣшомъ, и новые люди приняли меня какъ чужеземца! Награда не ободрительная. . . .

—Но мнѣніе, Г. Ломоносовъ! мнѣніе важнѣе всего. Оно предшесвуетъ славѣ или. . . .

«Безславію!... О, я сполько гордъ, что умѣю бытъ равнодушнымъ къ вѣтренной извѣстности, которую можно называть и славой, и молвой, и мнѣніемъ. Я хочу только, чтобы Императрица видѣла мои вѣрноподданныческія чувствованія. . . .

И Ломоносовъ и Селлій говорили не искренно. Первый чувствовалъ, можешъ бытъ не ясно, однако чувствовалъ какое-то иное побужденіе,

желая предсавишь Императрицѣ свою оду; другой понималъ эшо и не хошѣлъ договоришь. Наконецъ Ломоносовъ сказалъ, что онъ надѣялся черезъ него и черезъ Лесшока поднесши Императрицѣ свою оду. Селлій не задумыва-
ясь возразилъ:

— Эшого я не совѣшую вамъ дѣлать. Зная отношенія при Дворѣ, увѣряю васъ, что Лесшокъ не возьмется за такое дѣло, а если-бы и взялся, то худо исполнишь его, и вы не можете ожидать никакого успѣха. При Дворѣ есть для всего свои спихіи: просвѣщеніе покуда спихія Шуваловыхъ. Къ нимъ должно и опнесись.

Самолюбіе Ломоносова оскорбилось.

«Не довольно-ли и того,» сказалъ онъ, «что я приходилъ къ одному вельможѣ? Неужели должно идти и къ другому, вымаливать, чтобы прочли мое маранье?»

Селлій почти разсмѣялся, а эшо было у него большою рѣдкостью.

— Если хошите успѣха, то должно сдѣлать такъ!— сказалъ онъ.— Не всякій разъ можете вы надѣяться, чтобы стихи ваши дошли до Императрицы, какъ ода на взятіе Хошина. То была счастливая случайность.

— Но если и вы очутились здѣсь случайно, если и моя ода имѣла, какъ вы говорите, успѣхъ случайно, то неужели здѣсь всѣмъ

управляешь случай? Я не вѣрю этому фатализму. . . . Я готовъ отказаться отъ всѣхъ шакъ называемыхъ *успѣховъ*, только-бы остался въ чувстввахъ шѣмъ-же просподушнымъ сыномъ природы, какимъ былъ до сихъ поръ. Я надѣюсь только на себя, на свои собственныя шруды и заслуги! . . .

«Но они останутся безвѣстными, какъ-бы ни были велики, если вы не станете сближаться съ шѣми людьми, которые *ощѣняютъ* заслуги и могутъ показатъ ихъ съ блестящей стороны.

Ломоносовъ былъ готовъ сказать неучишность; но онъ удержалъ себя и только возразилъ съ прищворнымъ униженіемъ:

— Мнѣ-ли мечтатъ о блескѣ? Довольно, если я могу бытъ полезенъ въ своемъ маленькомъ кругу дѣйствій.

«Но, любезный другъ! вы, мнѣ кажется, увлекаешься своимъ чувствомъ, и какъ будто недовольны моими словами. . . . Повѣрьте опышности моей: не лѣзя бытъ и полезнымъ безъ нѣкошорой снисходительности къ людямъ, и слѣдовательно къ ихъ маленькимъ спрасшамъ и слабосшамъ.

— Опышность приходитъ съ лѣшами: ей не лѣзя научиться изъ наспавленій, Г. Селлій. Но я покуда вѣрю, что съ истиннымъ желаніемъ добра, съ шрудолубіемъ и кой-какими познаніями, можно бытъ полезнымъ, особенно у насъ

въ Россіи, гдѣ ни что и не начато еще! На какомъ угодно поприщѣ ожидающъ всякаго трудолюбца подвиги, прекрасные и великіе.

«Дай Богъ, чтобы надежды ваши исполнились!» отвѣчалъ Селлій.

— Да, на примѣръ, у насъ въ Академіи. О, я надѣюсь шире сдѣлать многое! Вы не можете представить себѣ, сколько труда ожидаетъ Русскихъ ученыхъ! Исторія, Землеописаніе, Хронологія, Археологія, все это не почашья мины! Впрочемъ, вы сами занимались изслѣдованіемъ Русской старины и можете подтвердить слова мои.

«Такъ, такъ!... Но, дай Богъ, чтобы хоть не мѣшали вамъ другіе!... Не удивляйтесь словамъ моимъ. . . .»

Въ эту минуту два чиновника вошли къ Селлію: одинъ съ кипой бумагъ, другой съ приказаніемъ идти къ Лесшоку.

— Приходите ко мнѣ, когда вамъ будетъ свободно—сказалъ Селлій.—Сегодня вы видѣли меня въ канцеляріи, и разговоръ нашъ оканчивался мѣшкосью. Приходите ко мнѣ въ кварширу, по вечерамъ. . . . нашъ разговоръ будетъ тамъ ближе къ сердцу. . . . До свиданія! . . . Онъ пожалъ руку Ломоносова и они разошлись.

Съ недовольствомъ, почти съ опечаленіемъ въ душѣ удалялся Ломоносовъ изъ дому Лесшока.

Можетъ быть ни что не бываетъ такъ прискорбно для благородной, возвышенной души, какъ видѣшь нравственное паденіе чловѣка. Это больше нежели измѣна обожаемой любовницы, при самомъ сильномъ разгарѣ страсти, и можетъ быть больше нежели смерть друга, самаго драгоцѣннаго. Въ обоихъ изъ этихъ случаевъ есть что-то вещественное, земное. Напротивъ, падшій съ высоты стремленія къ добру на обыкновенный, ничтожный путь жизни, есть оскорбитель достоинства чловѣка, и въ самомъ себѣ онъ оскорбляетъ все чловѣчество, или, еще больше, все, что есть благороднаго въ немъ.

Можетъ быть, Ломоносовъ думалъ несправедливо; но онъ имѣлъ право на это, потому что наружность казалась жестоко обвинительною для Селлія. Какъ промѣнять келью мудреца на кабинетъ вельможи, съ копорымъ, по собственному признанію его, не лзя было сдѣлать никакого добра? Къ чему-же это стремленіе, это мученичество для обладанія далекою цѣлью, если ее можно забыть для первой обаятельной встрѣчи?

Такъ юношески рассуждалъ Ломоносовъ, и — подивившись странности противорѣчій въ чловѣкѣ! — рѣшился доспавить свою оду Шувалову! Да, самъ воспевая противъ угожденія вельможамъ, онъ опсылалъ произведеніе своего духа

къ значительнѣйшему изъ нихъ и слѣдовательно слушался Селлія. Онъ запечаталъ свою оду въ пакетъ, вмѣстѣ съ учтивымъ письмомъ къ Петру Ивановичу Шувалову, и просилъ его обратишь воззрѣніе Императрицы на слабый трудъ усерднаго поэта.

Глава IV.

Прошло нѣсколько дней. Ломоносовъ просподоушно ждалъ опвѣща ошъ Шувалова, впрочемъ не переспавая занимаясь науками и своею должностью. Иногда невольно спрашивалъ онъ у себя : должно-ли было опсылать оду къ Шувалову? и оправдывалъ поступокъ свой пѣмъ, что желалъ только Всемилоспивѣйшаго воззрѣнія. Ему не приходило въ мысль спросить себя : прилично-ли было это въ наспоящихъ опношеніяхъ его, то есть не могло-ли это повредить ему въ глазахъ сильнаго человѣка? Нѣтъ, такіе расчепы не касались души Ломоносова. Онъ только желалъ оправдывать себя передъ самимъ собою, какъ передъ человѣкомъ.

Между пѣмъ первая вспрѣчи въ Академіи не радовали его. Приходя въ засѣданія , уже какъ принадлежащій къ Академіи и членъ ея , онъ видѣлъ , что дѣла идутъ очень тихо. Академики и Профессоры исполняли свою должностъ, но не ревновали дѣлашь больше , не увлекались

пылками стремленіями за границы начерпаннаго имъ круга. Эпо были, по большей часпи, люди хорошіе, и нѣкоторые изъ нихъ даже опличались рѣдкими познаніями и превосходнымъ умомъ; но они были какъ-то спокойны на своихъ мѣстахъ, и какъ будшо чужды Россіи.... Эпо сердило пылкаго Ломоносова, у котораго каждое желаніе превращалось въ спрасъ, и надъ всѣми другими желаніями господствовало одно, неисребимое никакими препяшествами: обняшь умомъ и наукой цѣлый міръ, для драгоцѣннаго опечесыва, и освѣпишь лучами просвѣщенія всѣ шемные углы его, которыхъ было еще шакъ много. Онъ желалъ-бы предложишь своимъ поварищамъ заняшь Русскимъ языкомъ; но они почти всѣ были Нѣмцы, и, сверхъ шого, эпо уже не входило въ *кругъ ихъ обязанностей*. Онъ видѣлъ недоспапочность пособій ученыхъ, пошому что въ Академіи не было ни хорошихъ физическихъ, ни астрономическихъ инструменшовъ, ни доспапочнаго числа книгъ, ни даже снарядовъ для милыхъ его химическихъ опышовъ; онъ видѣлъ эпо и говорилъ, но ему опвѣчали, что Академія не имѣетъ средствъ на пріобрѣшеніе чего-либо. Онъ предлагалъ имъ сходиться иногда не по должнوشي, а для сообщенія другъ другу ученыхъ наблюдений; но не каждый былъ шакъ всеобъемлющъ какъ Ломоносовъ, котораго занимали и Химія

и Поэзія, и Металлургія и Словесность, и Физика и Краснорѣчіе, Древности Греціи, Рима и Россіи, Исторія и Искусства. Сверхъ того, многіе опізывались, что занятія, должность поглощаютъ у нихъ все время. Ломоносовъ обращался иногда къ Президенту, и шопъ, соглашаясь съ каждымъ его предложеніемъ, обыкновенно откладывалъ все до времени, ссылаясь на свои недосуги, на свои многочисленные занятія; онъ не прибавлялъ шагу ни въ чемъ, *сберегая время*, копорымъ дорожилъ Богъ знаетъ для чего. «Надобно дорожишь каждой минутой!» говаривалъ онъ и спѣшилъ оставишь Академію. «Эпо опыменъ слишкомъ много времени!» восклицалъ иногда онъ, среди самыхъ любопытныхъ сужденій, закрывалъ засѣданіе, обѣщая подумать, посудишь, и дѣла оставались безъ движенія.

Но Ломоносовъ не ушавалъ бышь дѣятельнымъ, пошому что живосъ, пылкосъ во всѣхъ дѣлахъ сосшавляла его жизнь. Видя какое нибудь неуспройсво, какой нибудь недосшапокъ, и вмѣстѣ съ шѣмъ возможность поправишь ихъ, онъ шопчасъ предлагалъ свое искреннее мнѣніе. Сначала его оспоривали, но, видя что это заводитъ иногда въ жаркія пренія, изобрѣли вѣрнѣйшее средство укрошашъ неумѣстный жаръ сослуживца: обѣщали сообразишь, подумаешь, и всего чаще просто молчали.

Можно представишь себѣ, какое дѣйствіе производила на него эта тяжелая медлительность.

Однажды былъ онъ въ самомъ невеселомъ расположеніи отъ разныхъ своихъ неудачъ, когда къ нему явился курьеръ отъ П. И. Шувалова, съ просьбой явиться къ Его Превосходительству. Ломоносовъ немножко встревожился, и уже досадуя, что можетъ быть накликалъ на себя непріятность, явился къ П. И. Шувалову.

Въ богашомъ кабинетѣ своемъ встрѣпилъ его этотъ вельможа, и съ первыхъ словъ его исчезли всѣ опасенія Ломоносова, потому что онъ услышалъ похвалы и даже благоволеніе за свою оду.

«Дарованіе ваше, Г. Ломоносовъ, дѣлаешь честь Россіи,» сказалъ П. И. Шуваловъ. «Продолжайте такъ-же хорошо какъ вы начали свое поприще, и я увѣряю васъ, что мы не будемъ завидовать иностранцамъ.

—Ваше Превосходительство! я не имѣю такихъ честолюбивыхъ надеждъ. Все желаніе мое было: выразить восторгъ души Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей....

«И вы исполнили это какъ не лзя лучше. Я имѣлъ счастье представить оду вашу Государынѣ: она благоволила удостоить ее благосклоннаго возрѣнія. Передаю вамъ это, какъ драгоцѣннѣйшую награду для вѣрноподданнаго.

— Я не могу и выразить своего счастья. . . .

«Да. . . . Но вы занимаетесь не однимъ сшихворсшвомъ! . . . Я помню вашу пробную лекцію. Какъ идутъ ученыя ваши занятія въ Академіи?»

— Я дѣлаю что могу Ваше Превосходительство. . . .

Ломоносовъ хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ, и передать Шувалову жалобы души своей; но, при всей своей неопытности, онъ сообразилъ, что не прилично, при первомъ сближеніи съ знаемымъ человекомъ, явиться у него жалобщикомъ. Онъ смолчалъ и задушилъ внутреннюю борьбу свою.

«Вы Профессоръ Химіи?»

— Адъюнктъ, В. П.

«Но вы можете надѣяться всего, при вашихъ дарованіяхъ, при вашей учености. . . .

Ломоносовъ кланялся.

«Да, у меня есть еще къ вамъ просьба!» сказалъ Шуваловъ улыбаясь, съ пою благосклонностью, которая обыкновенно бываетъ при такихъ случаяхъ на устахъ вельможъ.

— Ваше Превосходительство можете приказывать.

«Нѣтъ, я только прошу васъ, и узнавши предметъ, вы вѣрно сами воспламенились должнымъ воспоргомъ. Скоро торжественный день рож-

денія Его Высочества Пепра Θεодоровича, недавно прибывшаго изъ Голштиніи, . . . Неужели эшошъ день оспанетсѣ безъ опзыва со споронъ любимца Музъ ? . . .

—Опвѣшомъ моимъ на эшо будешъ посильный шрудъ , и мнѣ осшаетсѣ только благодаришъ Ваше Превосходишельство за милоспиевое воспоминаніе , и за новый случай для меня изъявишъ свою вѣрноподданническую ревность.

«Да, я прошу васъ, Г. Ломоносовъ , досшавишъ мнѣ вашъ шрудъ, кошорый вѣрно уже теперь на половину готовъ въ піипической головѣ вашей. Я увѣренъ , что онъ еще больше подшвердишъ выгодное мнѣніе о вашемъ дарованіи. Когда надѣшесъ вы досшавишъ мнѣ его?

— Завпра-же, В. П.

«Прекрасно ! . . . А, кспаши. . . .

Въ эшу самую минушу вошелъ въ кабинетъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, шопъ самый Пажъ, кошорый восхищался лекціею Ломоносова.

—Рекомендую шебѣ , брашецъ, Г-на Ломоносова! Ты давно желалъ познакомишъсѣ съ нимъ! — сказалъ П. И. Шуваловъ.

Молодой Пажъ подошелъ къ Ломоносову и съ самою пріашною скромностью сказалъ:

«Я почишаю особеннымъ счастиемъ знакомство съ необыкновеннымъ человекомъ; а вы, Г. Ломоносовъ, не принадлежише къ разряду людей

обыкновенныхъ! Я удивляюсь вамъ во всемъ: въ вашей жизни, въ вашихъ стихахъ и занятіяхъ.

Эпо привѣспвіе юноши, кошораго природа одарила самою привлекашелою наружносшю, милымъ выраженіемъ лица, и скромносшю, рѣдкимъ украшеніемъ свѣпскаго обращенія, эпо привѣспвіе ошозвалось въ сердцѣ Ломоносова.

Онъ не зналъ, чшо ошвѣчапъ, но повинуюсь сердцу, лучшему пушеводишелю въ шѣхъ случаяхъ, гдѣ оно играешъ первую роль, промолвилъ:

— Я принимаю ваши слова не иначе, какъ ободреніемъ къ будущимъ прудамъ моимъ. Чувспвую, чшо нынѣшній день еспъ начало новой эпохи въ моей жизни.

П. И. Шуваловъ съ улыбкаю смолрѣлъ на эпо объясненіе двухъ челошѣкъ, понимавшихъ другъ друга съ первой вспрѣчи. Онъ сказалъ обращаясь къ нимъ обоимъ:

— Ну, я радъ, чшо вы сошлись у меня, господа! Рекомендую и вамъ, Г. Ломоносовъ, моего Ванюшу, большаго любишеля наукъ. Приходише къ нему иногда побесѣдовапъ. Если завшра вы не заспанеше меня дома, опдайше спихошвореніе ваше ему.

«Спихошвореніе? новое спихошвореніе Г-на Ломоносова?» спрашивалъ съ удовольспвіемъ молодой челошѣкъ.

—Да, да! И кошорое вѣрно будешъ досшойно своего сочинишеля? Не правда-ли, Г. Ломоносовъ?

«Не знаю, В. П.» отвѣчалъ Ломоносовъ улыбаясь. «По крайней мѣрѣ отвѣчаю вамъ за свое усердіе.»

Онъ сдѣлалъ нѣсколько глубокихъ поклоновъ, и, поручая себя благосклонности обоихъ Шуваловыхъ, вышелъ, провожаемый ихъ учтивостями. Юноша смотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ будто жалѣя, что такъ мало видѣлъ человека, столько занимашельнаго для него.

Возвратившись домой, Ломоносовъ поспѣхъ сочинилъ планъ оды, расписалъ станціи для своего восшорга (такъ приказывала Піишика!) и въ пошъ-же вечеръ кончилъ свое спихошвореніе. На другой день, рано ушромъ, онъ нересмошрѣлъ его, выправилъ еще разъ, и съ сожалѣніемъ, что не можешъ послѣдовать правилу Горація, спѣшилъ исполнишь приказаніе Шувалова и досшавишь оду поскорѣе. Онъ не засшалъ Пешра Ивановича самого. . . . по крайней мѣрѣ ему сказали въ передней, что Г. Камергеръ уже выѣхалъ изъ дому. Впрочемъ, это не было поперей для нашего поэта: онъ пошелъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, кошорый принялъ его какъ другъ и какъ человекъ выше лѣшъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эшошъ знаменишый въ Исторіи Русскаго просвѣщенія человекъ ошличался необыкновенною зрѣлосшію ума въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Онъ былъ родсшвенникъ — кажешся племянникъ — Пешра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ, но не имѣлъ почши никакого сосшоянія, хошя ошецъ его, воинъ Пешровыхъ временъ, служилъ съ ошличіемъ и даже на виду у великаго преобразишеля Россіи. Когда Шуваловы оказали важныя услуги при восшесшвіи на прешполъ Императрицы Елисаветы Пешровны, и сдѣлались могущими людьми, они взяли своего родсшвенника ко Двору, гдѣ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ Пажемъ и Камеръ-Пажемъ, пошому что споллъ ободренія, если-бы и не имѣлъ сильнаго покровишельсшва. Онъ прежде учился въ Москвѣ, и, что замѣчашельно, у одного учишеля съ славнымъ Суворовымъ. Поселившись въ Пешербургъ, онъ жилъ у Пешра Ивановича Шувалова и продолжалъ учишья, уже гораздо основашельнѣе, пошому что имѣлъ для эшого больше средсшвъ. Но главнымъ пособіемъ въ ученѣ была собсшвенная его воля. Онъ жаждалъ познаній и спарался сближашья съ людьми, ошъ кошорыхъ могъ пріобрѣсти ихъ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ уже любилъ просвѣщеніе; эшо была главная, господсшвующая спрашь его. Удивишельно-ли, что видя въ Ломоносовѣ человекъ рѣд-

каго умомъ и ученоспью, онъ хотѣлъ сблизиться съ нимъ, и въ пашнадцатъ лѣтъ понималъ его, можешъ бытъ, лучше нежели всѣ другіе современники?

Они прочли оду вмѣстѣ. Образованный умъ Шувалова удивлялся красошамъ спихосворсшва, неслыханнаго на Руси, пошому что извѣсно *каково* писали *прежде* и даже во время Ломоносова! Эшо было поводомъ къ разговору о языкѣ, о спихосложеніи Русскомъ, объ ошкрышіяхъ, сдѣланныхъ въ немъ Ломоносовымъ, наконецъ о Нѣмецкомъ спихосворсшвѣ, кошорое подало ему поводъ къ шому, о жишѣ нашего поэша за границей, и шакъ дальше. Если-бы давно не насшало время разсшашься двумъ новымъ знакомцамъ, они проговорили-бы цѣлый день. Прощаясь съ Ломоносовымъ, Шуваловъ дружески пожималъ его руку, и просилъ вѣришь, что онъ всегда будешъ радъ и даже сшасшливъ побесѣдовашъ съ шакимъ человѣкомъ, ошъ кошораго можешъ многого ожидашъ Россіа. Ломоносовъ чувсшвовалъ, что эши слова не были шолько учшивоспью. Онъ благодарилъ съ обыкновеннымъ своимъ прямодушіемъ, безъ чвансшва и ханжесшва, шшѣ еще больше пошравилось Шувалову. Оба они были восхищены другъ другомъ.

«Надобно-же оправдашъ вниманіе эшихъ почшенныхъ людей, шѣмъ больше, что сама Им-

пераприца обращаетъ милоспивый взоръ на мои шруды!» Такъ думалъ возврашившись до- мой нашъ позшъ. «Да, я кажешся нашелъ ше- перь, кшо соспавляешъ испинный цвѣшъ обще- спва: эшо люди знашные и богашые. Очень еспешвенно! Имъ нѣшъ надобности работашъ изъ куска хлѣба, какъ нашей брашѣ ученымъ, кошорые сверхъ шого спѣснены всякими оп- ношеніями и живушъ вѣчно въ зависимости опъ кого нибудь. Должно признашся и въ шомъ, что обраща свой умъ на одинъ какой нибудь предмешъ, человѣкъ ученый дѣлаешся одностпороненъ, себялюбивъ, спраненъ. Онъ шолько и хорошъ въ своемъ углу. Напрошивъ человѣкъ знашный, свободный въ своихъ дѣй- спвіяхъ, пошому что ему оспается желашъ не многаго, можешъ вполнѣ удовлешворяшъ своимъ благороднымъ спрасшямъ. Таковы Шуваловы! Они надѣюшся многаго опъ меня, а я надѣюсь еще больше опъ нихъ.»

Нѣшъ надобности поясняшъ, ошибался-ли Ло- моносовъ думая шакъ высоко о людяхъ знаш- ныхъ; но какъ-бы шо ни было, а онъ хошѣлъ опличить себя передъ ними, оправдашъ доброе ихъ мнѣніе, и чѣмъ-же? шрудами! «Надобно показашъ имъ, что они не ошибающся во мнѣ!» говорилъ онъ и съ новымъ усердіемъ принимался за свои ученыя заняшя, за свои многочисленныя шруды и сочиненія.

Онъ написалъ нѣсколько разсужденій о разныхъ предмѣсахъ Натуральной Исторіи и Химіи, представилъ ихъ въ Академію, и самъ читалъ передъ своими сочленами нѣ изъ нихъ, копорыя были писаны по-Лашини. Его хвалили, ободряли къ дальнѣйшимъ трудамъ; Бревернъ общалъ позабавишся о немъ; но когда Ломоносовъ относился къ нему или къ Академикамъ съ разными предложеніями и требованіями, его встрѣчало равнодушіе. Мы уже видѣли, что требованія Ломоносова были безчисленны; онъ хотѣлъ вдругъ обнять все, преобразить все, а обыкновенная лѣность ума человеческого не любитъ этого, и она-то встрѣчала съ убійственною холодною пылкіе его планы.

«Почтеннѣйшіе господа!» сказалъ однажды Ломоносовъ. «Вы ободряете мои труды, спрашиваетесь поощрить къ новымъ, и я премного благодаренъ вамъ за то; однако зачѣмъ-же обрѣзываете крылья у моей ревности къ Наукѣ? Зачѣмъ не дайте новыхъ средствъ, о копорыхъ прошу васъ?»

Это смѣлое воззваніе сначала изумило всѣхъ Гг. засѣдавшихъ съ нимъ. Наконецъ они спали мало по малу опускали возраженія, копорыя всѣ ограничивались тѣмъ, что надобно повременить, подождать благопріятныхъ обстоятельствъ, что лучше спѣшить медленно, слушаясь мудреца-поэта, и что они-бы рады рвать

звѣзды съ неба , да руки не доспающъ. Та-
кія пошлости совершенно разсердили Ломоно-
сова, и онъ, гнѣвно улыбаясь, сказалъ :

«Господа! Когда я пришелъ въ Москву, въ
нагольномъ шулупѣ, и не имѣлъ куска хлѣба,
мнѣ почто по-же говорилъ одинъ добрый му-
жичекъ; только его философія облекалась не
такими запѣйливыми фразами. Онъ не умѣлъ
сказать мнѣ по-Латини: *festina lente*, но гово-
рилъ по-же по-Русски, и былъ въ правѣ хоро-
хориться надо мной, пошому что я по его
милости не умеръ съ голоду; однако я дока-
залъ ему собственнымъ примѣромъ, что можно
побороть многое силой воли, трудолюбіемъ,
неутомимостью въ достиженіи къ предположен-
ной цѣли. Если-бы, напрошивъ, я послушался
его, то оспался-бы Холмогорскимъ рыбакомъ.
Неужели вы также хошите оспавить Академію
въ неподвижномъ состояніи?

Нѣмцы вполонину поняли его, сколько опъ
шого что онъ говорилъ по-Русски, а еще боль-
ше опъ непривычки слышавъ такія мысли.
Только одинъ изъ нихъ сказалъ: «*Das ist nicht aka-
demisch* (это не по-Академически),» а другой
взялъ лежавшій на столѣ Словарь Памвы Берын-
ды и началъ искавъ слова: *хорохориться*, ши-
хонько повпорая: *коро-корокориться*. Но мол-
чаніе было главнымъ опвѣтомъ на выходку Ло-

моносова, и только въ сердца сочленовъ его запало непріятное чувство.

Онъ началъ объяснявъ имъ подробнѣе свои предположенія, но не могъ извлечь воды изъ камня, и превратишь въ кровь воду, кошорая, можетъ быть, у многихъ изъ нихъ текла въ жилахъ. Презрительная улыбка была отвѣтомъ на всѣ его воззванія. Даже тѣ, кошорые не хотѣли ссориться съ нимъ, дали ему замѣтить, что они знаютъ не хуже его что должно и чего не должно имъ дѣлать.

Но въ человѣкѣ сильнаго ума есть какая-то неприспущность, кошорая служишь для него волшебнымъ кругомъ и удерживаетъ нападенія людей обыкновенныхъ. Такъ и эта маленькая сцена не имѣла никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что на Ломоносова спали сморѣть непріязненно многіе изъ его сочленовъ. Они знали однакожь, что къ нему благосклонны нѣкоторые изъ знаменѣйшихъ людей: это служило новой защитой ему, и даже безъ его вѣдома. Сверхъ того, всѣ они, больше или меньше, отдавали справедливосшь уму и познаніямъ упрямаго собрата, а особенно люди отличные изъ Академикомъ и Адъюнктовъ, всегда вѣрные цѣнишели дарованій.

Онъ, съ своей стороны, былъ принужденъ слѣдовать ихъ совѣту и ждать обстоятельсшвъ больше благопріятныхъ. Надежда на помощь

знапныхъ людей также сдѣлалась мечтою его. Но все эшо не могло-бы успокойшь ума и превожной души молодого, пылкаго ученаго, если-бы заняшїя, сами заняшїя науками не были опрадою, услажденїемъ его въ настоящихъ обшояшельспвахъ, такъ-же какъ и во всѣхъ прежнихъ. Рабошая въ лабораторїи, производя физическіе опышы, углубляясь въ изученїе древнихъ писашелей, насшавниковъ человѣчесшва, онъ забывалъ всѣ волненїя, всѣ бури и превоги жизни. Тупъ чѣлнъ его былъ въ надежной приспани, и пошому-шо, можешъ бышь, онъ переложилъ и въ спихи и въ прозу знаменишыя слова Цицерона: « Науки пишашу юношу, даюшь опраду спарцу, ушѣшашу въ несчастїи, бывашу прекрасны вездѣ: и въ уединенїи и въ шумѣ свѣша, и въ деревнѣ и въ городѣ. » Ломоносовъ чувспвовалъ все эшо вполнѣ, пошому чшо былъ испинный мученикъ науки, узнавшїй всю сладосшь и горечь ея.

Въ Академіи пригошовлялось большое празднесшво, въ чеспъ дня коронованїя Императрицы. Ожидали, чшо она сама осчасшливить своимъ присуспшвїемъ собранїе Академіи, и хопѣли показашъ ей новое и первое ученое заведенїе въ Россїи со всею пышноспью и торжесшвенноспью. Академики писали рѣчи, гимназисшы гошовились пѣть каншашу, а Ломоносову было поручено перевести съ Нѣмецкаго

спихи, написанные Членомъ Академіи, Надворнымъ Камернымъ Совѣшникомъ, Иншенданпомъ Соляныхъ дѣлъ, Гошлибомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Юнкеромъ. Спихи эши: *Вънзання Надежда Россійскія Имперіи*, были напечатаны вмѣстѣ съ переводомъ Ломоносова. Въ день торжества, Императрица въ самомъ дѣлѣ пріѣхала въ Академію, слушала рѣчи Лапшинскія, опчешъ Академіи, и наконецъ приняла спихи Юнкера, поднесенные Президентомъ. Перевернувъ листокъ, она увидѣла Русскій переводъ и подпись: *Съ Нѣмецкихъ Россійскими стихами перевелъ Михайло Ломоносовъ, Академіи Наукъ Адъюнктъ*. Хошя спихи эши довольно длинны, однако Императрица просмошрѣла ихъ, и обратившись къ бывшему вблизи опъ нея П. И. Шувалову, сказала:

«Эшо швой? . . . Масперъ своего дѣла! Скажи ему спасибо опъ меня. . . . Да не забудь и Автора.

Мы уже знаемъ, что П. И. Шуваловъ подносилъ Императрицѣ спихи Ломоносова на коронацію ея. Имя его осшалось у нея въ памяти; она была въ пріятномъ расположеніи, и потому очень еспешвенна лаконическая похвала ея Ломоносову, сказанная въ Академіи. Но многія слова ея, шопчасъ переданныя поэшу, совершенно осчастливили его. Когда, послѣ опъѣзда Императрицы, въ залахъ Академіи

былъ накрытъ столъ и началось пиршество; когда вино поразогрѣло умы и сердца; когда сшали осушать заздравные кубки и начались обниманія, цѣлованье, тогда и Ломоносовъ, забывая все прежнее, и также обнимая сочленовъ своихъ какъ братьевъ, просилъ забыть, если онъ чѣмъ нибудь огорчалъ ихъ. Они тоже были готовы плакать, и примиреніе казалось совершеннымъ.

Было-ли это въ самомъ дѣлѣ примиреніемъ, увидимъ дальше; но Ломоносовъ ошъ чистаго сердца забылъ всѣ досады на сочленовъ своихъ и началъ обходиться съ ними искренно. Какъ-бы пользуясь этимъ добрымъ расположеніемъ, нѣкоторые изъ нихъ обращались къ нему съ просьбами разрѣшить разные ихъ вопросы, о состояніи того и другаго въ Россіи. Онъ, какъ просвѣщенный Рускій, могъ сдѣлать это легко, и съ готовностью объяснялъ имъ все, что только могъ.

Одинъ изъ ученыхъ собратовъ его, почтенный человекъ въ пудреномъ парикѣ, сказалъ однажды ему, что онъ рѣшился издавать книгу о Русской Литтературѣ, и уже началъ собирать для этого матеріалы. Это объявилъ онъ ему за тайну, въ Академіи, и прибавилъ: «Приходите ко мнѣ сегодня, побесѣдуйте о моемъ предметѣ.»

Ломоносовъ удивился. Онъ зналъ, что эпопъ человекъ, собирающійся писать о Русской Литтературѣ, не знаетъ прехъ словъ по-Русски. Однако онъ пришелъ по его приглашенію. Профессоръ былъ очень радъ, подчивалъ своего гостя прубкою, пивомъ, и наконецъ вынулъ бумажку съ разными вопросами (разговоръ и вопросы были на Нѣмецкомъ). Угодно-ли знашь что эпо были за вопросы? Вотъ образчикъ нѣкоторыхъ.

«Какъ называешся по-Русски *Литтература*?

«Кшо писалъ по-Русски *Исторію Литтературы*?

«Гдѣ и какія есшь книги въ пособіе для эшого?

«Однимъ-ли языкомъ писали древніе Руссы и нынѣшніе Рускіе?

Ломоносовъ едва не расхохотался, выслушавши десятокъ такихъ вопросовъ, которые ясно показали, что Г. Историкъ долженъ начинать съ азбуки шого предмета, для котораго онъ уже *сбиралъ матеріалы*. Но удержавши свою веселость, Ломоносовъ сказалъ:

— Любезный другъ! Я гошовъ отвѣчать на всѣ эши вопросы; но совѣшовалъ-бы вамъ собрать побольше *матеріаловъ*. . . .

«О чемъ-же я и хлопочу, почтенный другъ?» сказалъ съ удовольствіемъ Нѣмецкій ученый.

«Планъ у меня уже готовъ, система давно составлена: оспается только вставлятъ имена и числа! . . . Я очень радъ, что мы сошлись съ вами въ мнѣнїяхъ! очень радъ!

— Но какъ-же вы составили систему, не имѣя еще никакихъ. . . свѣдѣнїй о предметѣ?

«Свѣдѣнїй? Но развѣ вы не знаете, любезный другъ, что свѣдѣнїя уже дѣло второстепенное; главное система. Надъ нею-то я прудился полтора года, и можетъ быть просижу еще два, и все-таки не отвѣчаю, что она будетъ довершена. Но позвольте продолжатъ нашъ разговоръ методически. Мы начали вопросами, которые, по благосклонности, вы обѣщались рѣшить мнѣ. . . .

— Извольте; но я лучше напишу на этой-же бумажкѣ и отвѣшу. . . .

«Э, ни, ни!» сказалъ Профессоръ, отдергивая свою драгоценную бумажку. «Тутъ все занято! . . . для всего свое мѣсто.

— Но, кажется, еще оспается его довольно!...

«Помилуйте: это все въ графахъ; это для опмѣтокъ. . . . Вошъ»— продолжалъ онъ, вынимая сложенную вдвое четвертку бумаги—вошъ, здѣсь, подъ буквой В., должны быть пространные отвѣсы, пошому что я буду просить васъ отвѣчать пространнѣе. Напримѣръ: «Какъ называется по-Русски Липшерашура?

— Да шакъ-же и называется : Липперашура. Иные говорятъ: Словесность.

«А! Зловесность...» писалъ Нѣмецъ, выговаривая это по своему.

Ломоносовъ хотѣлъ было поправлять его, но увидѣлъ, что это завлечетъ далеко, и пошому спѣшилъ опдѣлаться какъ нибудь отъ своего друга. Тотъ щадительно записывалъ все, что говорилъ ему Ломоносовъ наобумъ, и опчаспи иронически, зная, что изъ этого не выйдетъ ничего, и слѣдовательно все равно, какъ ни опвѣчать.

Но ему хотѣлось послѣ этого испытать своего друга не со стороны ума, а со стороны души, и онъ завелъ рѣчь, какъ хорошо было-бы сдѣлать разныя улучшенія въ Академіи, распроспранивъ кругъ дѣятельности ея, и воспользоавшись благопріятными обстоятельствомами для истиннаго добра.

«Императрица благосклонно ободряетъ наши труды; вельможи ея, просвѣщенные, мудрые, гошovy на все благое,» прибавилъ Ломоносовъ.

—Да, да! — опвѣчалъ Профессоръ.— Но, любезный другъ! трудно!...

«Что-же можно сдѣлать безъ труда?... А я не вижу невозможности. Надобно только дѣйствовать прямодушно, опкровенно, смѣло.

—Смѣло! Но какъ покажешься это инымъ....

«Кому инымъ? Вельможамъ или нашимъ поварамъ?»

— Да шѣмъ и шѣмъ. . . .

«Хорошее должно показаться хорошимъ. А если-бы и случилось чтонибудь затруднительное, то мы посвящали себя наукѣ и должны не щадить для нея ничего.

— Такъ! однакожь, лучше пользоваться шѣмъ что есть. Тише ѣдешь дальше будешь. Можно быть полезнымъ и въ маленькомъ своемъ кругѣ.

«Но у насъ руки связаны! . . . Мы удаляемся отъ цѣли. . . .

Профессоръ гошовъ былъ зашкнупъ себѣ уши.

«Право, Г. Ломоносовъ!» сказалъ онъ: «надобно подумать о томъ, какъ-бы попохоньку прожить свой вѣкъ.

— Любезный Профессоръ! объ этомъ думаетъ уже сколько людей, что надобно иногда дѣлать чтонибудь другое. Надобно жертвовать собой для того дѣла, которому посвящали мы себя.

«Да, да! Однакожь. . . . довольно если удастся сдѣлать хоть чтонибудь. Слава Богу и за то!

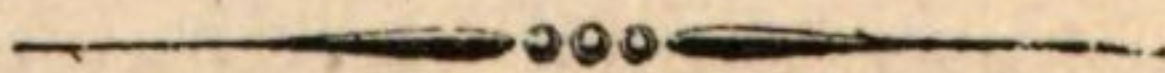
Ломоносовъ замолчалъ и вскорѣ ушелъ отъ этого любезнаго друга Профессора.

«Вопь люди! . . .» думалъ онъ возвращаясь домой. «Можно-ли предпринять съ ними чтонибудь огромное, великое! Къ чему служить

эпимъ ученымъ ихъ знанія , если они всего больше дорожатъ своею бѣдною , ничтожною жизнью , своимъ жалкимъ спокойствіемъ , и сверхъ того кидаются въ пусыяки ! Эпимъ историкъ Русской Императорской можетъ привести въ опечаленіе всякаго , кто любитъ считать свои дни только успѣхами , пользою. Въ самомъ дѣлѣ : спѣшилъ-ли влачиться по землѣ восемьдесятъ лѣтъ , для того , чтобы постоянно выкуривать трубку и выпивать кружку пива , да цѣлый вѣкъ дѣлать пустыя замѣтки по сиссему ? . . . . А они почти всѣ шаковы , исключая . . . .

Тупъ Ломоносовъ называлъ въ головѣ своей нѣсколько человекъ изъ своихъ товарищей ; но и они были не всѣ надежны. Одинъ былъ слабъ , уязвимъ съ одной стороны , другой съ иной. Такія размышленія всегда наводили на него мрачную тоску , и онъ спѣшилъ снова углубить свой умъ въ науки , потому что съ ними чувствовалъ себя лучше , былъ счастливымъ владѣльцемъ въ своемъ царствѣ.

Глава V.

Уже около двухъ лѣтъ Ломоносовъ жилъ въ Пешербургѣ, и еще никому не сказывалъ, что онъ женатъ. Нѣжныя сердца могутъ обвинять его, что онъ забылъ свою бѣдную жену, оставленную съ маленькимъ ребенкомъ и почти безъ куска хлѣба. Да, это было-бы ужасно, если-бы было такъ. Напрошивъ, Ломоносовъ каждый день вспоминалъ о своей вѣрной подругѣ и своей милой дочери; но что могъ онъ сдѣлать для нихъ? Ужасный недосыпалъ его почти во весь первый годъ жизни въ Пешербургѣ; а потомъ, когда началъ онъ получать жалованье по мѣсцу Адъюнкта-Профессора, съ долженъ былъ заплачивать долги, обзавестись необходимымъ и утвердиться на своемъ мѣстѣ, чтобы объявить о своей рановременной женитьбѣ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Между тѣмъ онъ старался скопить столько денегъ, чтобы жена могла пріѣхать къ нему. При его ограниченныхъ доходахъ это было довольно

трудно. За всѣмъ шѣмъ, онъ почишалъ себя виновнымъ прошивъ жены, и эта мысль наконецъ сдѣлала прискорбнымъ воспоминаніе о ней. Удивительная слабоспъ души человѣческой! Виновный почти не можетъ любить оскорбленнаго имъ человѣка. Тошъ самымъ именемъ своимъ напоминаешъ вину его, и чшобы забыть объ этомъ, оскорбишеть, виновникъ спарается забыть о немъ или охладѣшъ къ нему, даже оклевешашъ его въ собственннхъ глазахъ. Къ несчастію, шакъ легко опкрышъ слабоспи въ каждомъ, и, въ свою очередь, онѣ спановяпся предлогомъ къ оправданію виновнаго передъ судомъ собственннй его совѣспи.

Ломоносовъ не пипалъ эшихъ ужасныхъ чувспвованій; однако мысль о женѣ спала для него шяжекою, и онъ спарался оправдашъ себя шѣмъ, что не въ его силахъ сдѣлашъ для нея что нибудь. Онъ опкладывалъ, вмѣспѣ съ мыслию о ней, и мысль о бѣдспвенномъ ея положеніи, даже мысль о помощи ей. Но сердце его, споль чистое, полное любви ко всему благородному и прекрасному, спрадало; образъ жены и маленькой дочери безпрестанно былъ передъ его глазами, не смопря на шо, что онъ не говорилъ о нихъ никому и какъ-бы шайлъ опъ самого себя мысль объ эшихъ драгоцѣннхъ для него существахъ.

Однажды, въ своей комнаѣ, онъ перечислялъ какого-то изъ древнихъ орашоровъ и гововилъ выбраѣ изъ него лучшїа мѣсца, для рѣчи на будущемъ шоржесствѣ Академіи, когда къ нему вошелъ высокій, толстоватый человекъ, въ парикъ, гладко насаленномъ и напудренномъ, въ опрятномъ Французскомъ кафтанѣ, съ длинными маншепами, съ лицомъ веселымъ, довольнымъ, счастливымъ. Наклонившись въ половину шуловища, онъ поднялъ голову и спросилъ улыбаясь:

— Имѣю честь видѣѣ знаменитаго Россійскаго стихотворца Г-на Ломоносова?

«Я Ломоносовъ, и если угодно стихотворецъ, только не знаменитый, котораго можешъ быѣ вы ищете.

—О, позвольте судить объ эпомъ *намъ*, публикѣ! Ваша слава уже вознесла имя любимца Музъ, любимца фаншазїи. . . .

«Позвольте перебиѣ вашу рѣчь: ко мнѣ-ли вы обращаетесь?

— Къ кому-же какъ не къ вамъ, если вы Г. Ломоносовъ, Адъютантъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, знаменитый. . . . Кто у насъ можешъ заслонить вамъ путь къ славѣ?

«Но, что-же угодно вамъ?

—И шакъ вы Г. Ломоносовъ?... Прежде всего надобно знаѣ эпо.

«Да, да, я Ломоносовъ!

—Теперь—сказалъ великолѣпный разскащикъ, вынимая изъ кармана письмо и держа его двумя пальцами, почти выше головы своей — теперь имѣю честь вручить вамъ, опѣ Его Сіашельства Г-на Канцлера Графа Беспужева, письмо, присланное къ нему на ваше имя, опѣ Графа Головкина изъ Гаги. . . .

«Письмо? Изъ Гаги?... Позвольте, позвольте!» вскричалъ Ломоносовъ, почти выхватилъ письмо изъ рукъ несноснаго говоруна, и взглянулъ на адресъ: рука жены его! Эпо было ея письмо.

Онъ пробѣжалъ письмо, и невольно вырвались у него слова: «Боже мой! Могу-ли я покинуть ее? Обспояпельсхва мѣшали мнѣ до сихъ поръ не шолько вывезть ее сюда, но и писанъ къ ней. Теперь-же пусть она пріѣдетъ! Запра-же пошлю 400 *рублевъ* на дорогу.»

Между тѣмъ улыбающаяся фигура восхищалась глядя на Ломоносова.

—Человѣкъ великій! . . . позвольте мнѣ шакъ названъ васъ.... человѣкъ великій! Я вижу, что эпо письмо драгоцѣнно для вашего сердца?

«Какъ-же не драгоцѣнно, М. Г.! Оно опѣ жены моей.

—Опѣ вашей.... супруги?... О, шакъ я понимаю, что значили слова единственнаго, великаго человѣка, моего начальника Графа Беспужева. «Поди, Колѣссовъ, сказалъ онъ мнѣ,

опдай эшо письмо Г-ну Ломоносову, чшо служишъ въ Академіи; да скажи чшобы онъ написалъ опвѣшъ и доспавиль мнѣ-же.» Я, безъ души, бѣгу, вижу васъ, восхищаюсь, и слышу вожделѣнную новоспъ! . . .

Не смопря на свое сердечное волненіе, Ломоносовъ не могъ безъ смѣха слушапъ высокопарнаго Колѣссова.

«Доложише Графу, чшо я завпра-же явлюсь къ нему съ письмомъ, въ опвѣшъ на полученное мной. Но какимъ образомъ я получаю эшо письмо черезъ Графа Беспужева?

—О, вѣрояпно, слава, копорою озарено ваше имя. . . .

«Помилуйше! лучи моей славы не доспигаюшъ пакъ высоко.

—Позвольше, позвольше, драгоцѣнный піишъ! Слава, распроспраняясь подобно свѣшпилу, пронцаешъ всюду. Графъ. . . . о, если-бы вы знали Графа. . . .

«Вы конечно служише у него?

—Въ привашной канцеляріи, при полученіи бумагъ, и всякій день приношу корзину пакешовъ къ Его Сіапельспву — опвѣчалъ скороговоркой Колѣссовъ.— Я, М. Г., самъ нѣсколь-ко изъ ученыхъ: учился въ Кіевской Академіи, получилъ въ награду проименованіе *Колѣссова*,

вмѣсто прежней прозаической фамиліи *Колосова*, и нѣсколько времени былъ учителемъ Риторики въ высшихъ классахъ. . . . но судьба. . . . о, судьба!

Ломоносовъ спѣшилъ опдѣлаться отъ этого воспорженного пустослова, который въ нѣсколько минушъ успѣлъ рассказать ему почти всю свою жизнь, наговорить похвалъ цѣлому свѣту, и поручить себя благосклонности *царя ученыхъ и поэтовъ*, какъ назвалъ онъ наконецъ Ломоносова. Когда онъ ушелъ, царь поэтовъ и ученыхъ предался вполне своимъ чувствамъ. Онъ почти плакалъ перечитывая письмо жены. Чтò писала она? Чтò обыкновенно пишутъ женщины, когда перомъ ихъ управляетъ любовь и восторженное чувство. Никогда мужчина, съ своимъ логическимъ умомъ, не выразишь того, чтò можетъ сказать одушевленная женщина. У нихъ своя логика, свой синтаксисъ, свое краснорѣчіе, которыхъ законы еще не опысканы. Безпорядокъ есть правильный выводъ ихъ, который такъ-же убѣдителенъ, какъ сильна ихъ слабость, эта истинная сила женщины. Бѣдная жена Ломоносова два года не имѣла ни какой вѣсти о своемъ мужѣ, для котораго пожертвовала она всѣмъ, котораго любила больше самой себя. Можно представить себѣ, какъ краснорѣчива была ее душа послѣ такого долгаго сиротства, какъ выразительны

были слова и вѣрны мысли , копорымъ училась она два года и наконецъ выговорила ихъ въ своемъ письмѣ къ мужу.

Опвѣшъ Ломоносова былъ конечно досшойнымъ опзывомъ на это письмо. Онъ умолялъ жену проспишь его за всѣ горести , копорыя перенесла она для него, благодарилъ ее за мужество въ несчастіи, и описывалъ свое насшоющее положеніе , копорое обѣщало имъ наконецъ радостныя дни. «Пріѣзжай, скорѣе пріѣзжай дѣлишь со мной счастье, пошому что время бѣдспвій, при помощи Бога, кажешся миновало для насъ.» Эшимъ заключилъ онъ свое письмо и приложивши къ нему 100 рублей опправился къ Графу Беспужеву.

Онъ нашелъ въ Графѣ человека, сердшаго видомъ, спрогаго въ выраженіяхъ. Сначала Беспужевъ спалъ было выговаривашъ Ломоносову, какъ могъ онъ забышь свою жену; но пошомъ смягчился опъ сердечныхъ опвѣшовъ его, и уже говорилъ съ выраженіемъ добраго семьянина:

«Вѣпреники! Женишесь и бросаеше женъ! Бѣдная не знала куда дѣвашся ей! Хорошо что Головкинъ шакъ добръ и позабошилс опыскашь тебя. А сказалъ-бы, что Богъ знаешъ куда унесло тебя, шакъ что спалось-бы съ ней? Да скажи, пожалуста, почему онъ знаешъ тебя шакъ подробно?

— Я жилъ у Графа Головкина при возвращеніи въ Россію. Онъ зналъ мои семейныя обстоятельства.

«Вошъ эши добряки балуюшъ вашу брапью!... Вымыль-бы шебъ голову, шакъ было-бы лучше. А то еще разнѣжился!... Семейныя обстоятельства! Какія обстоятельства у бѣдняка?»

Такое обхожденіе не удивительно при вельможахъ старыхъ временъ, когда ихъ окружали шушы, поклонники, и когда всякій нисшій почтишалъ за счастье сгибаться передъ ними. Но Ломоносовъ еще не совсѣмъ привыкъ къ эшому и вмѣсто ошвѣща сказалъ:

—Позвольте, Ваше Сіятельство, спросить: не пишешъ-ли Графъ Головкинъ къ вамъ о женѣ моей, или обо мнѣ?

Эта смѣлость понравилась Беспужеву, который самъ обладалъ характеромъ больше нежели смѣлымъ и любилъ въ другихъ видѣть свою характерную черту. Однакожь онъ поглядѣлъ на Ломоносова и какъ-бы съ удивленіемъ ошвѣчалъ:

«Какъ-же, брашець! Онъ пишешъ мнѣ даже особенное письмо объ эшомъ. Жена швоя ошавалась цѣлые два года въ спрахѣ и неизвѣстности, куда дѣвался ты? Наконецъ она рѣшилась обратишся къ Графу, черезъ котораго получила ошъ шебя когда-то письмо, и слезно умоляла его, чшобы онъ сдѣлалъ милость,

ушѣшилъ ее въ печали и облегчилъ бѣдспвенное соспояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находишся мужъ ея, Россійскій спуденшъ Ломоносовъ: еще-ли у него въ Гагѣ, или гдѣ именно въ иномъ мѣспѣ. Пріобщила къ эшому и письмо къ шебѣ. Графъ зналъ шолько, чшо шы уѣхалъ изъ Амспердама въ Пешербургъ. Онъ справедливо полагаалъ, чшо шы долженъ бышъ здѣсь, и переслалъ письмо жены швоей ко мнѣ, съ просьбой ошыскашъ шебя и взяшъ ошвѣшъ. Вошъ, брапецъ, сколько хлопощъ надѣлалъ шы намъ, сшарикамъ! Я еще долженъ шеперь писашъ къ Головкину. Ну, а свое письмо и деньги, которыя посылаешъ къ женѣ, ошдай въ моей канцеляріи.

—Примише, Ваше Сіапельспво, искреннюю, глубокую мою благодарносшъ!...

«Хорошо, хорошо! Нѣкогда мнѣ съ шобой разговаривашъ....

Ломоносовъ былъ гошовъ уйдши, когда въ кабинетъ Графа вошелъ почпенный видомъ, сановишый человекъ, по видимому шакже знашный вельможа: эшо доказывало обращеніе его съ Графомъ Беспужевымъ, свободное, почти дружеское.

—Я помѣшалъ вамъ—сказалъ онъ, думая чшо прервалъ разговоръ.

«Нѣшъ, Графъ, мы уже все кончили съ Г-мъ Ломоносовымъ....

— Какъ? эшо Г. Ломоносовъ?— спросилъ незнакомецъ и дружески просянулъ руку къ смиренному ученому. — Давно желалъ я познакомиться съ вами, и радъ этому случаю, Г. Ломоносовъ! Вы видите усерднаго вашего почитателя. Я Графъ Воронцовъ.

«А вы, Графъ, какъ знаете его?» спросилъ Беспужевъ, удивленный больше Ломоносова эшимъ привѣспвіемъ Графа Воронцова.

«О, я знаю Г-на Ломоносова, хопъ и не имѣлъ удовольствія бытъ знакомъ съ нимъ. Его необыкновенная судьба, его глубокія познанія въ наукахъ, его спихошворенія во славу нашей Всемилоспивѣйшей Государыни, все даетъ ему право на уваженіе.

—О, конечно, конечно! — прибавилъ Беспужевъ, хопя въ первый разъ слышалъ объ эшомъ.

«Скажите, Г. Ломоносовъ: какъ шеперь идушъ ваши занятія?» спросилъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ.

—Мои занятія, Ваше Сіяшельство, такъ ограниченны, что имъ вездѣ уюшно.

«Однакожь обласъь ваша ошъ неба до глубины земли. Вы особенно занимаетесь Мешаллургіей, какъ слышалъ я?

—Да, люблю эшу науку, но собспивенное мое занятіе Химія.

«Извините,» возразилъ Графъ вѣжливо : «собственно вы поэтъ, и только пошому занимаетесь нашей землей, что живете на ней.

— Въ качествѣ человека и любителя науки, Ваше Сіятельство, я вообще люблю знанія. Поэзія только опдыхъ для меня.

Беспушевъ слушалъ ихъ и понималъ вполнину. Желая сказать что нибудь, онъ спросилъ въ свою очередь:

«Вѣдь вы учите чему нибудь?

— Да, Графъ, Химіи и опчаспи Физикѣ.

«И еще мастеръ писать сверхъ того?

Ломоносовъ улыбнулся.

«Да вы годны на все! . . . Право, эпакихъ людей не много, Графъ Михайло Ларіоновичъ!» прибавилъ онъ обращаясь къ Воронцову. «Какъ напрімѣръ я бьюсь съ своими канцелярскими! Писнѹтъ нѣкому.

Не отвѣчая на это обращеніе, Графъ Воронцовъ сказалъ Ломоносову:

— Я очень, очень доволенъ встрѣпившись съ вами. Пожалуста, приходите ко мнѣ, Г. Ломоносовъ! шакъ, запросто, безъ церемоній. Я надѣюсь учисься изъ вашихъ разговоровъ.

«Я принимаю это на оборотъ, Графъ, и непремѣнно исполню ваше приказаніе.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, въ учтивостяхъ Графа Воронцова, въ

благодарныхъ опзывахъ Ломоносова , и въ не-
 шерпѣливыхъ перерывахъ Графа Беспужева. На-
 конецъ Ломоносовъ ушелъ , очень довольный
 своимъ посѣщеніемъ , и не забылъ опдашь въ
 канцеляріи Графа Беспужева сто рублей для
 пересылки къ женѣ.

Глава VI.

Дѣла Академіи шли не всегда благопріятно для членовъ ея. Надъ ними было много разныхъ власпей, но всего больше спѣсняло ихъ Правленіе Хозяйственное. Эшо былъ родъ опеки надъ учеными людьми, копорые, сказано было въ Уставѣ, «о произведеніи наукъ старающа, но обыкновенно мало думающъ на собственное содержаніе.» И пошому эшихъ господъ спѣсняли за каждую копѣйку, не только въ общихъ дѣлахъ Академіи, но даже въ томъ, что опосилось къ нимъ собственно. Жалованье, чрезвычайно малое, было едва достаточное на содержаніе, и еще назначалось, шакъ-же какъ и кварширы, по произволу Хозяйственного Правленія. Зачѣмъ много денегъ Профессору? Зачѣмъ огромную кварширу ученому? Довольно съ него двѣ, при комнашѣ, и шо подешевле. Впрочемъ, наемныя кварширы давались только женашымъ людямъ, а холоспыхъ помѣщали въ

Академіи, гдѣ часто они жили шѣснѣе нынѣшнихъ канцелярскихъ служителей. Нечего говорить послѣ этого объ ученыхъ и учебныхъ пособіяхъ: Академикъ, Профессоръ не смѣлъ купить линейки и циркуля, не только чего нибудь поважнѣе, безъ протокола Хозяйственнаго Правленія, которое состояло изъ Директора, двухъ товарищей его и казначея. Эти господа властвовали всѣмъ, и сановишая ученость смирялась передъ ними. Они часто сердили неуспунчиваго Ломоносова, который помнилъ свое достоинство, безпрестанно спорился съ *подъячими*, какъ называлъ онъ ихъ, и упрашивалъ своихъ товарищей обратиться къ высшей власти, съ просьбой обновить Академію новыми преимуществами и льгошами. Тутъ встрѣчалъ онъ обыкновенныя ужимки и молчаніе людей, которые боялись сдѣлать неоспорожный шагъ.

Но этимъ не ограничивались требованія поэтической головы Ломоносова. Онъ видѣлъ, что Академія занимается многимъ, чуждымъ для нея, и не дѣлаешь того, что должно составлять ея занятіе. Напримѣръ, въ нее присылалось множество требованій о сочиненіи плановъ для увеселеній, для фейерверковъ, для садовъ и домиковъ. Въ царствованіе Анны, даже забавное празднество въ *ледяномъ домикѣ* не обошлось безъ помощи Академіи. И въ по-же

время, Академики не писали ничего для Россіи, не занимались распространеніемъ наукъ въ опечесствѣ, не имѣли порядочной лабораторіи, хорошихъ инструменшовъ и другихъ пособій ученыхъ, а преподаваніе наукъ въ Академической Гимназіи происходило на Лашинскомъ языкѣ, непонятномъ для большей части учениковъ.

Разсуждая однажды объ этомъ съ товарищами, Ломоносовъ сказалъ:

«Господа! Половина трудовъ нашихъ гибнеть по пустому. Труды Академіи и преподаваніе наукъ на Лашинскомъ языкѣ важны; однако это больше важно для Европы, нежели для Россіи. Не лѣзя-ли шѣмъ изъ насъ, кошорые знаютъ по-Русски, читають свои лекціи на Русскомъ языкѣ?

Товарищи его задумались, и наконецъ отвѣчали, что это невозможно, при необработанности Русскаго языка, въ кошоромъ даже нѣтъ ученой опредѣленности словъ. Это было справедливо; сверхъ того, Ломоносовъ обращался къ иностранцамъ, большею частию Нѣмцамъ, а для нихъ Русскій языкъ былъ *страною тмы*. Они подозрѣвали въ предложеніи своего собрата даже опдаленную мысль: засшавишь ихъ учишься по-Русски, и наконецъ почти единоголсно заговорили, что Русскій языкъ не способенъ къ выраженію всѣхъ мыслей человеческихъ, что на немъ не лѣзя писать объ уче-

ныхъ предметахъ , и что онъ времени должно ожидать усовершенствованія его, а пошомъ дѣлашь такія предложенія , какія слышають они онъ своего ученаго собрата.

«Господа!» съ пылкостью возразилъ имъ Ломоносовъ. «Позвольте сказаць, что вы ошибаетесь, и онъ того именно, что не знаете предмета, о которомъ идетъ рѣчь.»

Отвѣчають на это было нечего, но досада выразилась на лицахъ спорившихъ.

«Да! если-бы вамъ извѣстны были красота и обиліе Русскаго языка, вы не назвали-бы его недоспащочнымъ; если-бы знали вы, какое пособіе имѣетъ онъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, то предпочли-бы его Латинскому, заимствующему столько словъ онъ Греческаго. Языкъ нашъ необработанный, правда; но если мы оставимъ его въ коснѣніи, то и никогда не будетъ онъ гибокъ и способенъ къ выраженію всѣхъ употребленныхъ мыслей и ученыхъ терминовъ. Но начнемъ неукоснительно заниматься имъ, и вскорѣ увидимъ плоды этогого.»

— Но если начнете вы одни, то кто-же будетъ судьей вашимъ? пошому что вы можете и ошибаться.

«Конечно вы не будете судить меня, господа! И я докажу вамъ, что говорю основательно о родномъ своемъ языкѣ.»

Этотъ небольшой споръ возманилъ прошивъ Ломоносова всѣхъ Нѣмцевъ, товарищей его. «Что за гордость! что за самохвальство!» восклицали они послѣ этого всякой разъ. «И какъ будто онъ умнѣе всѣхъ! . . . Да развѣ онъ вѣпорой Пико де Мирандола? Развѣ онъ не намѣже обязанъ всѣмъ?»

Такія слова показывали, что на Ломоносова обрушилась вся пошлость обвѣщальныхъ сеншенцій. Можно было-бы не уважать ими, если-бы онѣ шли не отъ шѣхъ, съ которыми необходимо было встрѣчаться каждый день. И какое добро можетъ быть отъ людей, связанныхъ съ вами занятіями, дѣлами, но далекихъ, даже непріязненныхъ вамъ по чувствамъ, а вслучаѣ нужды и вѣрныхъ непріятелей вашихъ? Все это испытывалъ Ломоносовъ. Онъ видѣлъ непріязность своего положенія и даже иногда хотѣлъ сблизиться съ недругами; это удавалось ему, потому что они во большей части были добрые люди, которые только не любили чтобы запрогивали ихъ; но при первомъ случаѣ онъ опять сердился, начиналъ колошь ихъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и пріязненные отношенія снова разрывались; снова Ломоносовъ встрѣчалъ угрюмыя лица, холодныя ошвѣщанія, и преятсшвія почти на каждомъ шагу своего поприща.

Между шѣмъ, онъ находилъ новое ушѣшеніе

въ мысли о прїѣздѣ своей жены. Два года почишалъ онъ невозможнымъ свиданіе съ нею, и терпѣливо переносилъ разлуку; шеперь, когда препятствія были удалены, когда шайна его спала извѣстна всѣмъ, онъ кого прежде скрывалъ онъ ее, для него казалась вѣчноспью опсрочка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мы уже имѣли случай много разъ замѣнить, что эпошъ человекъ не умѣлъ чувствовашъ вполонину: каждая мысль, каждое желаніе овладѣвали имъ, и непременно должны были исполниться или сжечь его. Такъ шелъ онъ въ своей жизни съ юныхъ лѣтъ, и одерживалъ побѣды, можно сказать, надъ самою судьбою. Но покуда желаніе или мысль его не осуществлялись, онъ мучился и спрадалъ.

Разсчитывая, сколько времени должно было письмо его идти къ Хриспинѣ, сколько времени она употребитъ на сборы и на путешествованіе до Пешербурга, онъ нарочно полагалъ для всего дальніе сроки, чтобы не ошибиться. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, ожидая письма отъ милыхъ сердцу, или прїѣзда друга, роднаго. По разсчету Ломоносова, жена его, добрая его Хриспина и съ маленькою дочерью, должна была прїѣхать къ нему около осени. Тогда сообщенія еще не были такъ поспѣшны и удобны какъ шеперь. О пароходахъ еще не имѣли и мысли, а купеческіе корабли и даже транс-

поршныя суда не плавали спаями по Балпикѣ и Финскому заливу. Надобно сказать, что Ломоносовъ велѣлъ женѣ своей пріѣхать на корабль, пошому что это было и удобнѣе и дешевле. И каждый корабль, который приближался по Невѣ къ его жилищу, заставлялъ препешать сердце его. Мы уже знаемъ, что онъ жилъ въ Академическомъ домѣ, подлѣ лабораторіи. Академія тогда была тамъ, гдѣ теперь Кунстъ-Камера, слѣдовательно почти у самой пристани для кораблей, подлѣ Исакіевскаго моста.

Еще далеко былъ срокъ, назначенный Ломоносовымъ для пріѣзда жены, когда, лѣтомъ 1743 года, онъ вышелъ однажды насладиться прекраснымъ вечеромъ, и едва опошелъ нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ увидѣлъ, что Любскій корабль остановился близъ берега, и съ него переѣзжающъ на шлюпкѣ нѣсколько пассажировъ. Взглядъ Ломоносова былъ невольно прикованъ къ этой картинѣ. Онъ думалъ о своей милой Хриспинѣ, о своей малюткѣ дочери, и перялся въ мысляхъ. Между шѣмъ пассажиры вышли на берегъ, и въ числѣ ихъ женщина съ маленькой дѣвочкой. . . . «Боже мой!» закричалъ Ломоносовъ. «Сердце мое чувствовало, что ты близко, Хриспина!

Говоря эти слова, онъ уже держалъ Хриспину въ своихъ объятіяхъ, глядѣлъ ей въ глаза, и еще не вѣрилъ своимъ чувствамъ.

«А это наша дочь?» воскликнулъ онъ бросившись къ малюпкѣ, робко прижимавшейся къ своей матери, и схватилъ ее на руки, цѣловалъ, смѣялся, плакалъ.

Прохожіе ласково улыбались и въ полголоса говорили глядя на эту сцену: «Вишь, къ барину пріѣхала жена.»

Между тѣмъ Хриспина оставалась нѣмою, и уже черезъ нѣсколько секундъ радостныя чувства ея и превога ощущеній выразились рыданіемъ, и слезами, копорыя въ два ручья показались изъ ея глазъ.

«Пойдемъ, пойдемъ, другъ мой!» говорилъ Ломоносовъ, и держа на рукахъ дочь, привелъ жену въ свою кварширу.

«У насъ будетъ другая кваршира, больше этой, а теперь, покуда, мы будемъ счастливы и здѣсь!» сказалъ онъ.

— Ахъ, Михайло! Не только въ этой кварширѣ, копорая кажется мнѣ раемъ, но и въ самой убогой хижинѣ гошова я живу, но только съ тобой. Ты ужь не покинешь меня больше?

«Милый другъ! ты знаешь, что заставило меня покинуть тебя!... Теперь, слава Богу, обшояпельства совсѣмъ нѣтъ. Я имѣю почетное мѣсто, довольно денегъ, и много покровителей. Что-же заставишь меня расстаться съ тобой, милая Хриспина! Нѣтъ, никогда!

Да я ужъ и не въ силахъ былъ-бы сдѣлать это. Но, расскажи мнѣ, какъ доѣхала ты сюда? Получила-ли ты мое письмо и деньги?

— Какъ-же! Ахъ, этакъ добрый Графъ Головкинъ! Дай Богъ ему здоровья! Онъ пошчасъ прислалъ ко мнѣ свое письмо и деньги, да еще и опъ себя письмо, такое милосливое. Онъ-то присовѣщивалъ мнѣ ѣхать въ Любекъ, и тамъ сѣсть на корабль.

«Ты и сдѣлала такъ?»

— Да. Трудно мнѣ было расставаться съ родищемъ.... но я превозмогла себя. О, Михайло! Сколько я перенесла горя въ это время!...

«Не говори объ этомъ, милый другъ! Я знаю, чувствую все!... Повѣрь, что мнѣ было не легче. Но, теперь уже прошло все. Спавемъ радоваться и наслаждаться жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ Ломоносовъ ожилъ, повеселѣлъ, и даже нѣсколько времени меньше ссорился съ своими сочленами, прощалъ имъ лѣносъ, неподвижностъ, любилъ ихъ за доброту и знанія. Ему отвели кварширу женатыхъ, по есъ комнату или двѣ больше противъ прежняго. Хрисина съ воспоргомъ принялась за новое свое хозяйство, и вскорѣ устроила все такъ удобно, какъ только можно было это въ ихъ небогатой жизни. Но ей не казалась эта жизнь небогатою. И точно, если сообразимъ переходъ ея отъ нищеты и совершенной без-

надежносши къ довольству, къ удобствамъ жизни, по повѣримъ, что она почиала себя не только счастливою, но и богатою. Она еще никогда не жила такъ роскошно: у нея была даже прислуга! . . . Столь умѣла она приготовить порядочный и тогда какъ у нихъ не было ничего; а теперь, когда Ломоносовъ хотѣлъ въ немъ больше существенности, больше Русской сытности нежели Нѣмецкой изобрѣшательности, Христина была въ своемъ родѣ гениемъ не меньше мужа.

Среди удобствъ тихой семейной жизни, Ломоносовъ чувствовалъ еще большую охоту шрудиться, и шрудился неушомимо. Чашю прерывали его присылками опъ вельможъ, съ просьбой написашъ стихи на шопъ или другой случай. Просьбы эти бывали равносильны приказаніямъ, особенно когда *просили* или *совѣтовали* написашъ стихи на иллюминацію, на торжественный день, на спускъ корабля, и проч.

«Я ужъ не радъ, что объявилъ себя стихошворцемъ!» говорилъ Ломоносовъ женѣ своей. «Что это въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ набрашся мнѣ вдохновенія на всякую мысль, на всякое происшествіе? . . . Но дѣлашъ нечего!»

И онъ принимался за свою громкую лиру, какъ говаривали всшарину, бряцалъ въ струны, пѣлъ, и морщился. Это видно во многихъ его ешихошвореніяхъ, гдѣ явныя небрежности и

ошибки противъ языка , прозаическія мысли и распянушыя изображенія вспрѣчаются слишкомъ часто. Вообще Ломоносовъ немного разъ былъ поэтомъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Но онъ *любилъ* много , и диво-ли что спадалъ съ голоса?

Для другихъ онъ говорилъ , и можешъ быть даже самъ вѣрилъ , что стихотворство было у него одыхомъ , а науки занятіемъ и прудомъ. Но это выходило совершенно наоборотъ. Онъ писалъ стихи по Рипорикъ: возьмите любую оду его , и вы найдете школьное расположеніе , распроспраненія рипорическія , и почти нигдѣ не откроете восшорга. Въ наукахъ , напрошивъ , сколько у него смѣлыхъ , великихъ мыслей ! И съ какою ревностью , охотою , съ какимъ самоотверженіемъ занимался онъ ими ! Къ этому предназначила его природа , и онъ оправдалъ ея назначеніе всею своею жизнью.

Онъ любилъ не только науки , но и людей , искренно , ревностно посвятившихъ себя имъ. Немного вспрѣталъ онъ такихъ изъ своихъ товарищей , но для эсихъ немногихъ былъ вѣрнымъ другомъ. Одинъ сдѣлался особенно близокъ къ нему : это Профессоръ Рихманъ , издавна поселившійся въ Россіи , Нѣмецъ родомъ , но совершенно преданный своему новому отечеству. Самыя занятія сближали ихъ , потому

что Рихманъ былъ Профессоромъ Физики и особенно любилъ ее, занимался множествомъ новыхъ, важныхъ опытовъ, и передавалъ свои открытія Ломоносову, а этакъ, не смотря на разнообразіе своихъ изученій, больше всего былъ преданъ испытанію природы, и слѣдственно Физикъ, не имѣвшей тогда предѣловъ. Она захватывала въ свою область и Механику, и Оптику, и Химію. Такимъ образомъ Рихманъ и Ломоносовъ сдѣлались братьями по наукѣ, сколько-же какъ по душѣ и сердцу.

Бесѣды ихъ бывали продолжительны и пріятны для обоихъ. Они не ограничивались тѣмъ, что должны были дѣлать по должности, но проникали умомъ дальше самыхъ границъ своей науки. Въ то время едва открывалась теорія электричества. Оба друга ревностно трудились надъ нею, и какое счастье бывало, если одинъ изъ нихъ могъ сообщить другому новое наблюденіе свое! . . . Но и Рихманъ и Ломоносовъ чувствовали бѣдность своихъ средствъ, жаловались другъ другу на медленный ходъ дѣлъ, на слабость подвиговъ своей Академіи, на недѣлительность сочленовъ своихъ.

«Съ ними не выпьешь моря!» говаривалъ Ломоносовъ.

— Не сорвешь огня съ неба! — прибавлялъ Рихманъ.

«Подождемъ, посмопримъ : вошъ ихъ вѣчный опзывать. Да будешъ-же нашимъ опзывомъ: спанемъ прудишься не для самихъ себя, а для науки и потомства. Больше этого не лзя.

Искреннимъ пріятелемъ Ломоносова былъ также почтенный Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, Адъюнктъ Математическихъ наукъ при Академіи, шотъ самый, кошорый въ 1739 году одобрилъ и располковалъ Корфу первую Русскую оду нашего поэта. Ададуровъ былъ не глубокій ученый, но за то человекъ съ просвѣщеннымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Послѣ онъ возвысился въ чинахъ и достоинствахъ : былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣшникомъ, Кураторомъ Московскаго Университета, вельможею. Но Ломоносовъ любилъ въ немъ еще молодаго ученаго, почти сверстника своего по лѣтамъ, и сочлена по Академіи, дѣятельнаго, гошоваго къ добру. Ададуровъ не былъ такимъ гонителемъ неподвижности какъ Ломоносовъ, но соглашался съ нимъ почти всегда, уважалъ его дарованія, и охотно подсмѣивался надъ своими шоварищами, шакъ однакожъ, чтобы они не подслушали. Ошъ того былъ онъ въ ладу со всѣми. Особеннымъ покровителемъ его прежде былъ Эйлеръ, пошому что у него въ классѣ оплился Ададуровъ, учась въ Академической Гимназіи, и послѣ перевелъ на Русскій языкъ его

Руководство къ Арифметикѣ. Самъ бывши въ Гимназіи преподавателемъ этого предмета, Ададуровъ принялъ въ руководство Эйлерову книгу.

Ломоносовъ, напропивъ, ни сколько не зналъ искусства *уживаться* со всѣми, и онъ того терялъ много выгодъ, встрѣчалъ много непріятностей и препятствій на пути своемъ. Онъ не умѣлъ всегда укрощать себя и часто даже составлялъ оппозицію высшей Академической аристокраціи, то есть старшимъ Академикамъ и Профессорамъ. Они хотѣли не только науки, но и смиренія, хотя управляли не монастыремъ; а Ломоносовъ не научился этому и живши долго въ монастырѣ. При всякомъ случаѣ онъ говорилъ смѣло и даже рѣзко, не одобрялъ того, что находилъ дурнымъ, молчалъ, если имѣлъ силы, видя посредственное, явно хохоталъ надъ глупостью. Сколько причинъ къ несогласію!

Однимъ изъ самыхъ непріятныхъ для него людей былъ Секретарь Академіи, Василій Кириловичъ Тредьяковскій. Природа создала его какъ совершенную прошивуположность Ломоносову! Сколько въ этомъ было пылкости, дарованій, генія, сколько-же опличался Тредьяковскій бездарностью, ничтожествомъ, неподвижностію ума. Сама жизнь ихъ шла въ діаметральной прошивуположности. Съ малолѣт-

схва имѣлъ Тредьяковскій отличныхъ учителей, и въ ранней юности путешествовалъ по образованной Европѣ. Въ Парижскомъ Университетѣ былъ онъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго въ свое время Роллена. Возвратившись въ Россію, въ Петербургъ, онъ сдѣлался студентомъ Академической Гимназіи, гораздо прежде Ломоносова, и потомъ, уже лишьдесять до описываемаго нами времени, занималъ должность Секретаря Академіи Наукъ. Это былъ человекъ не глупый, но совершенно лишенный ума, потому что не надобно смѣшивать этой высокой способности съ другою, нисшею, съ разсудкомъ, или съ здравымъ смысломъ. Можно быть очень не глупымъ, даже разумнымъ человекомъ, и не имѣть ни искры ума. Разсудокъ есть способность различать видимое, перенимать что дѣлаютъ другіе, подражать дѣйствіямъ другихъ, короче, идти общимъ, проложеннымъ для всѣхъ путемъ; но во всемъ этомъ нѣтъ никакого отношенія къ тому высокому въ человекѣ дару, который называють умомъ, и который даетъ ему возможность проникать въ сокровенную глубь вещей, находить новыя стороны въ предметахъ, давать направленіе общему ходу дѣлъ и событій, а не рабски слѣдовать заведенному порядку. Съ такою способностью Ломоносовъ соединялъ еще даръ поэзіи, способность приходить въ

воспоргъ , и въ эшомъ сосшояніи дѣлашся шворцомъ , шо ешь производишь шо , чего до него никшо не видѣлъ , не посшигалъ и не по-дозрѣвалъ.

Можно представишь себѣ , какъ глядѣлъ онъ на Тредьяковскаго , жалкаго раба общепринятыхъ мнѣній , повѣрій , преданій , какія случилось ему узнать , и шо съ величайшимъ шрудомъ , посвятивши на изученіе ихъ все свое вниманіе и годы жизни. Но и за эшо онъ былъ-бы достоинъ уваженія , если-бы съ шрудолюбіемъ своимъ не соединялъ глупой гордосши , кошорую придала ему случайность : имѣшь въ юносши хорошихъ наспавниковъ и вообще много средствъ учишься. Набивши свою голову громадою свѣдѣній , изучивши нѣсколько языковъ и прочишавши гору фоліаншовъ , Тредьяковскій возмечшалъ , что онъ очень уменъ. Эшо было первымъ недосшашкомъ его , пошому что чужой книжный умъ придалъ ему только смѣшную самоувѣренность , а не могъ переродить разсудка въ высшую способность. Пошомъ , онъ воображалъ себя чрезвычайно ученымъ человекомъ ; но что значить ученость безъ ума ? Правда , онъ зналъ много собственнхъ именъ , много испышаннаго , изобрѣшеннаго , ошкрышаго другими , но все эшо опражалось въ головѣ его такъ неясно , шускло , что думая примѣнять свои знанія въ нѣкошорыхъ случаяхъ , онъ ви-

дѣлъ Эпопею въ *Тилемахидѣ*, стихи въ варварскихъ виршахъ своихъ, торжественныя рѣчи въ безшолковыхъ сплешеніяхъ словъ, и роясь какъ червь въ книгахъ, обшачивая какъ муравей вспрѣченную имъ пылинку, посвящалъ на шакія занятія всѣ свои способности. Къ довершенію смѣшнаго онъ воображалъ себя поэтомъ, пошому что научился приводить въ размѣръ слова, воющія оный ужаса! . . . И все это стоило ему величайшихъ трудовъ, усилій; все это ославалось памяшникомъ бездарности! Тредьяковскій исчезалъ въ ничтожествѣ, и вмѣсто того чшобъ быть почтеннымъ трудолюбцемъ, мечталъ быть ученымъ, орапоромъ, поэтомъ, теоретикомъ! . . . Всею виной была гибельная для него случайность, что онъ имѣлъ учителемъ Роллена и подобныхъ ему славныхъ мужей, копорые не могли изъ камня сдѣлать золоша.

Но Тредьяковскій не имѣлъ этого сознанія, и пошому, высоко думая о себѣ, называлъ успѣхи Ломоносова не заслуженными и даже смѣялся надъ ними. Онъ не хошѣлъ скрывать этого, и явно оказывалъ нашему поэту холодность и даже презрѣніе. Между ними зародилась неприязнь, копорую еще больше увеличивалъ своими припѣсненіями велемудрый Тредьяковскій какъ Секретарь Академіи.

Въ это время возвратились, изъ отдаленнаго путешествія по Сибири, нѣсколько замѣчательныхъ человекъ: Герардъ Фридрихъ Миллеръ, Профессоръ Русской Исторіи, знаменитый своими познаніями въ ней, Іоганнъ Георгъ Гмелинъ, Профессоръ Химіи и Натуральной Исторіи, и студентъ Степанъ Пешровичъ Крашенинниковъ. Ломоносовъ уже зналъ имя Миллера, и нашелъ въ немъ истиннаго ученаго, умнаго человека, одареннаго неутомимымъ, но всегда разсудительнымъ трудолюбіемъ. Миллеръ былъ Нѣмецъ родомъ; но пріѣхавши въ Пешербургъ при началѣ образованія Академіи, и проживши въ Россіи уже лѣтъ двадцать, онъ совершенно выучился Русскому языку: въ немъ осталась только Нѣмецкая ученость. Но при всѣхъ своихъ необыкновенныхъ способностяхъ, Миллеръ отличался положительнымъ, холоднымъ умомъ и не имѣлъ никакого чувства поэзіи. Вспрѣшившись съ Ломоносовымъ, онъ полюбилъ и оцѣнилъ его, но не могъ сдѣлаться другомъ его: этому совершенно противились ихъ характеры.

Гмелинъ, знаменитый своими свѣдѣніями въ Естественствованіи, особенно въ Ботаникѣ, швовецъ *Сибирской Флоры*, человекъ еще молодой, срасно любилъ свою науку, но не былъ привязанъ къ Россіи, какъ Миллеръ, и безпрестанно мечталъ о возвращеніи въ отечество, въ

свой милый Тибингенъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію около 1730 года, вмѣстѣ съ Бильфингеромъ и Дювернуа, но починалъ жизнь свою шамъ ученымъ путешесствіемъ, не больше, и вскорѣ по пріѣздѣ изъ Сибири началъ пребываніе опущка. Онъ, правда, оставался еще въ Петербургѣ года при-чешыре, но велъ жизнь уединенную, почши не приходилъ въ Академію, и пошому Ломоносовъ, не смошря на все свое желаніе сблизиться съ знаменитымъ еспешвоиспытателемъ, зналъ его очень мало.

Крашенинниковъ былъ по сердцу Ломоносова. Онъ учился сначала въ Заиконоспасской Академіи, шакъ-же какъ Ломоносовъ, пошомъ въ Петербургѣ въ Академической Гимназіи, и въ званіи студента опправился съ Профессорами Делиемъ, Гмелиномъ и Миллеромъ въ Камчатку. Это путешествие вспрѣшило множество затрудненій, шакъ что Крашенинниковъ одинъ, съ посланнымъ послѣ Адъютантомъ Шеллеромъ, обозрѣвалъ Камчатку. Черезъ десять лѣтъ онъ возвратился въ Петербургъ и привезъ съ собой кипу разныхъ замѣшкѣ и описаній. Ломоносовъ нашелъ въ немъ ишаго Рускаго, добраго сердцемъ, умнаго человека и хорошаго еспешвоиспытателя. По крайней мѣрѣ Крашенинниковъ любилъ занимашся математическими и физическими науками, а

этого, при добрыхъ качествахъ сердца и хорошемъ умѣ, довольно было для привязанности Ломоносова. Онъ полюбилъ *Камгадала*, какъ сначала называли въ Академіи Крашенинникова.

Глава VII.

Петръ Ивановичъ Шуваловъ заказалъ нашему поэту стихи, на какое-то новое поржесство, и Ломоносовъ, окончивши ихъ, пришелъ однажды ушромъ въ его домъ, куда являлся онъ уже не разъ, довольно свободно. О немъ пошчасъ доложили, и Ломоносовъ приблизился къ дверямъ кабинета, когда услышалъ громкій смѣхъ и разговоръ нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ остано-вился-было и не хошѣлъ входить, боясь по-пасъ въ шумную толпу со своимъ смиреннымъ приношеніемъ; но слуга уже расшворилъ дверь кабинета, и не войдши было не лзя; къ тому же Петръ Ивановичъ вскричалъ, какъ только завидѣлъ его:

—Добро пожаловать, Г. Ломоносовъ, добро пожаловать!—

Ломоносовъ быспро вошелъ, и вѣжливо, но свободно привѣщивовалъ вельможу. Онъ уви-дѣлъ подлѣ него незнакомое ему, но чрезвы-чайно привлекательное лицо: это былъ Алек-

сандръ Ивановичъ Шуваловъ , Генералъ съ отличными военными познаніями, и, что еще важнѣе , любимый Императрицею и поному самый могущесивенный изъ всѣхъ Шуваловыхъ. Ломоносовъ опдалъ ему глубокій поклонъ , а Пешръ Ивановичъ, обратившись къ своему брашу сказалъ:

—Вопъ онъ, соперникъ Василья Кириловича!

Дрожъ пронзила Ломоносова, когда онъ услышалъ эпошъ неожиданный комплиментъ! Его равняющъ или по крайней мѣрѣ ставящъ въ параллель съ Тредьяковскимъ! Онъ хошѣлъ было опвѣчать по первому движенію сердца , но, къ счаспію , Пешръ Ивановичъ предупредилъ его словами:

—Василій Кириловичъ! подойди, брашець, къ намъ; что пы все споишь у дверей. . . .

Ломоносовъ оглянулся и увидѣлъ — Тредьяковского ! Онъ споялъ въ самомъ углубленіи двернаго перехода, подлѣ припворенной половинки дверей, споялъ вышянувшись въ спрунку, недвижимо , безмолвно , и шолько при словахъ Пешра Ивановича промолвилъ :

«Слишкомъ много чеспи для нашей брашьи, Ваше Высокопревосходительство !» Почши незамѣнное движеніе глазъ его показало , что онъ изумляется дерзоспи своего собрата по ремеслу и хочешъ бытъ благоразумнѣе его.

— Видишь, что и товарищъ не замѣшилъ тебя — прибавилъ Пепръ Ивановичъ.

Между тѣмъ Ломоносовъ уже обмѣнялся поклономъ съ Тредьяковскимъ и сказалъ:

«Извините, Василій Кириловичъ! право, не видалъ васъ сначала.

Тредьяковскій сдѣлалъ при этомъ такое смѣшное лицо, гдѣ выражались и гнѣвъ и робость и смущеніе, что Александръ Ивановичъ Шуваловъ только могуществомъ свѣтской пышности удержалъ себя отъ взрыва смѣха, и спѣшилъ обратиться къ Ломоносову съ словами:

— Очень пріятно познакомишься съ человекомъ, котораго уважалъ я заочно. Я давно просилъ брата объ этомъ; да мы оба такъ мало имѣемъ свободнаго времени. . . .

Ломоносовъ кланялся, не умѣя ничего отвѣчать на такія общія привѣтствія.

— А мы сей часъ говорили о васъ съ Василіемъ Кириловичемъ — сказалъ Пепръ Ивановичъ. — Онъ сердится за то, что вы пишете стихи и говорите рѣчи. . . .

«Извините, Ваше Высокопревосходительство, что я осмѣлюсь перебить вашу рѣчь!» возразилъ Тредьяковскій. «Вы сами удостоили шушишь надъ моимъ, яко-бы соперничествомъ съ Г-мъ Ломоносовымъ.

Пепръ Ивановичъ искренно захохоталъ, по-тому что Тредьяковскій былъ особенно способенъ смѣшнѣ своимъ важнымъ видомъ. Кто изъ насъ не видалъ эсихъ любимцевъ веселости, которые имѣють даръ быть шѣмъ смѣшнѣе, уморишельнѣе, чѣмъ больше стараются соблюдать важноснѣ?

— Ну, что правда, то правда — отвѣчалъ Пепръ Ивановичъ. — Какъ ранняя ппичка, Василій Кириловичъ раньше васъ, Г. Ломоносовъ, поднялся съ своего гнѣзда, и уже принесъ мнѣ оду на нынѣшній поржесшвенный случай; когда же я сказалъ ему, что уже просилъ васъ объ этомъ, онъ спалъ жаловашся, что ему предпочишають васъ. Я хошѣлъ увѣришь его, что вы не думаете соперничать съ нимъ; что его высокопарящій геній не такъ легко подымается съ мѣсца какъ вашъ, который умѣетъ все дѣлать на лешу. Ну, какъ-бы это объяснишь сравненіемъ. . . . да, вошъ, ксшапи аршиллерійскій Генераль,» продолжалъ онъ указывая на браша: «онъ скажетъ вамъ, что шяжелая и легкая аршиллерія равно хороши и полезны въ своемъ мѣстѣ; а я прибавлю, что Василій Кириловичъ шяжелая аршиллерія, такъ-же какъ Г. Ломоносовъ легкая! . . .

— Благодаренъ благосклонности Вашего Высокопревосходительства — сказалъ Тредьяковскій — но я съ Г-мъ Ломоносовымъ на ряду не

бывалъ. Онъ гораздо помоложе меня; онъ былъ еще въ пеленкахъ, когда я уже слушалъ лекціи у Роллена.

» Да кто-же васъ и сшавишь рядомъ? Я, напрошивъ, доказываю, что вы не похожи другъ на друга.

— Какъ угодно, В. В.! Но я многими заслугами уже доказалъ преданность свою Музамъ и опытность въ пишическомъ дѣлѣ; а Г. Ломоносовъ....

« Полно, полно сердиться, Василій Кирилловичъ! » перебилъ его Пепръ Ивановичъ, все смѣясь.

Но Тредьяковскій, разгорячившись, продолжалъ:

— Еще при блаженной памяти Императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ я уже былъ не въ *ординарныхъ*... да и самое стихопворство на Россійскомъ языкѣ мое изобрѣшеніе.

— Вы такъ хорошо доказываете права свои — сказалъ ему съ важнымъ видомъ А. И. Шуваловъ — что я прошу васъ вручить мнѣ новое ваше стихопвореніе, и постараюсь употребить его въ дѣло.

Восхищенный Тредьяковскій поспѣшно вынулъ изъ кармана большой исписанный листъ, и съ низкимъ поклономъ подалъ его Шувалову.

«Ну, доволенъ-ли теперь?» сказалъ Пешръ Ивановичъ.

— Покровишели Музъ и любимцевъ ихъ находяшъ шакихъ-же обожашелей, какъ и сами Музы — опвѣчалъ Тредьяковскій, спараясь выражапсья красно и не думая о смыслѣ.

Онъ началъ раскланивашься и подвигашься къ дверямъ спиной.

— Да наградишъ васъ премудрая Царица всѣми благами земными, а Небесная всѣми райскими — прибавилъ онъ сдѣлавъ послѣдній поклонъ, и вышелъ за двери, какъ нищій, копорому бросили милосшыню.

Пешръ Ивановичъ между шѣмъ хохопалъ, а по выходѣ Тредьяковского разсмѣялся и брашъ его.

Во все время эпои унизишельной сцены, Ломоносовъ оспавался почти онѣмѣлый, и не зналъ, какъ понимапъ ему спранное обращеніе Шуваловыхъ съ Тредьяковскимъ. Видъ спихопворца, каковъ-бы ни былъ онъ, оскорбляемаго насмѣшками, и униженно принимающаго проническое одобреніе, мрачно опразился на сердце Ломоносова. Передъ нимъ не совѣспились унижапъ санъ поэша, когда онъ самъ явился шакъ-же какъ Тредьяковскій, съ спихами, заказными спихами! Можепъ бышъ даже онъ не давалъ себѣ опчета въ своихъ ощущеніяхъ, но

ему было тяжело, и это сближеніе съ Тредьяковскимъ, на кошораго онъ нашокнулся шакъ не кшапи, эша высшавка передъ лицомъ гордыхъ вельможъ, почти въ смѣшномъ видѣ, это обхожденіе, покровительное безъ всякой нѣжности, все привело въ смущеніе Ломоносова.

Онъ оспавался въ шакомъ положеніи, когда Пепиръ Ивановичъ переспалъ наконецъ смѣяшся и сказалъ своему брапу:

—Но для чего ты взялъ у него это маранье, эту оду, какъ онъ называетъ ее?

«Надобно-же было чѣмъ нибудь утѣшишь дурака.

—Но что ты спанешь дѣлашь съ ней? Неужели предсставишь?...

Александръ Ивановичъ подошелъ къ пылавшему камину и кинулъ въ него оду Тредьяковского, говоря:

«Вотъ самое благородное употребленіе для этой глупости.

—Помилуй, брапець!... вѣдь ты и не чишалъ ее. . . . можешь бышь въ ней было что нибудь доброе, или хопъ. . . . смѣшное.

«Глупое не можешь бышь даже смѣшно. Лучше послушаемъ, что написалъ Г. Ломоносовъ. Вѣрно его стихи не похожи на оду швоего Кирилыча. . . .

Проговора это съ обыкновеннымъ своимъ спокойнымъ видомъ, Александръ Ивановичъ

спалъ спиной къ камину, и съ ласковою улыбкой просилъ Ломоносова прочиташъ, что написалъ онъ.

Но поэтъ не имѣлъ силъ для этого. Онъ сказалъ, что не смѣетъ упреждать почтенныхъ своихъ покровителей, и просто опдаешъ на ихъ судъ свое стихотвореніе, которое можетъ быть не лучше преданнаго огню.

Онъ не могъ удержаться отъ этихъ словъ: такъ сильно взволнована и оскорблена была его душа.

Александръ Ивановичъ, тонкій придворный, тотчасъ понялъ безприщорнаго поэта; но не давая ему замѣшить этого, онъ повелъ разговоръ о его занятіяхъ, уснѣхахъ, надеждахъ, и говорилъ, по видимому, съ такимъ участіемъ, что Ломоносовъ увлекся, началъ самъ ораторствовать, говорилъ какъ Цицеронъ, по выраженію одного изъ его современниковъ, и поселилъ въ холодной душѣ придворнаго самое выгодное о себѣ мнѣніе. Почтенный Пепръ Ивановичъ только поддерживалъ этотъ разговоръ, потому что онъ уже довольно зналъ Ломоносова, и когда поэтъ ушелъ, онъ спросилъ у своего брата, что думаетъ онъ объ этомъ человѣкѣ. Мнѣніе А. И. Шувалова выразилось словами:

« Не дуракъ ! »

—Нѣтъ, мало этого—прибавилъ Пепръ Ива-

новичъ.— Это человекъ опличный, рѣдкихъ дарованій.

«Ну, да! Онъ можетъ быть полезенъ. Надобно поддерживать его.

Между тѣмъ, оставивши кабинетъ вельможи, Ломоносовъ шелъ домой въ спраннымъ расположеніи. Благосклонное, милоспивое обхожденіе Шуваловыхъ не скрывало отъ него, послѣ сцены съ Тредьяковскимъ, какъ смошрятъ они на спихотворца. Эта сцена, сполько неспріятная для его благородной гордоспи, была опкровеніемъ, показавшимъ ему, что никогда вельможа не забываетъ распояніа, опдѣляющаго его отъ спихотворца.

«Что-же мы шакое у нихъ?» думалъ онъ. «Шушы? или ремесленники, иногда нужные для своего дѣла, шакъ-же какъ плошникъ или слесарь для своего? Меня предпочишаютъ Тредьяковскому: въ этомъ я не сомнѣваюсь; но это значишь шолько, что я лучше въ своемъ ремеслѣ, что мои спихи нужнѣе имъ нежели его вздорныя вирши! Но гдѣ-же мое личное достоинство? Для чего не уважають они меня просто какъ Михайлу Ломоносова, и видяшь шолько спихотворца, химика и мешаллурга въ шомъ человекѣ, кошорый не высокъ родомъ, но высокъ душой, и безкорыстно предалъ жизнь свою тяжкимъ шрудамъ, для усовершеншвованія себя и для воз-

вышенія науки въ своемъ опечесствѣ? Они очень добры, очень благосклонны ко мнѣ, но безпрестанно напоминаяшъ своимъ обхожденіемъ, что я искатель у нихъ, что они гошovy поощряють, хвалять меня. . . . покуда я нуженъ имъ. . . . И какая позорная сцена съ Тредьяковскимъ! Они посадили меня на одну доску съ эшимъ безполковымъ ученымъ! Шпыняли, хохопали надъ нимъ, а я былъ при эшомъ шѣнью, или какимъ-шо необходимымъ лицомъ въ комедіи! . . Нѣтъ, господѣ! Я не буду впередъ для васъ игрушкой, и покажу вамъ, какое различіе между мной и шѣмъ человекомъ, надъ которымъ вы можете смѣяться.

Порывъ досады на людей, обыкновенно заставлялъ Ломоносова съ новою силою предаваться ученымъ занятіямъ, кошорыя любилъ онъ душой и сердцемъ. Теперь, какъ будто разсердившись на стихотворство, онъ былъ гошовъ отказаться отъ него вовсе, для шого чтобы совершенно посвятить себя наукамъ. Входя въ свою лабораторію, онъ точно забывалъ о стихахъ, но единственно потому, что съ увлеченіемъ глядѣлъ на тайныя природы, кошорыя раскрывались передъ нимъ въ многочисленныхъ его опытахъ. Наука представляла ему также поэзію, и еще гораздо больше нежели стихотворство, въ кошоромъ, надобно признаться, не могъ онъ быть истиннымъ поэ-

помъ. Этому пропивилось время, несчастная половина XVIII вѣка, когда Вольтеръ былъ Аполлономъ, а Буало какимъ-то Магомешомъ со своимъ Алкораномъ Спихошворешва, и поэзія, испинная спихошворная поэзія жила только въ преданіяхъ, а мѣсто ея заняло ремесло спихошворческое. Да, поэзіи *узили*, какъ ремеслу, анашомировали каждое движеніе души, и подчинили ее условнымъ правиламъ, шакъ что опспупленіе опъ нихъ счишалось ошибкой. Въ шакое время, Тредьяковскій справедливо могъ бытъ спихошворцемъ, и даже хорошимъ, если-бъ шолько у него былъ умъ, а Ломоносовъ, эшопъ дикій геній, по шѣмъ-же самымъ причинамъ не могъ сдѣлашся поэшомъ, когда у него были связаны и умъ, и душа, и вдохновеніе. Къ шому, Русскій языкъ пропивился усиліямъ его. Онъ самъ создавалъ эшопъ языкъ, пошому что даже современники его, не шолько предшеспвенники, не предспавляли ему никакого пособія. Но усиліямъ человѣка ешть границы, и вдохновенный Ломоносовъ осшавался современникомъ Тредьяковскихъ и Сумароковыхъ, не смопря на все раздѣлявшее ихъ проспранспво. Безопчешно бросалъ онъ перо и находилъ испинный свой міръ въ заняшіяхъ природою, шопрая являлась ему со всею своею гиганшскою поэзіею.

Усердно занимаясь науками для самого себя,

онъ шакъ-же занимался и лекціями въ Академической Гимназіи, гдѣ находилъ многихъ молодыхъ людей, достойныхъ его цѣнишелей. Надобно сказать, что можешъ бышь ничѣмъ не наслаждался шакъ Ломоносовъ, какъ успѣхами своихъ учениковъ. Передавашъ свои познанія, дѣлишся ими съ новымъ поколѣніемъ, было для него одною изъ наградъ за всѣ шруды, какіе предпринималъ онъ въ своей жизни. Часто приводила его въ запрудненіе и даже въ опчаяніе недоспапочносшь способовъ преподаванія, но онъ умѣлъ пособишь и эшому, самъ дѣлая многіе препарашы и даже инспруменшы. Въ такихъ шрудахъ и заняшіяхъ, иногда размышлялъ онъ: «Шоймушъ-ли наши пошомки эши усилія? Оцѣняшъ-ли благо: безъ шруда пользовашься средсшвами науки, и пріобрѣташъ познанія не кровавымъ шрудомъ, какъ мы?... О, когда наспанешъ для моего опечесшва эшо блаженное время?... Но оно непременно наспанешъ! Неужели безплодны усилія мои и добрыхъ моихъ шоварищей? Мы прокладываемъ пущь, и эши юноши, которые слушаюшъ меня, уже имѣюшъ большое преимущество передо мной. Ихъ зовушъ, даюшъ имъ средсшва учишься, и награждаюшъ успѣхи ихъ!... А я!... Боже мой!... Я какъ шашъ укрывался со своими книжонками, какъ прешупникъ уходилъ въ лѣса опъ гонишелей ученья, и послѣ, чегѡ сполло

мнѣ покинушь отца, разорвешь все связи родственныя, для того чтобы попасть въ Заиконоспасскую Академію! Да, вы счастливы, друзья мои!» говорилъ онъ обращаясь иногда къ молодымъ своимъ слушателямъ, «опъ васъ пребудушь только шруда и прилежанія.

Непріязненность къ нему Тредьяковскаго увеличилась послѣ встрѣчи у П. И. Шувалова, и это было новымъ препятствіемъ во многихъ полезныхъ начинаніяхъ Ломоносова, пошому что Тредьяковскій, какъ Секретарь Академіи, часто имѣлъ случай затруднять его приказными формами. Ни одна копѣйка, для какихъ-бы то ни было издержекъ преподавателя Химіи, не доставалась Ломоносову безъ многихъ каверзъ Тредьяковскаго, споль легкихъ для самаго глупаго человека, если онъ хочетъ вредить. Пошомъ, составляя прошоколы Академическіе, Секретарь находилъ средство представлять многіе шруды и предложенія Ломоносова въ превращномъ видѣ; наконецъ онъ кололъ и язвилъ его словами безъ всякой пощады. Правда, Г-на Секретаря не любили многіе за его высокоуміе, и онъ ссорился шочно шакъ-же не съ однимъ Ломоносовымъ; но эшому было не легче опъ шого. Вообще раздоры въ Академіи усиливались болѣе и болѣе, и наконецъ это дошло до свѣдѣнія Императрицы. Она увидѣла, что Г. Фонъ-Бревернъ, при всей своей добротѣ, не

можешъ правишь Академією , гдѣ спалкивалось шакъ много различныхъ самолюбій и опношеній. Она рѣшилась назначишь Президентомъ ея какого нибудь сильного вельможу , приближенного къ себѣ человека , и не долго зашруднялась въ выборѣ: онъ палъ на Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

Прежде нежели познакомимся съ эшимъ новымъ лицомъ, вспомнимъ что онъ былъ бранъ сильнѣйшаго при Елисаветѣ Пешровнѣ человека, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго , копорый быспро возвысился на спепенъ перваго вельможи изъ самаго просшаго званія. Семейство Разумовскихъ , осыпанное почеспиями и богашесвомъ, почти съ самаго начала царспвованія Имперапприцы Елисаветы играло важную роль, и оправдывало эшу улыбку судьбы многими хорошими, даже рѣдкими качеспвами.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ , на высотѣ почесшей и могущеспва не оспавлялъ добрыхъ привычекъ первобышнаго своего состоянія. Онъ оспался Малороссіяниномъ и во дворцѣ; любилъ щеголяшь спранностью своего Малороссійскаго выговора, копорый придаетъ Русскому разговору какое-то добродушное выраженіе , и, можешъ бышь, даже прикрывалъ эшимъ свою врожденную хипроспъ , копорою былъ одаренъ въ высокой спепені. Являясь добрякомъ , какимъ-то провинціаломъ въ придворномъ мірѣ, онъ не

рѣдко приводилъ въ затрудненіе самыхъ опытныхъ паркетныхъ жителей своими остроумными выходками, потому что опличался остроуміемъ необыкновеннымъ.

Назначеніе такого важнаго человека Президентомъ Академіи Наукъ, произвело спрашную тревогу посреди Петербургскихъ ученыхъ, копорые почти всѣ принадлежали къ Академіи. Тредьяковскій спѣшилъ написать *поздравительное пѣснопѣніе*; Нѣмцы-Академики готовили привѣтственные рѣчи на всѣхъ возможныхъ языкахъ; Ломоносовъ ожилъ надеждой, что наконецъ Академія будетъ управляться Русскимъ умомъ. Когда указъ о назначеніи Графа Разумовскаго сдѣлался извѣстенъ, всѣ принадлежавшіе къ Академіи ученые и чиновники почли первымъ долгомъ явиться къ своему начальнику, съ поздравленіемъ.

Любопытно было-бы взглянуть на эту разнохарактерную шолпу! Тутъ увидѣли-бы мы и умнаго Миллера, съ его холодною, спрогою физіогноміею, и незабвеннаго Рихмана, и важнаго Гмелина, и добраго Крашенинникова, и почтеннаго В. Е. Ададурова, и пресловутаго Тредьяковского, въ его насаленномъ парикѣ съ кудрями, и свѣплую звѣзду нашей учености, Ломоносова, еще молодаго, полнаго силъ! Увидѣли-бы многихъ оригиналовъ, забытыхъ временемъ по собственной ихъ ошибкѣ, но тогда

соспавлявшихъ лица значишельныя , можешъ бышь важныя , больше наименованныхъ нами , извѣстныхъ людей. А мы , неблагодарные пошомки , не умѣемъ и назвашъ ихъ !

Новый Президентъ не долго заспавиль ждашь себя. Вскорѣ дверь въ залу , гдѣ собрались Гг. ученые , распворилась , и Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій вышелъ къ нимъ.

Они знали , что Графъ былъ человекъ еще молодой , но все не ожидали увидѣшь семнадцати-лѣтняго юношу. Да , ему было только 17 лѣтъ , когда Императрица назначила его Президентомъ Академіи ; а черезъ пять лѣтъ онъ былъ уже въ Фельдмаршальскомъ рангѣ , Гешманомъ Малороссійскаго войска и главою Запорожской Сѣчи !

Ну , здравствуйше , добрые люди , здравствуйше ! — сказалъ Графъ , между тѣмъ какъ всѣ ученые головы преклонялись передъ нимъ. — Ну , вошъ я шакъ и пойду рядкомъ , съ перваго до послѣдняго. Вѣдь надо со всѣми познакомишься. Ну , бапюшко , ты кпо ? — спросилъ онъ у того , который , какъ старшій , споялъ выше всѣхъ , и былъ гошовъ предспавляшь своихъ товарищей.

« Герардъ Фридрихъ Миллеръ , Профессоръ Испоріи , » опвѣчалъ спрошенный.

— Мыллэръ ! — повшорилъ Графъ , нарочно рѣзкимъ Малороссійскимъ выговоромъ. — Му-

дреная Нѣмецкая фамилія, а славно, бапюшко, говоришь по-Русски: лучше меня!

«Имѣю честь предсавишь вниманію Вашего Сіяшельства господъ Профессоровъ Академіи,» сказалъ Миллеръ и началъ именовать своихъ шоварищей, прибавляя какою наукою кошорый занимается. Точно шакъ-же предсавилъ онъ Адъюнкшовъ и другихъ чиновниковъ. Графъ находилъ для каждаго ласковое слово, иногда приправленное оспрошой; но когда Миллеръ назвалъ Ломоносова, Графъ посмошрѣлъ на него приспально и молвилъ: — О-шо голова! Да шакихъ со свѣчкой не сыщешь! Добро, Г. Ломоносовъ: ужò мы съ вами будемъ за-панибратша! Я малый добрый; только ты полюби меня.

Ободренный просподушнымъ выраженіемъ Графа, Ломоносовъ опвѣчалъ:

«Ваше Сіяшельство найдеше во мнѣ шакого-же усерднаго исполнителя вашей воли, какъ и во всѣхъ вашихъ подчиненныхъ. Да поможешъ намъ Богъ шолько оправдашъ ваше милосшивое вниманіе.

—О-же, красно заговорилъ, бапюшко! А мы люди задушевные: чшò думаемъ, шò и говоримъ.

Когда, передъ шѣмъ, очередь дошла до Тредьяковскаго, Графъ сказалъ, не дожидаясь объясненій Миллера:

— О, того ученаго мы знаемъ! Здорово, брашъ! Будешъ мнѣ писашь вирши?

Тредьяковскій зналъ, что *вирши* въ устахъ Малороссіянина значашъ проспо *стихи*, и, пользуясь вызовомъ Графа, пошянулъ изъ своего кармана длинную поздравительную оду.

Миллеру была спрахъ непріятна эша нечаянность; но онъ успокоился, когда Графъ съ улыбкой взялъ изъ рукъ опчаяннаго спихотворца новые спихи его, и молвилъ, глядя на большой исписанный листъ:

— О, да лихой-же писака! Кабы всѣ писали по спольку, шакъ и бумага вздорожала-бы!

Тредьяковскій проглотилъ эту пилюлю, позолоченную благосклоннымъ взглядомъ молодого вельможи.

Аудієнція кончилась скоро, и ученые спали раскланиваясь, когда Графъ сказалъ прощаясь съ ними:

—Ну, теперь ждише меня къ себѣ въ госши! Я вашъ должникъ за визишъ!

Эшотъ непродолжительный разговоръ показалъ однакожь господамъ ученымъ, что Графъ Кирилль Григорьевичъ, не смопря на свою молодоспъ, человекъ проницательный и хорошій цѣнишель людей. Таково было общее мнѣніе всѣхъ, бывшихъ у него; но не шакъ мыслилъ Ломоносовъ, который, пораздумавши, не былъ очень доволенъ своимъ новымъ начальникомъ.

«Эпо мальчикъ ,» думаль онъ, «оспрый, и кажешся умный мальчикъ ; но какая опъ него можешъ бышь помощь наукамъ ! Такихъ-ли покровишелей ожидающъ онъ у насъ, гдѣ все надобно спроишь съ фундаменша , чшобы со временемъ воздвигнушь доспойный храмъ Музамъ ! Да, сверхъ того , онъ заняшъ своими придворными опношеніями ; у него уже сполько почешныхъ мѣспъ и должносшей, что ему, съ самымъ добрымъ желаніемъ, доспанешъ времени развѣ посмѣяшся иногда надъ нами. Бѣдныя науки!»

Глава VIII.

Опасенія Ломоносова были не напрасны. Графъ Кирилль Григорьевичъ, благонамѣренный, добрый, умный человѣкъ, былъ почно слишкомъ молодъ, слишкомъ развлеченъ и, что всего хуже, ни сколько не способенъ для должности Президенса Академіи Наукъ: эша должность служила для него только почешнымъ званіемъ. Онъ былъ очень хорошъ къ своимъ подчиненнымъ, любилъ шушпть съ ними, но почти не занимался дѣлами, и опъ того благосклонность его часто упадала на пень и на колоду. Такъ, напримѣръ, къ большому огорченію Ломоносова, кошорый все еще оспавался Адъюнктомъ, бездарный Тредьяковскій получилъ званіе и каеэдру Профессора Краснорѣчія, или *Елоквенціи*, какъ называлъ онъ Краснорѣчіе! И эпо было не просто распоряженіемъ начальства, но волею Императрицы, по еспъ именнымъ указомъ, кошорый исходатайспивовалъ Разумовскій. И что же побудило его къ этому, когда онъ, какъ

мы видимъ, давно зналъ цѣну пресловутому ученому и самъ прунилъ надъ нимъ? Чшò! Тредьяковскій ползалъ, унижался, позволялъ смѣяться надъ собой, надоѣдалъ, и наконецъ добился профессорства съ большимъ опличіемъ.

Такіе поступки начинали уже очень разочаровывать нашего поэта въ его удивленіи къ знашнымъ; но онъ еще цѣнилъ умъ и благородную привязанность къ просвѣщенію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Первыми въ эшомъ были Шуваловы, то есть Графъ Пепръ Ивановичъ, и особенно молодой его родсшвенникъ, Камеръ-Юнкеръ Иванъ Ивановичъ. Пріязнь Ломоносова съ эшимъ рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ поддерживалась постоянно, и послѣ каждаго свиданія съ нимъ, онъ чувсшвовалъ новое уваженіе къ нему. Въ Иванѣ Ивановичѣ не видалъ онъ знашнаго человѣка, пошому что простота, искренность его обхожденія, и образованный, свѣшскій умъ, заставляли невольно быть съ нимъ опкровеннымъ, любить въ немъ не столько покровишеля, сколько роднаго сердцу. И. И. Шуваловъ уже всшупалъ въ шѣ годы, когда склонности оправдывающіяся для человѣка сознаніемъ, а у него первою склонностью было просвѣщеніе. Еще не занимая никакого значишельнаго мѣста, онъ уже имѣлъ силу при Дворѣ, сколько по вліянію своихъ родсшвенниковъ, столько-же и собственнымъ своимъ достоинсшвомъ.

Искреннимъ покровителемъ Ломоносова былъ также Графъ Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ, вельможа съ образованнымъ умомъ, и большой любитель Искусствъ. Онъ собиралъ у себя произведенія Живописи, Скульптуры, любилъ читать, сближался съ учеными людьми, и особенно ошличалъ Ломоносова, котораго умъ и познанія какъ звѣзда блискали тогда, на разсвѣтѣ Русскаго просвѣщенія. Обремененный дѣлами по своей должности Вице-Канцлера, Воронцовъ не могъ удѣлять много времени на бесѣды съ нашимъ поэтомъ, и хотя довольно часпо видался съ нимъ, но почти всегда мимоходомъ. Ломоносовъ однакожь чувствовалъ, что эпосъ человекъ любитъ его и желаетъ ему добра безкорыстно: довольно для души, умѣющей понимать такія ощущенія!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Ломоносовъ былъ назначенъ *Профессоромъ* Химіи и Физики.

Въ это время, однажды, явился къ нему молодой Шуваловъ. Онъ пришелъ запросто, какъ товарищъ въ прекрасномъ направленіи къ добру, котораго корень всегда скрывается въ просвѣщеніи. Посреди разговоровъ о землѣ и небѣ, о горныхъ работахъ и Поэзіи, Иванъ Ивановичъ сказалъ своему ученому пріятелю, что черезъ нѣсколько дней у Пешра Ивановича будетъ большой балъ, гдѣ Ломоносовъ можетъ увидѣть все знашное Пешербургское общеспи-

во, и всѣхъ чѣмъ нибудь замѣчательныхъ людей. «Я совѣщовалъ дядѣ пригласить и ученую братію,» прибавилъ Шуваловъ, «а въ этомъ числѣ вы первый.»

«Благодарю; но не буду-ли я тамъ лишнимъ?» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— О, нѣтъ! Ученые и писатели придають оригинальный блескъ всякому празднику. Дядя мой согласился съ этимъ и поручилъ мнѣ пригласить васъ и нѣкоторыхъ другихъ.

— Выбирать не изъ чего! — улыбаясь сказалъ Ломоносовъ. — Наша братія всѣ на перечешъ. И подлинно являясь оригиналы!

«Тѣмъ лучше! Говорю вамъ: это придаетъ какое-то пріятное разнообразіе празднеству. При Французскомъ Дворѣ давно понимаютъ, что на большомъ балѣ ученые такъ-же необходимы какъ и танцовщики. Да, потому что на всякомъ балѣ разговаривають еще больше нежели танцуютъ. Съ кѣмъ-же пріятнѣе бесѣда какъ не съ человѣкомъ опличнымъ своими познаніями?»

Ломоносовъ не зналъ обычаевъ большого свѣта, а Шуваловъ можетъ быть нарочно старался предсавить ему съ блестящей стороны выставку ученыхъ посреди блистательнаго общесства. Станетъся, что благородный юноша и самъ не подозрѣвалъ, какую жалкую роль играли

на праздникахъ Людовика XIV и Регенша Мольеръ, Расинъ, Буало! Faire dire au roi quelques belles paroles (доставить Королю случай сказать острое слово): вошь зачѣмъ звали ихъ посмоять у дверей бальной залы и ошвѣсиль нѣсколько поклоновъ раззолоченнымъ знашнымъ господамъ. Но ни самъ Буало, ни Расинъ, никто не понималъ тогда истиннаго значенія ученыхъ и лишперашоровъ среди этого чуждаго для нихъ міра. Удивительно-ли, что прамодушный Ломоносовъ съ благодарностью согласился на приглашеніе Шувалова?

Въ назначенный день, въ пошъ часъ, когда обыкновенно онъ шелъ спать, надобно было одѣваться и ѣхать на балъ! Поэтъ самъ смѣялся этому, однакожь надѣлъ свой парадный кафтанъ, прицѣпилъ шпагу, расправилъ дорогія маншеты, и не хуже другихъ явился въ великолѣпныхъ залахъ своего покровителя и милосшивца, Графа Петра Ивановича Шувалова. Вспрѣпившись съ нимъ, хозяинъ радушно протянулъ къ нему руку; но толпа новыхъ госпеш скоро развела ихъ.

Въ какомъ сшранномъ положеніи увидѣлъ себя Ломоносовъ! Сначала, яркое освѣщеніе, блескъ золоша, брилліаншовъ, сіявшихъ въ нарядахъ дамъ и мужчинъ, богатство, рассыпанное въ украшеніяхъ комнашъ, веселый говоръ, движеніе, музыка, ослѣпили и оглушили чуждаго

пришельца. Но онъ точно былъ чуждымъ посреди незнакомой ему толпы; онъ увидѣлъ себя заперяннымъ, *исчезнувшимъ* въ приливахъ и опливахъ эсихъ людей, которые по видимому всѣ знали другъ друга, и вспрѣчаясь начинали пошчасъ разговоры, вовсе непонятные для него. Онъ еще въ первый разъ слышалъ языкъ паркетныхъ жишелей, видѣлъ ихъ обращеніе и полный разгулъ шого, *что* называющъ большимъ свѣшомъ. Какое-то тяжелое чувство зашевелилось въ груди его, когда онъ замѣшилъ, что на него не только не обращающъ вниманія, но даже не видящъ его и какъ будто не хощащъ видѣшъ. Это было не самолюбіе, а естественное для всякаго человѣка сознаніе, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Не медвѣжья дикость, а высокая гордость заговорила въ его душѣ, особенно когда онъ больше прислушался къ разговорамъ многихъ госней и разглядѣлъ многія лица. Какіе разговоры! какія лица!... И всѣ эши люди такъ гордо расхаживали, такъ великолѣпно разсуждали о дневныхъ новоспахъ, такъ хвасливо показывали свое невѣжество въ разговорахъ о погодѣ! Но, между шѣмъ, они были *на своемъ мѣстѣ*, свои другъ другу, и шю, *что* казалось для Ломоносова самымъ шруднымъ испытаніемъ, для нихъ было самымъ обыкновеннымъ, легкимъ, пріятнымъ занятіемъ. Онъ не зналъ, какъ показашъ, *что* поэтъ Ломоно-

совъ не спашуя; не зналъ съ кѣмъ заговоришь, и о чемъ заговоришь; боялся сѣсть не кспаша, спояшь не шамъ гдѣ должно, и больше всего не зналъ что ему шущъ дѣлать; а весь эшотъ народъ двигался, разговаривалъ, бѣгалъ, вертѣлся, и все такъ легко, свободно, что онъ невольно признавался въ ихъ преимуществѣ надъ собой.

Неловко пробираясь изъ залы въ залу, онъ услышалъ наконецъ въ одной изъ нихъ, гдѣ не было ни танцевъ, ни карточныхъ споловъ, жаркій споръ нѣсколькихъ человѣкъ.

«Здравствуйте, Г. Ломоносовъ!» сказалъ кто-то изъ эшого кружка.

Эшо былъ И. И. Шуваловъ.

Ломоносовъ подошелъ къ нему, а Шуваловъ дружески прибавилъ:

«Вошъ, прошу познакомиться съ Г-мъ Сумароковымъ, такимъ-же любимцемъ Музъ какъ и вы.

Онъ указалъ ему на человѣка молодаго, съ выразишельною, почти сердитою физіогноміей, чрезвычайно живаго во всѣхъ движеніяхъ. Обращаясь къ Ломоносову, эшотъ человѣкъ проговорилъ очень скоро:

«Я, сударь, очень радъ, что по милости Его Высокородія имѣю честь познакомиться съ вами. Чисалъ, сударь, чисалъ я многія ваши

стихотворенія и отдаю имъ справедливосшь; а самъ я еще ничего почти не печаталъ, и только въ своемъ кругу слышу пѣшомъ. Но, дастъ Богъ, познакомимся, такъ прочту и вамъ кое-что.

Это странное объясненіе такъ поразило Ломоносова, что онъ не умѣлъ ничего пробормотать, кромѣ несвязныхъ: «Пріятно.... много чести.... прочту большимъ удовольствіемъ....»

Но Сумароковъ и не далъ ему ничего выговорить; онъ уже опять продолжалъ:

«Вопъ полчаса бьюсь и доказываю Его Высокородію и Превосходительнымъ господамъ, что мои ямбическіе стихи такъ-же благозвучны какъ александрійскіе Корнеліевы и Молиеровы.... Я, сударь, немножко прежде васъ началъ писать ямбомъ и хореемъ.... но не о томъ рѣчь, а вопъ о чемъ: могутъ-ли мои стихи равняться въ гибкости, на примѣръ, съ стихами Г-на Вольпера, и быть пріятны на театрѣ? Его Высокородіе изволилъ говорить, что у насъ нѣтъ театра и пошому не лзя судить объ этомъ; а я отвѣчаю, что опытъ уже есть: въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ играютъ мои трагедіи Гг. Кадеты. Спѣишь только сдѣлать опытъ, такъ сказать, *en grand*! Не правда-ли, мой господинъ?»

— Я не могу быть судьей въ такомъ дѣлѣ, котораго не знаю — отвѣчалъ Ломоносовъ. —

Я не имѣлъ удовольствія чипать ваши прагедіи. . . .

«Да я васъ и не избираю судьей!» возразилъ Сумароковъ. «Я шолько сослался на васъ, какъ на человѣка искуснаго. Вы, сударь, сами пишете спихи, и хошь, мимоходомъ сказашь, въ нихъ много неправильностей, но все-таки вы очень искусный человѣкъ.

Ломоносовъ вспыхнулъ ошъ эшой глупой похвалы. Но онъ увидѣлъ, что окружавшіе ихъ засмѣялись не на его счетъ, и удержалъ свой гнѣвъ. Ему шолько непоняшна казалась смѣлосць, съ какою эпошъ человѣкъ судишь обо всемъ, и при первой встрѣчѣ обходишься съ нимъ какъ учишель. Но шаковъ былъ Сумароковъ: самохвальство и самоувѣренность его не имѣли границъ. Къ эшому прибавлялось еще многословіе, съ какимъ онъ обыкновенно говорилъ.

«Я прошу васъ, Ваше Высокородіе,» началъ онъ опять, обращаясь къ Ивану Ивановичу, «доведише до свѣдѣнія Высочайшаго Двора о моихъ попыткахъ. Я первый сдѣлалъ заслугу сочиненіемъ Россійскихъ прагедій; неужели-жь трудъ мой пропадетъ безъ всякаго ободренія?

Шуваловъ засмѣялся и ошвѣчалъ:

«Нѣтъ, почтеннѣйшій Александръ Пепровичъ! Васъ наградить пошомство, награждать и современники. Но вы знаете, что я не могу

исполнишь вашего желанія. Говорите объ эшомъ шѣмъ, кшо поспарше и посиленѣе меня.

—«Э, Ваше Высокородіе!» сказалъ почти съ огорченіемъ Сумароковъ. «Для попомсшва я надѣюсь сдѣлашь еще многое. Первые-то опыты мои пребуюшъ ободренія. А что вы ссылаешесь на старшихъ, я знаю, что это одна ошговорка. Я *смышленяе* нежели вы думаете.

«А для чего это вы произносите: *смышленяе*, позволите спросишь?» сказалъ какой-то довольно дородный человекъ, со звѣздой, сидѣвшій пущъ-же на софѣ.

— Для того, Ваше Сіяшельсшво, что это правильнѣе выходишь на письмѣ; а мы должны въ разговорѣ такъ-же правильно выражашься какъ и въ книгѣ. Для эшого и наука Грам-машика.

«Вы, конечно, люди ученые, и знаете больше насъ; но я никогда не слыхивалъ, чшобы кшо нибудь выговаривалъ такъ. Да, вошъ кспаши!... Рекомендуюсь вамъ, Г. Ломоносовъ! Я Князь Яковъ Шаховской: прошу любишь да жаловашь Располкуйте, дайше ума: какъ надо говоришь: *смышленяе* или *смышленѣе*? Я хошъ человекъ не ученый, но, знаете, въ приказныхъ бумагахъ у насъ шаки вспрѣтаюшся разныя слова: на что-же писашь ихъ не по правиламъ? Ну-ка, бапюшко! скажи.

—Ваше Сіяшельство!—отвѣчалъ Ломоносовъ.
— Я почелъ-бы за особенную честь изъяснить
вамъ предложенный вопросъ , но думаю , что и
Г. Сумароковъ только шушитъ. Если никто
не говоритъ *смысленяе* , то какъ можешь по-
пасъ это въ Грамматику , и съ какой стащи
можешь быть правильно?

«Э, э! Г. Ломоносовъ. . . . Такъ эшакъ-по?»
воскликнулъ Сумароковъ. «Такъ вы больше
вѣрише мужицкому навыку, нежели правиламъ?
Да знаете-ли, что мы всѣ говоримъ неправиль-
но? Да, неправильно! Правила заключающся въ
книгахъ. . . .

—Да Богъ съ вами!—прервалъ Шаховской.—
Я люблю правду, и скажу на опрѣзъ: коли что
право, шакъ право! Не правда-ли, Г. Ломоно-
совъ?

«Я не знаю, Ваше Сіяшельство, въ какомъ
смыслѣ изволише вы говоритъ. . . .

—Какъ въ какомъ смыслѣ! . . . Да вошъ и
нашъ начешчикъ! Василій Кириловичъ! поди
сюда! — закричалъ онъ увидѣвши Тредьяковска-
го, кошорый вошелъ и понизивъ голову ози-
рался на всѣ спороны. На голосъ Князя Ша-
ховскаго онъ поспѣшилъ приближиться, уни-
женно кланаясь.

«Ну-ка, скажи, какъ надо говоритъ по пра-
виламъ: *смысленяе* или *смысленѣе*?

Тредьяковскій разинулъ ротъ и не понималъ, о чемъ спрашиваютъ его.

—Ну-же, брашець, говори!— продолжалъ Шаховской.

«Какъ изволише понимать, Сіяшельнѣйшій Князь....» сказалъ Тредьяковскій.

—Да, что шущъ понимаетъ, брашець? Ты знаешь, я люблю правду. Говори: какъ по вашей учености надо сказать: *смышленіе* или *смышленіе*?

«Да, какъ угодно Вашему Сіяшельству!» отвѣчалъ Тредьяковскій.

—Ну, вошъ вамъ эти ученые! — сказалъ Шаховской, вспалъ съ своего мѣста и пошелъ изъ комнаты.

Между шѣмъ Сумароковъ уже спорилъ съ кѣмъ-то опять о новомъ предметѣ. Окружавшіе эту *ученую* бесѣду хохотали, подходили, уходили, возвращались, и глядѣли на Гг. ученыхъ съ неподобною веселосшью. И. И. Шуваловъ шакже ушелъ куда-то, и Ломоносовъ, не видя больше его, видѣлъ что ему шущъ нечего дѣлать. Онъ опдалился ошъ спорившихъ, когда глаза его встрѣпили Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, шедшаго съ Графомъ Воронцовымъ.

«Г. Ломоносовъ!...» сказалъ Воронцовъ, протягивая къ нему руку.

— Здорово, бапюшко, здорово! — прибавилъ въ свою очередь Разумовскій.

« Вы совсѣмъ забыли меня, почтенный Профессоръ!» продолжалъ Воронцовъ.

Они остановились подлѣ Ломоносова, и дружескій разговоръ съ нимъ двухъ первѣйшихъ вельможъ обратилъ на себя вниманіе многихъ. Мало по малу приближались Графы, Князья, вельможи, просили познакомиться ихъ съ удивительнымъ человекомъ, и нашъ поэтъ, недавно одинокій среди толпы, былъ окруженъ знаменѣйшими людьми и осыпанъ вѣжливостями. Природный, хотя и не свѣтскій умъ помогалъ ему поддерживать свою роль благородно. Тупъ онъ чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, потому что видѣлъ уваженіе къ своимъ дарованіямъ, видѣлъ, что каждый изъ приближавшихся почипаетъ какою-то обязанностью выразить свое удивленіе къ человеку, надѣленному такъ щедро способностями ума. Неопытный поэтъ не подозревалъ въ этомъ удивленіи никакой угодливости знающимъ людямъ, и не успѣлъ еще сообразить, что данъ хвалы, копорую разсыпали передъ нимъ, больше относилась къ двумъ вельможамъ, нежели къ нему, потому что еслибы, ошибкой, они обошлись дружески съ Тредьяковскимъ, то Тредьяковскій замѣнилъ-бы его для толпы. Нѣкоторыя восклицанія и нелѣпые вопросы могли-бы показать ему, что на него

смошряпѣ больше какъ на фокусника, на фигуранта, нежели какъ на высокаго достоинства поэта; но еще не имѣя мысли объ эпосѣ, онъ видѣлъ только лесныя изъясненія простодушныхъ цѣнителей.

—А что вы пописываете теперь, бапюшко?— спросилъ Разумовскій.

«Пишу очень мало, Ваше Сіятельство», отвѣчалъ Ломоносовъ. «Больше занимаюсь экспериментами.

—А что это за шпунки такіе, эксперименты?— сказалъ съ умышленнымъ простодушіемъ Графъ.

«Опыты въ наукахъ Естественнаго вообще: въ Физикѣ, Химіи, Астрономіи....

—Такъ вы и Астрономіей занимаешься, по еспѣ ночью на звѣздочки глядишь?

«Точно такъ, Ваше Сіятельство....

—Ну, скажите, бапюшко: правду-ли мнѣ говорили еще недавно, что наша земля вершится кругомъ солнца?

«Въ эпосѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, Графъ. Я увѣренъ, что это извѣстно Вашему Сіятельству, сколько-же какъ мнѣ.

—Не ручайся за меня, бапюшко. Я человѣкъ не ученый. Располкуй, такъ пойму. А вѣдь дивно: кажется солнце идешь, а земля сползъ.

«Это самый обыкновенный обманъ зрѣнія.... Но я не смѣю доказывать этого серьезно пе-

редѣ такимъ доспопочпеннымъ собраніемъ.
Если позволите, Ваше Сіяшельство, я докажу
это шуткой.

— Ну, ну, пожалуста шупкой... виршами!
Вѣдь ты масперъ виршами... напиши сей
часть.

Воронцовъ улыбнулся слишкомъ-проспона-
родной шупливости Президента Академіи, а
между тѣмъ Ломоносову подали бумагу и ка-
рандашъ. Онъ подсеѣлъ къ столу, и въ нѣсколь-
ко минутъ написалъ, подлинно *виршами*, экс-
промъ, кошорый послѣ вставилъ онъ въ
одно изъ ученыхъ своихъ сочиненій. Толпа
сблизилась, когда списки были готовы, и Ло-
моносовъ прочелъ вслухъ :

Случились вмѣстѣ два Аспронома въ пиру,

И спорили весьма между собой въ жару.

Одинъ пшвердилъ : земля верпясь кругъ солнца
ходишь ,

Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водишь.

Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Пполомей.

Тупъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своею.

Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ печенье знаешь?

Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешь?

Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ помъ Коперникъ
правъ,

Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.

Кто видѣлъ простака изъ поваровъ шакова ,

Копорый-бы верпѣль очагъ кругомъ жаркова?

Громкое одобреніе наградило мгновенный прудъ униженнаго поэта. « Прекрасно ! очень хорошо ! неподобно ! » раздавалось со всѣхъ сторонъ. Искренно или нѣтъ, Президентъ Академіи былъ въ восторгѣ, благодарилъ Профессора и соглашался, что онъ доказалъ истину своихъ словъ.

— Дай мнѣ списки свои — примолвилъ онъ. — Я ихъ выучу наизусть : такъ вошь тебѣ и Астрономія !

« И мнѣ позвольте списать ! » сказалъ какой-то господинъ, по видимому по-же знашій.

— И мнѣ — примолвилъ третій.

Это наконецъ раздосадовало нашего поэта. Онъ почувствовалъ свое униженіе, сдѣлавшись забавникомъ, шупомъ, паяцомъ эшихъ невѣждъ, копорые не знали многолѣпныхъ, поэтическихъ его подвиговъ, а теперь за дурачество, награжденное одобреніемъ вельможи, были готовы признашь въ немъ великаго человека. Онъ ошдѣлался кой-какъ ошъ ихъ благодарносшей, и думалъ уже ускользнуть изъ этого собранія, гдѣ спановилось ему тѣсно и душно. Переходя черезъ одну залу, онъ встрѣшилъ самого хозяина, Пешра Ивановича Шувалова, копорый, увидѣвши его, сказалъ :

— Ну, Г. Ломоносовъ ! Я, право, не успѣлъ еще сказать вамъ слова. Знаете-ли ? Я увѣренъ,

что мой праздникъ не пройдетъ безъ того, чтобы вы не написали на него стиховъ?... А вы какъ думаете?

«Почту за счастье повиноваться Вашему Сіятельству,» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— Помилуйте! это не больше какъ мое желаніе. Я такъ дорожу каждымъ произведеніемъ вашимъ, что мнѣ было-бы очень пріятно, если-бы я далъ вамъ поводъ къ новому....

Желаніе это, равносильное приказанію, довершило для Ломоносова пріятности вечера. Онъ обѣщалъ на другой-же день доставить стихотвореніе, и исполнилъ свое слово. Но возвратившись домой, и на другой день, писавши стихи на праздникъ Графа Шувалова, онъ бѣсился на самого себя, на покровителей своихъ, на цѣлый свѣтъ.

«Вошъ для чего былъ я нуженъ имъ!» думалъ онъ съ досадой. «И какъ глупо съ моей стороны, являясь въ эту пеструю толпу, къ этимъ знашнымъ, копорые глядятъ на меня какъ на слугу!... Проклятая необходимость!... Нельзя не угождать имъ: отъ нихъ зависишь все, даже и добро, копорое можно сдѣлать въ мірѣ.... А Президентъ нашъ!... добрый человекъ; но что пользы отъ этой доброшы, и отъ ласковости, съ какой онъ всегда встрѣчаетъ меня! И надобно-же было встрѣпиться

мнѣ шущъ съ Сумароковымъ! Я ужъ слыхалъ объ эпомъ закулисномъ спихошворцѣ, кошорый увѣряешъ всѣхъ, что онъ прежде меня началъ писашъ настоящіе спихи. Если спихи его шаковы-же какъ шворецъ ихъ—шолку не много. Я не повѣрилъ-бы, что въ мірѣ есть подобный ему самохвалъ, если-бъ не слышалъ своими ушами, что говорилъ онъ. Но его слушающъ, можешъ бышъ удивляющся, и говоряшъ ему шакія-же леспныя слова какъ мнѣ!... Правду сказашъ, ошобъешъ охоту писашъ спихи для шакихъ цѣнишелей. Сколько невѣждъ изъ эшихъ людей, кошорыхъ почишалъ я выше всѣхъ другихъ!

Онъ ошдалъ свои спихи Ивану Ивановичу Шувалову, и при эпомъ спросилъ его о Сумароковѣ.

— Скажише мнѣ, Ваше Высокородіе! ошкуда взялся эпомъ новый поэшъ? Я ничего не знаю о немъ, ничего не чипалъ изъ его сочиненій, и хошъ благодаренъ вамъ за знакомство съ нимъ, но желалъ-бы знашъ напередъ, что эшо за человекъ?

— Сумароковъ? добрый малый! Онъ сынъ одного Генерала; воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, и еще тамъ занимался Словесношью. Теперъ онъ, кажешся, въ ошсшавкѣ, и спрасшно любишъ леапръ; написалъ уже при или чешыре прагедіи, кошорыя и были играны Ка-

дешами. Онъ хлопчешъ , чшобы Государыня Имперашрица удоспоила посѣпишь одно изъ эшихъ представленій , и если оно понравипся ей , шо надѣешся , что она прикажешъ ушроипъ насшоящій шеашръ.

« Мысль хорошая. Но каковы шрагедіи его?

— Первые опышы ! Впрочемъ , у насъ шеперь полезно и хорошо все , что опношипся къ умшвенной дѣяшельности. Теашръ шакже необходимъ , пошому что для публики нѣшъ никакихъ зрѣлищъ.

« Для эшого-шо и надобно желашъ , чшобы первые опышы были привлекашельны. Я признаюсь , не жду многого опъ Г-на Сумарокова....

— Онъ скоро издасшъ свои спихошворенія. Сверхъ шого , я доспавлю вамъ кой-что рукописное его. Онъ пишешъ во всѣхъ родахъ , и я долженъ вамъ сказашь , что онъ почишаешъ васъ своимъ соперникомъ , даже кришикуешъ....

»О , шакъ я уже не былъ для него новосшыю , и шеперь понимаю , опъ чего онъ шакъ грубо обошелся со мной !

— Совсѣмъ нѣшъ ! у него шакое обхожденіе со всѣми. Онъ любитъ похвасшашъ , покришиковашъ другихъ ; но , увѣрю васъ , эшо человекъ добрый и не безъ дарованій.

« Можешъ бышь , Ваше Высокородіе ! Только моя душа не лежишь къ нему !

— Я пожалуй , если вы не сблизипесь.

Этотъ разговоръ , въ которомъ Шуваловъ старался представить Сумарокова съ хорошей стороны, поселилъ, напрошивъ, самое непріятное чувство въ Ломоносовѣ. Онъ былъ убѣжденъ , что это хвастунъ , интриганъ , завистливый человекъ. Прочитавши стихи и трагедіи его, онъ еще больше утвердился въ своемъ мнѣніи , потому что не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшаго дарованія , а между тѣмъ Сумарокова похваливали , и онъ имѣлъ успѣхи на своемъ поприщѣ. Не скрывшій отъ природы, Ломоносовъ громко высказывалъ свое мнѣніе , и даже встрѣчаясь съ Сумароковымъ не щадилъ его, потому что присущее этому человека производило въ немъ какое-то судорожное неудовольствіе.

Таково было начало ихъ вражды , которая вскорѣ обратилась въ ожесточенную ненависть, когда Сумароковъ сблизился съ Тредьяковскимъ и началъ открыто дѣйствовать противъ своего соперника. Это сообщество бездарныхъ непріятелей до такой степени оскорбляло Ломоносова, что онъ уже не могъ думать о нихъ безъ негодованія.

Глава IX.

Около 1747 года, когда Ломоносовъ сдѣлался Профессоромъ Академіи, это знаменишее ученое заведеніе было совсѣмъ не шаково, какъ при началѣ своемъ. Тамъ засѣдали, правда, Миллеръ, Ломоносовъ, Рихманъ, Крашенинниковъ, Шшелинъ, Гришовъ, Профессоры, досшойные уваженія, и Адъюнкшы: Поповъ, Красильниковъ, Тепловъ, люди очень хорошіе; но уже не было славныхъ въ ученомъ мірѣ именъ Эйлера, Бернулли, Делиля, Гмелина, и другихъ. Сверхъ того, Академію раздирали несогласія, раздоры, и одною изъ главныхъ причинъ была неопредѣленность занятій Академиковъ. Они были вмѣстѣ и кабинетными учеными, и классными преподавателями, и услужниками въ чуждыхъ имъ дѣлахъ, какъ уже говорили мы прежде. Регламентъ, утвержденный Императрицею въ 1747 году, мало пособилъ этому. Профессоры ссылались другъ на друга, часпо

выспавляли свои заслуги одинъ передъ другимъ, добивались окладовъ за свои лишнія занятія, и ссорились. Другою изъ причинъ къ ссорамъ былъ—спранно сказать! — Тредьяковскій, также *Профессоръ* своей знаменипой *Елоквенціи*. Эшотъ человекъ безпрестанно пораждалъ несогласія, бранился, жаловался, не былъ доволенъ ничѣмъ и никѣмъ. Въ одномъ находилъ онъ мало ума, въ другомъ мало учености, но больше всѣхъ ненавидѣлъ, порицалъ и спарался унижать Ломоносова, пошому что между ними дѣло шло о самомъ щекошливомъ предметѣ, липшерапурной славѣ! Ломоносовъ былъ поэтъ; Тредьяковскій почиалъ себя поэтомъ. Послѣ эшого неудивительно, что, при зломъ характерѣ своемъ, послѣдній изыскивалъ всѣ средсва вредить первому. Онъ вмѣшивалъ въ эшо и своихъ шоварищей: надобно было или вмѣшѣ съ нимъ преслѣдовать Ломоносова, или приспашъ къ другой споронѣ, пошому что нельзя сказать къ паршій Ломоносова. Его паршію соспавляли: здравый умъ, правоша, дарованія, а эшо никогда не соединишъ многихъ, и слѣдовашельно иногда удавалось безшолковому, желчному Тредьяковскому вооружашъ спраши и вредить нашему поэту, хошъ не прямымъ пушемъ, пошому что, надобно признашъся, не всегда Ломоносовъ и самъ по себѣ жилъ согласно съ своими сочленами. Пылкость часшо

увлекала его въ рѣзкія объясненія , которыми не могъ онъ угодишь имъ , ;такъ что , почти можно сказать , единственнымъ другомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Миллеръ не держался ни чьей спороны и оказывалъ совершенное хладнокровіе и безприспращіе при всѣхъ раздорахъ , хоть соспавлялъ важное лицо въ Академіи, пошому что былъ однимъ изъ спаршихъ членовъ ея и Секретаремъ Конференціи. Историческій классъ его былъ уничтоженъ , при новомъ преобразованіи Академіи , и Миллеръ , собспвенно , оспавался безъ мѣста ; но , какъ-бы въ замѣну эшого , онъ получилъ званіе Исторіографа Имперіи. Другіе почти всѣ были незначительны. Шшелинъ не являлся въ Академію , съ шѣхъ поръ какъ сдѣлался однимъ изъ учипелей Наслѣдника Престола, Пешра Θεодоровича, и сохранялъ шолько званіе Профессора; Ададуновъ также удалился , пошому что его опредѣлили учипелемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екашеринѣ Алексѣевнѣ , съ самаго ея прибытія въ Россію. Ломоносовъ часто жалѣлъ объ ихъ опсущспвіи , пошому что и шопъ и другой искренно уважали и любили его , и съ ними онъ былъ-бы гораздо сильнѣе въ Академіи.

При шаконъ порядкѣ дѣлъ прошло почти два года. Жаръ къ наукѣ и поэшическій огонь не угасали въ Ломоносовѣ , но онъ шягошилсѣ сво-

ею жизнью, попому что мало видѣлъ учаспія, защиты, покровительсва. Знашныя пріятели его, особенно Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, доставляли ему нѣкошорыя удобсва въ жизни и даже пріятныя минушы; но извѣстная всѣмъ благосклонность ихъ къ нему была *главнымъ* преимуществвомъ, послѣднимъ выводомъ этой пріязни, и Ломоносовъ уже вполне поспигалъ, какъ не надежна такая опора. Онъ видѣлъ, что его раздѣляетъ множество разныхъ отношеній со всѣми, кто изъ высшихъ сановниковъ изъявлялъ ему самую вѣжливую пріязнь. Въ своемъ семействѣ, кошорое составляли жена и дочь его, находилъ онъ истинную опраду отъ заботъ и огорченій; шуть онъ дыхалъ онъ отъ своихъ, часто тяжелыхъ трудовъ. Но время романическихъ, пасшущескихъ обольщеній уже миновалось для него. Въ доброй своей Христинѣ онъ видѣлъ милую хозяйку, добрую мать своего дитяши, любящее его существо, и самъ любилъ ее, уважалъ, гордился ею; но эта любовь уже давно потеряла для него то очарованіе, кошорое видѣлъ онъ въ ней когда-то, въ Марбургѣ, когда Христина въ передничкѣ пробѣгала мимо его студенческой кельи, и онъ бывалъ готовъ опдашь всю жизнь свою за то, чтобы она еще разъ прошла мимо его оконъ. Это была любовь уже опчешливая, благоразумная, разсудительная, недосшойная

имени любви, любовь въ чепцѣ и блузѣ, подбитая вапой, съ ключами въ рукахъ, съ рабочимъ мѣшкомъ вечеромъ, съ напоминаніями о завтракѣ по утру.... О, это была уже не поэзія, а какая-то частъ хозяйства, спашья изъ книги домашняго расхода....

Что оставалось еще для утѣшенія? Дочь? но это была поэзія будущаго, прелестная игрушка, Англійскій эшампъ для глазъ, милый слѣдъ жизни прошедшей.... священный залогъ, кошорый пребовалъ попеченій, заботъ, и награждалъ за это тихими, уладительными, но спокойными ощущеніями.

Спокойствіе!.... Но было-ли оно участью души, ненасытимой ощущеніями новыми, сильными, огненными? Могъ-ли владеть обыкновенную цѣпь жизни человѣкъ, находившій уладженіе только въ бурной, кипучей дѣятельности? Ни оковы классицизма, ни тяжелыя испытанія судьбы, ни счастье семейственное, ни что не исправило его, и еще меньше могло исправить что нибудь въ то время, когда онъ былъ уже въ полной силѣ мужественныхъ лѣтъ, когда характеръ его принялъ твердыя формы, когда умъ освѣщалъ для него печальную существенность, сердце было разочаровано, а онъ еще видѣлъ себя далекимъ отъ цѣли, къ кошорой спремился съ юныхъ лѣтъ. Часто соображалъ онъ свои шруды и невольно говорилъ самъ

себѣ: «Еще какъ мало сдѣлано!» А между тѣмъ роковыя *сорокъ лѣтъ* приближались! «Я все еще только приготавлиюсь: когда-же начнетъ пора истинной дѣятельности? Знанія, которыя приобрѣлъ я, не больше какъ средства. Нѣсколько спихотвореній, гдѣ не могло запаси много искръ моего духа, потому что большую часть ихъ писалъ я не по волѣ — вошь почти все, что сдѣлалъ я до сихъ поръ! Гдѣ мои открытія въ наукахъ? Гдѣ важныя преобразованія въ Словесности? У меня нѣма плановъ, нѣма намѣреній, но какъ могу я исполнить ихъ, когда безпрестанно долженъ защищаться отъ этого роя мухъ и комаровъ, которые почтиають себя людьми!»

И шоска невольно западала въ его душу. Онъ начиналъ опять прибѣгать иногда къ пагубному средству: забывъ свои душевныя превогы. Но онъ помнилъ до какихъ ужасныхъ обстоятельствъ доводили его эти *средства забвенія*, и только самые непріятные случаи заспавляли его почти въ винѣ часы горя. Ни кто не видалъ его хмѣльнымъ, но внимательные враги замѣчали въ немъ иногда неспешивенное одушевленіе. Случалось, можетъ быть, что онъ приходилъ и въ собранія Академіи не съ однимъ своимъ природнымъ огнемъ. Довольно для злобы и зависти: изъ этого сдѣлали самые оскорбительные выводы.

Однажды, когда Ломоносова не было въ засѣданіи, Тредьяковскій осмѣлился сказать:

— Товарищъ нашъ Г. Ломоносовъ не приходилъ два засѣданія сряду.

«Можетъ быть боленъ,» возразилъ ему Рихманъ, не отводя глазъ отъ бумаги, копорую читалъ онъ.

— Да, это по-же болѣзнь! — съ ядовитою усмѣшкою воскликнулъ Тредьяковскій.

«Что хотите вы сказать?» спросилъ Рихманъ, поглядѣвши на него пристально.

— Я думаю, вы знаете это лучше меня. Вѣдь Михайло Васильевичъ другъ вашъ!

Онъ хладнокровно взялся за перо и будто хотѣлъ что-то писать.

Но пылкій Рихманъ не далъ ему шакъ легко отдѣлаться. «Если вы хотите сказать что нибудь оскорбительное для моего друга, то я долженъ вступить за опсуществующаго, а если вы говорите съ добрымъ намѣреніемъ, то почему не выразиться яснѣе?»

— Дилемма! только невѣрная дилемма! — воскликнулъ насмѣшливо Тредьяковскій.

«Я уступаю вамъ названія всѣхъ логическихъ умозаключеній, только прошу васъ воздержаться отъ обидныхъ догадокъ о моемъ опсуществующемъ другѣ.

— Я не безчещу Г-на Ломоносова : онъ самъ любилъ говорить о себѣ, что родился отъ мужика и воспитывался между медвѣдями.

«Что-же? Развѣ отъ эшого онъ самъ похожъ на звѣря?»

— Я не скажу вамъ, какъ говорятъ Французы: *vous-y-êtes*, а предославляю дѣлать какія угодно заключенія. Я сказалъ все.

«И вы говорите это въ Академической Конференціи?» вскричалъ Рихманъ.

— *Dixi!* Споришь не о чемъ, а въ Конференціи нѣтъ засѣданія, пошому что насъ всего трое: вы, я, да Г. Поповъ.

«Я забылъ, что для злаго языка нѣтъ ни святости мѣста, ни славы, ни самого священнаго для человѣка: добраго его имени,» произнесъ Рихманъ въ полголоса.

Въ это время Поповъ, погруженный въ чтеніе какой-то бумаги и почти не слыхавшій спора своихъ сочленовъ, вдругъ пробудился, когда произнесли его имя, и поспѣшно спросилъ :

— Что изволише говорить? . . . Вы что-то сказали мнѣ? . . . прибавилъ онъ обратившись къ Рихману.

Тотъ не могъ не улыбнуться. Напрошивъ, на лицѣ Тредьяковскаго выражалась въ это время вся злоба мѣлкой души; губы его дро-

жали, и онъ съ судорожнымъ движеніемъ произнесъ :

—Вы, Г. Рихманъ, говорите конечно не обо мнѣ, пошому чшо я не сказалъ ничего несправедливаго о Г-нѣ Ломоносовѣ: онъ почно былъ мужикъ, сынъ рыбака. . . .

«Я удивляюсь,» возразилъ Рихманъ, «какое право имѣете вы поносить своего сочлена? Человѣкъ, кошорымъ должна гордиться Россія, пошому чшо изъ глубины невѣжества возвысился онъ до первыхъ геніевъ въ мірѣ, эшотъ человѣкъ предметъ вашихъ порицаній! . . . И за что-же? Именно за шо, чшо составляешъ въ немъ новое достоинство: его происхождение! Да, эшо достоинство, огромное достоинство въ шомъ, кому не помѣшали никакія препяшствия, ни сама судьба, заняшъ одно изъ почешныхъ мѣспъ въ Петербургской Академіи и во всемъ ученомъ мірѣ.

—А я, право, и не зналъ, чшо Г. Ломоносовъ такой великій человѣкъ! — возразилъ Тредьяковскій съ глупою насмѣшливостью.

Непріязненный споръ эшотъ, можешъ бышъ, продолжился-бы еще, если-бы не пришелъ Миллеръ, и не объявилъ съ поспѣшностью, чшо онъ сей часъ опъ Президента, кошорый назначилъ на другой день чрезвычайное собраніе, и обѣщаль самъ присушествовать; чшо предметъ со-

вѣщанія ему еще не извѣстенъ, но что, кажется, дѣло идетъ о торжествѣ, къ которому готовится Академія, въ день восшествія на престолъ Императрицы.

«Я сей часъ посылаю повѣстки ко всѣмъ Академикамъ, а Гг. присуществующихъ здѣсь лично прошу пожаловать въ завтрашнее собраніе,» сказалъ Миллеръ.

—Вошъ шо-шо, Г. Рихманъ!—сказалъ Тредьяковскій. — Не худо если-бы геніи-шо хошъ изрѣдка посѣщали Академію.

«Да, жаль, что у насъ мало ихъ!» ошвѣчалъ Рихманъ, будшо не понимая его намека.

Миллеръ спрого взглянулъ на разговаривавшихъ и замѣшилъ имъ, что въ присущствіи Академіи нѣтъ мѣста для двусмысленностей.

—Хорошо, что вы, Г. Конференцъ-Секретарь—сказалъ Тредьяковскій—не были здѣсь за нѣсколько минутъ: вы еще не шо услышали-бы.

«Я увѣренъ, что Гг. сочлены мои приходяшъ въ Академію не для ссоры,» возразилъ Миллеръ.

—Меня загонялъ-было Г. Рихманъ! А я шолько намекнулъ, что Г. Ломоносовъ забываетъ свою должностъ. . . .

«Сдѣлайте милостъ, Г. Профессоръ, оставьте ваши нападенія!

— . . . И что забывчивостъ его происходитъ не ошъ хорошихъ причинъ. . . .

Миллеръ вышелъ изъ перпѣнія опъ такой злоспи, и сказалъ, прошивъ своего обычая, съ жаромъ :

—Позвольте спросить: что это такое? Доносъ или только пусшыя пересказы?

«Эшо, какъ мы Рускіе говоримъ: *Всякой Еремѣй про себя разумѣй!*» отвѣчалъ съ глупымъ смѣхомъ Тредьяковскій.

—Я не знаю вашего Еремѣя—возразилъ Миллеръ—да не хочу и знать. Прошу соблюдать благоприсойность.

Онъ пошелъ къ своему столику, и не говорилъ больше ни слова. Но Тредьяковскій достигъ своей цѣли: онъ высказалъ ядовишый слухъ о несперпимомъ для него врагѣ.

На другой день засѣданіе почно было *грезвыгайное*, потому что собрались не только всѣ члены Академіи, но и Президентъ ея, Графъ Разумовскій. Онъ, по своему обыкновенію, обошелся чрезвычайно ласково со всѣми, шушилъ, ошприлъ, и посреди эшого сказалъ:

—Ну, други!... Что-же пригоповимъ мы къ шоржесству нашему? Я на васъ надѣюсь, а вы на меня не извольте надѣяться. Мое дѣло похвалишь васъ!

Миллеръ началъ изъяснять Графу, что прежде всего должны бытъ прочишаны: рѣчь, гдѣ будетъ указанъ предметъ шоржесства, и пошомъ ошчетъ объ успѣхахъ Академіи.

— За шѣмъ, Ваше Сіяшельство — продолжалъ онъ — непременно должны бышъ произнесены списхи, въ честь Августѣйшей Виновницы нашего шоржесства, и ученая рѣчь.

«Хорошо — отвѣчалъ Графъ. — Гоповъше, гоповъше все эшо! А кто напишетъ списхи?» Глаза всѣхъ обрашились на Ломоносова. «Видно шебѣ, Михайло Васильевичъ, выпадаешъ очередь.

— Съ невыразимою благодарностью принялъ-бы я на себя и по силамъ исполнилъ эшопъ шрудъ, Ваше Сіяшельство! — сказалъ Ломоносовъ. — Но я просилъ-бы у васъ, какъ особенной милоспи, позволенія произнести Похвальное Слово Всемилоспивѣйшей Государынѣ нашей. Списхи я уже писалъ на шоржесшвенный эшопъ день многократно, и еще не далѣе какъ въ прошедшемъ году.

«Позвольте доложитъ Вашему Сіяшельству,» провозгласилъ Тредьяковскій, «что Г. Профессоръ Ломоносовъ принимаетъ на себя не подлежащій ему шрудъ. Онъ, какъ Профессоръ Химіи и Экспериментальной Физики, долженъ бышъ доволенъ и шѣмъ, что ему *позволяете* вы написашъ списхи; произнеспи-же рѣчь подлежащій мнѣ, яко Профессору *Елоквенціи*.

— Полно, брашець! — сказалъ Графъ смѣясь. — Куда шебѣ произносишъ рѣчи, когда ты и шрехъ словъ не умѣешъ сказащъ!

« Академія удостоила меня бышь Профессоромъ Словеснаго дѣла ,» возразилъ оскорбившисъ Тредьяковскій. « Я давно навикъ Россійскому языку, и многими опытами знаніе свое доказалъ; о господинѣ-же Ломоносовѣ ни мы, ни самъ онъ сказашь эшого не можемъ.

Графъ не зналъ что отвѣчать на эшо; но Миллеръ взялъ спорону Ломоносова и сказалъ Тредьяковскому:

« Вы забыли, что Г. Ломоносовъ первый на Русскомъ языкѣ издалъ, въ прошедшемъ 1747 году, *Руководство къ Краснорѣчію*; а опытнось его въ Россійскомъ словѣ доказана прекрасными стихами его и учеными разсужденіями, шакже имѣющими видъ орапорскаго слова.

— *Руководство* Г-на Ломоносова — отвѣчалъ Тредьяковскій — естъ шолько начальная часнь Орапорскаго Искусства, и содержишь въ себѣ одну *Риторику*; къ тому еще оно преисполнено многихъ недоспашковъ. Стихи его. . . .

« Переспань-же врашь, Кирилычъ !» сказалъ съ нешерпѣніемъ Графъ Разумовскій. « Ты забылъ, что надо не считаешься, а подумаешь какъ-бы лучше прославишь нашу Монархиню. Я шебѣ, брашь, не довѣрю эшого. Напиши стихи, и коли одобряешь, чишай на шоржесствѣ. А рѣчь пишешь шебѣ, Михайло Васильевичъ!

Тредьяковскій умолкъ; но Миллеръ, обратившисъ къ Президенту, сказалъ:

—Позвольте замѣшить Вашему Сіяшельству, что въ произнесеніи рѣчей Профессоры Академіи должны очередоваться, и теперь очередь не Г-на Тредьяковскаго, и не Г-на Ломоносова, а моя. Въ исполненіе устава Академіи, я уже и пригошовилъ рѣчь: *О началѣ народа и имени Русскаго.*

Замѣтно было, что это показалось очень непріятно Ломоносову. Президентъ задумался также, но черезъ минушу сказалъ:

— Коли такъ, такъ и быть по своему! Только смори, брашъ: чтобы рѣчь была хороша!

Тредьяковскій съ жаромъ спалъ защищать искусство Миллера, хотя еще недавно былъ гошовъ бранился съ нимъ. Онъ видѣлъ побѣду надъ Ломоносовымъ уже и въ томъ, что опиниметь у него честь произнести торжественное Слово. Впрочемъ, послѣ согласія Президента, ни кто уже и не смѣлъ оспаривать у Исторіографа его права. Рѣшили, что онъ будетъ говорить свою рѣчь.

Президентъ посмѣялся еще надъ Тредьяковскимъ, сказалъ нѣсколько шутокъ другимъ, и наконецъ съ довольнымъ видомъ примолвилъ:

— Ну, кажешся расположили все?

« Если Вашему Сіяшельству не угодно приказать еще чего нибудь — отвѣчалъ Конференцъ-Секретарь.

— Да конечно не угодно, потому что нечего. Только постарайтесь, господа! Пожалуйста постарайтесь!... Прощайте!... Прощай, сердитый Кирилыч!

Засѣданіе кончилось, но оно оставило самое непріятное чувство въ Ломоносовѣ къ Миллеру. Онъ забылъ, что эпосъ человѣкъ всегда оказывалъ къ нему благородное безприсрашіе и даже часто являлся защитникомъ его. Онъ видѣлъ только обиду въ послѣднемъ поступкѣ своего товарища, и воображалъ, что Миллеръ съ умысломъ такъ приготовилъ обстоятельство, чтобы лишить его блистательнаго случая показать свое краснорѣчіе. Порывъ мщенія закипѣлъ въ немъ.

Когда, черезъ нѣсколько дней, Миллеръ представилъ свою рѣчь въ Академію, тамъ назначили оудать ее на разсмотрѣніе Ломоносову. Еще шупъ-же, въ засѣданіи, перебирая листы рукописи, Ломоносовъ сказалъ:

«Такъ вы, Г. Миллеръ, полагаете, что не Роксоланы, пришедшіе съ Воспока, были основателями Русскаго Царства?»

— Кажется, эта сказка уже довольно опровергнута Байеромъ! — отвѣчалъ Исторіографъ. — Я только подтверждаю новыми доказательствами его мнѣніе.

«Почему-же называете вы сказкою извѣстія Историковъ?»

— Невѣждъ ?

« Не слишкомъ-ли сурогъ приговоръ вашъ ?

— Напрошивъ: слишкомъ милоспивъ. Вникните въ первобытную Историю Руссовъ, и вы согласитесь со мной.

« Откуда-же, по мнѣнію вашему, явились Руссы ?

— Изъ Скандинавіи.

« То есть изъ Швеціи !

— Да, если угодно, такъ. Но тогда еще не было Швеціи. Была Скандинавія, обитаемая смѣлыми морскими разбойниками. Вошъ вамъ основатели Русскаго Царства !

« Г. Миллеръ ! Вы хотите смѣяться надъ нами ?

— Я не люблю смѣяться въ ученомъ разговорѣ. Впрочемъ, не удивляюсь вашему невѣрію: это не вашъ предметъ.

« Почему-же не мой предметъ ? Я знаю Историю своего опечесства не меньше чѣмъ вы.

— Любезный другъ ! Извините, если я опвѣчалъ серьезно. Но вы заговорили о предметѣ, близкомъ къ моему сердцу.

« Онъ конечно ближе мнѣ нежели вамъ ! » вскричалъ Ломоносовъ почти съ гнѣвомъ.

— О, если вы такъ принимаете слова мои, я жалѣю, что говорилъ не иначе ! — сказалъ Миллеръ.

« Если-бы вы любили Россію, вы не спали-бы производить основателей ея отъ враговъ нашихъ, Шведовъ !

Миллеръ не выдержалъ этого нелѣпаго упрека, и опивчалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ :

— Такія слова пошлы для человѣка ученаго !

«Прошу васъ не напоминая мнѣ о тѣхъ обязанностяхъ, въ копорыхъ вы не можете быть моимъ учителемъ!» вскричалъ Ломоносовъ. «Вы говорите какъ иностранецъ, какъ Нѣмецъ, не признашелей къ благодѣяніямъ Россіи !»

Миллеръ разсмѣялся и замолчалъ.

Это совершенно взбѣсило Ломоносова. Онъ обратился съ новыми упреками къ Миллеру, и началъ говорить грубо. Къ несчастію, въ засѣданіи не было ни кого изъ тѣхъ, копорые удержали-бы его отъ этого спора, а враги его только радовались, видя что онъ выходитъ изъ себя. Наконецъ сцена перешла въ приличія, такъ что Миллеръ былъ принужденъ удалиться.

Понятна причина этой сцены, самой прискорбной въ жизни Ломоносова. Онъ никогда не былъ другомъ Миллера, копорый, напрошивъ, опшпалкивалъ его отъ себя своею холодношью. Случай, гдѣ Исторіографъ безъ намѣренія спалъ на дорогѣ и помѣшалъ ему говорить торжественную рѣчь, раздражилъ кипучій гнѣвъ поэта. Не зная злобы, онъ однакожь былъ гошовъ уязвить, оскорбить, унизить его,

и въ это самое время сполкнулся съ нимъ такъ несчастно! Тушъ въ немъ явилось уже чувство неумиримое: чувство оскорбленнаго и попомъ униженнаго самолюбія, пошому что онъ не могъ возражать Миллеру ничѣмъ кромѣ обидныхъ словъ.

Краснѣя за нашего великаго соотечественника должны мы сказать, что на другой-же день послѣ своей ссоры съ Миллеромъ, онъ подалъ на него доносъ, гдѣ обвинялъ Исторіографа. . . . въ чемъ-бы вы думали? въ личномъ оскорбленіи?... Нѣтъ! въ оскорбленіи народной славы Россіи, въ желаніи сдѣлать это гласно, торжественно, пошому что въ приговоренной для Академическаго торжества рѣчи своей, Миллеръ называлъ основателей Русскаго Царства Нордманными, шо есть Шведами, какъ пояснялъ Ломоносовъ!!

Ученый Исторіографъ доказывалъ и прежде, въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ, что Руссы были Скандинавы или Нордманны. Мнѣніе, неоспоримое нынѣ и принятое всѣми, казалось дико въ шо время, когда многочисленныя вшорженія Шведовъ въ Россію, и еще недавняя борьба исполина, побѣдителя Карла XII, съ Швеціею, были въ свѣжей памяти у Рускихъ, и оставили въ ихъ сердцахъ непріязненное, хоша и безошечное чувство къ наслѣдникамъ Скандинавовъ. Кровь соотечественниковъ, про-

лишая въ народной борьбѣ, оставляетъ на долго ужасный слѣдъ свой, если не на землѣ, то въ сердцахъ нашихъ, и только продолжительныя дружесшвенныя сношенія изглаживають его. Исторія обильна примѣрами для этого.

Не удивишельно, что при такомъ расположеніи умовъ, доносъ Ломоносова произвелъ сильное дѣйствіе. Съ обвиненіемъ его согласились, запретили Миллеру говорить рѣчь, и узнавши, что она уже напечатана въ Лапинскомъ переводѣ, опобрали всѣ печатные экземпляры ея. Бѣдный Исторіографъ попалъ даже въ большія хлопоты, долженъ былъ оправдываться, и едва могъ усидѣть на своихъ Профессорскихъ креслахъ. Послѣ этого непріятнаго происшествія, онъ сталъ удаляться отъ своихъ сотоварищей, и особенно отъ Ломоносова, къ которому пошерялъ все уваженіе.

Горесшно видѣть въ жизни великихъ людей черныя поступки, и еще горесшнѣе это въ жизни Ломоносова, который всегда былъ такъ чистъ, благороденъ душой! Можемъ ушѣшать себя, думая, что и этошъ поступокъ его не былъ слѣдствіемъ испорченнаго сердца, злобой души. Нѣтъ, это было увлеченіе, слишкомъ продолжительное и виновное, или чувство ненависти къ иностранцамъ, безопщешное и даже извинишельное въ то время. Ломоно-

совъ не рѣшился-бы на дѣло посмѣдное, если-бы понималъ его. Не лѣзя также предполагать въ немъ сколько безразсудства, чтобы ученое мнѣніе Миллера въ самомъ дѣлѣ казалось ему народнымъ оскорбленіемъ. Нѣтъ! Онъ чувствовалъ досаду, вспыхнулъ въ спорѣ, и увлекся гнѣвомъ дальше границъ чести.

Впрочемъ, доносъ его больше повредилъ ему самому нежели Миллеру, потому что онъ лишилъ его безприспращнаго и сильнаго защитника во всѣхъ дѣлахъ Академіи. Это было важно, однако не столько еще какъ нравственное паденіе въ глазахъ человѣка благороднаго, высокаго умомъ и сердцемъ. Ломоносовъ вѣрно чувствовалъ это; а что можешь быть тяжеле шакого чувства?

Но свѣтъ и не замѣнилъ униженія нашего поэта!... Такія дѣла слишкомъ обыкновенны, слишкомъ общи, и потому скоро забыли о ссорѣ Миллера съ Ломоносовымъ, на котораго нападали за его успѣхи, за его великіе подвиги и славу, что есть именно за то, что было заслуженною честью его, а этошъ поступокъ пропустили мимо глазъ. Можешь быть, Тредьяковскій и Сумароковъ прибавили одно справедливое обвиненіе въ сокровищницу клеветъ, сказокъ и нарѣканій прошивъ Ломоносова; но въ ихъ устахъ это не могло вредить ему. Толь-

ко благородный Миллеръ совершенно опдалился отъ своего оскорбителя.

Между тѣмъ , когда рѣчь Исторіографа была уничтожена , надобно было замѣнить ее другою, и это поручили, разумѣется, Ломоносову. Еще одушевляемый гнѣвомъ, волнуемый оскорбленнымъ самолюбіемъ , онъ рѣшился написать рѣчь образцовую. Слово: *рѣшился* , здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ. Извѣстно какъ понимали тогда Искусство вообще , и Краснорѣчіе въ особенности. И теперь еще многіе почитаютъ необходимымъ для него ученость, больше нежели вдохновеніе, воспоргъ. Орапорская рѣчь должна быть столько-же поэтическимъ произведеніемъ какъ ода, а ее составляютъ похри! Ломоносовъ поддался этому ложному понятію вѣка , наполнилъ свою рѣчь учеными раздѣленіями, множествомъ заимствованій , излишнимъ многословіемъ; но въ тѣхъ границахъ, какія онъ назначилъ себѣ, и въ тѣхъ понятіяхъ объ Искусствѣ, какія существовали тогда , его *Похвальное Слово Елисаветѣ Петровнѣ* , безъ сомнѣнія , есть произведеніе образцовое. Онъ испожилъ все , что представляли ему спѣсительныя средства его , сказалъ все , что сказалъ-бы иначе, если-бы одушевлялся воспоргомъ. И сверхъ того, какое богатство языка, выраженій! Какая роскошь въ образахъ! Какая сила во многихъ мѣстахъ , гдѣ сверкаетъ вдохнове-

ніе истинное! По наружной ошдѣлкѣ, эша рѣчь, или Слово, и теперь оснаеися произведеніемъ, доспойнымъ замѣчанія.

Можно вообразить какой воспоргъ произвела она въ свое время, особенно въ тошъ день, когда сановишый Ломоносовъ, окруженный блескомъ шоржеспва, въ собраніи лучшей шогдашней публики, орашорспвовалъ, одушевляясь присушспвіемъ знаменишыхъ людей и можешъ бышъ воспоминаніемъ о Цицеронѣ! Одобреніямъ, хваламъ, поздравленіямъ не было конца, и Ломоносовъ шочно шоржеспвовалъ въ эшотъ день. Зависшъ враговъ его уклонилась и шипѣла невидимо, а искреннее удовольствіе друзей льстило его сердцу. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ взялся доспавишъ экземпляръ рѣчи Имперашрицѣ, а доброжелательные сочлены просили его перевести шакое блиспапельное произведение Русскаго слова на Лашинскій языкъ, съ шѣмъ, чшобы переслашъ его въ иносшранныя ученыя общеспва.

Ломоносовъ самъ не ожидалъ шакого успѣха и думалъ уже ошдыхашъ на лаврахъ; но эшимъ не кончилось его шоржеспво.

Черезъ нѣсколько времени, когда онъ уже самъ начиналъ забывашъ о своей рѣчи, Шуваловъ поспѣшно прислалъ за нимъ, и вспрѣшилъ радосшнымъ извѣспіемъ, что Имперашрица приняла его рѣчь чрезвычайно благосклонно, чшпала

ее, и велѣла предсавишь себѣ автора, для изъявленія ему лично своего благоволенія. Разумѣея, Шуваловъ много работалъ въ эпомъ случаѣ, и пошому съ особеннымъ учаспїемъ заботился, послѣ рѣчи, предсавишь съ выгодной стороны и своего любимца. Эшо было уже лѣшомъ. Императрица жила тогда въ Царскомъ Селѣ, и Шуваловъ взялъ съ собой поэта. Дорогою, онъ объяснялъ ему разныя дворскія приличія, сказывалъ, какъ долженъ онъ веспи себя, что говоришь и даже о чемъ молчаешь.

Сердце Ломоносова запрепешало, когда онъ увидѣлъ позлащенную крышу Царскосельскаго дворца, и особенно, когда былъ уже въ эпомъ дворцѣ, блиставшемъ роскошью и великолѣпїемъ, можетъ бытъ невиданными прежде на Руси. Вскорѣ ему велѣли идти въ комнаты Императрицы.

Ломоносовъ привыкъ, въ домахъ вельможъ, видѣшь богашество, пышность, великолѣпїе; но никогда не воображалъ, не думалъ, не подозревалъ онъ ничего подобнаго шому, что окружало его въ Царскомъ Селѣ на всякомъ шагу. Не говоримъ объ убранствѣ комнатъ, о золотѣ и произведенїяхъ всѣхъ Искусствъ: эшо можно встрѣишь часто; но во дворцѣ Елисаветы все эшо поражало множествомъ, роскошью роскоши, если можно шакъ выразишья, и наконецъ шягошило чувства. Въ ея дворцѣ,

человѣкъ невольно смирялся передъ громадами богатствъ, кошорыя были разбросаны всюду, и не могъ дать себѣ опчета въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ своихъ. Онъ чувствовалъ себя ниже окружающихъ его предметовъ: хоть все, что можно сказать и объ ощущеніяхъ Ломоносова, когда онъ смиренно шелъ по комнатамъ и заламъ, гдѣ были соединены труды миллионъ людей.

Наконецъ онъ увидѣлъ богиню этого дворца *Тысячи и одной ноги*, повелишельницу громадной Россіи. Она сидѣла на небольшой софѣ, или канпе, какъ называли тогда неудобныя мебели, замѣненныя въ наше время диванами, шакъ ласково напоминающими нѣгу Воспока. Когда Шуваловъ назвалъ Ломоносова, Императрица положила на сполікъ свою работу, копорою занималась, и сказала съ пріятною улыбкою нашему поэту:

— Я въ долгу у васъ, Г. Ломоносовъ! Вы шакъ хорошо умѣете хвалишь меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за это. Примите-же теперь мое благоволеніе.

Она пропхнула къ нему руку. Распроганный Ломоносовъ упалъ передъ нею на колѣни, и съ благоговѣніемъ прикоснулся къ рукѣ Императрицы. Онъ не соображалъ въ это время, согласнo-ли эшкешу увлекся движеніемъ своего сердца; онъ не могъ дать себѣ опчета ни въ

одномъ ощущеніи: онъ былъ весь благодарносшь, благоговѣніе. Императрица замѣшила это, по видимому, съ удовольствіемъ, велѣла ему встать, и прибавила съ необыкновенною благосклонносшью:

— Ваши дарованія находятъ во мнѣ справедливую цѣнишельницу: я уважаю ихъ, шакъ-же какъ и ваше усердіе къ распроспраненію славы ошечесхва. Желая наградишь оказанныя вами услуги, я, на первый случай, дарю вамъ небольшое помѣстье близъ Пешербурга. . . .

Ломоносовъ снова упалъ на колѣни: онъ не могъ говоришь ничего. Императрица вспала и заспавила его сдѣлашь по-же. Обращившись къ Шувалову она произнесла смѣясь:

— А ты позабольша водворишь новаго помѣщика! — Надѣюсь, Г. Ломоносовъ, что это будешъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ вашимъ — прибавила она поэпу. — Вы видише, какъ пріятны мнѣ ваши труды.

«Всемилоспивѣйшая Монархиня!» сказалъ Ломоносовъ преклоняя голову. «Я вознесень превыше всѣхъ надеждъ моихъ! Жизнь моя всегда была посвящена Вашему Императорскому Величеспву. . . . но ваши неизрѣченныя милоспи заспавяшь мою природу получишь новыя силы и новое усердіе! . . .

Онъ не могъ говоришь больше, да и слава Богу, потому что говорилъ не очень складно!

Но могъ-ли иначе выражались челоуѣкъ въ совершенномъ смященіи чувствъ? Не только языкъ, но самый умъ его были въ онѣмѣннѣи опъ того величія, къ копорому приблизился онъ. Онъ точно чувствовалъ себя на претъемъ небѣ, гдѣ земной языкъ недоспашоченъ для выраженія, а умъ уже пересщаешъ бышъ умомъ. И надобно прибавишъ, что Импераприца Елисавета Петровна поражала всякаго своею величественною, истинно царскою наружноспью, въ копорой опсвѣчивались черпы Петра, украшенныя прелеспью женщины. Правда, она была уже не молода въ это время, но еще сохраняла свою красопу, а выраженіе ея физіогноміи приняло новое величіе послѣ восьми лѣшъ царствованія. Елисавета поражала этимъ всѣхъ приближавшихся къ ней, и въ прекрасномъ лицѣ ея видно было сполько-же швердой самоуверенности, сколько и великодушія. Она также посшигла искусство плѣняшъ благосклонностью рѣчей, и въ успахъ ея каждое слово казалось опзывомъ души.

—Есть-ли у васъ семейство?—спросила она у Ломоносова.

«Я женашъ, Ваше Величество, и у меня есть дочь,» опвѣчалъ онъ.

—Дочь? какихъ лѣшъ?

«Около десяти лѣшъ, Государыня!

—Я увѣрена, что вы счастливы въ семействѣ: это говоряшъ ваши глаза.

«Вы, какъ божество, видите мою душу, Ваше Величество!

—Я не забуду и вашей жены— сказала Императрица.— Продолжайте прудиться, Г. Ломоносовъ, и будьте увѣрены въ моей благосклонности.

Она опять подала ему руку, которую Ломоносовъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ. Онъ удалился въ неизъяснимомъ волненіи чувствъ. Шуваловъ увѣрялъ его, что Императрица изъявила ему необыкновенную благосклонность, и что хоть она всегда великодушна и милоспива, но рѣдко видалъ онъ, чтобы она была сполько милоспива какъ къ нему. Онъ поздравилъ его съ эшимъ и общалъ на другой-же день приславъ свидѣтельство о пожалованномъ ему помѣстьѣ. Это помѣстье была мыза Коровадай, на берегу Финскаго залива.

И шакъ, Ломоносовъ, помѣщикъ, осыпанный милостіями Императрицы, восхищенный, счастливый возвратился изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Жена съ неперпѣніемъ ожидала его, выбѣжала встрѣчать на крыльцо, и увидѣвши радостную физіогномію своего мужа, со слезами бросилась къ нему въ объятія. Онъ почти внесъ ее въ комнату.

« Чшò, другъ мой? чшò?» спрашивала она съ любопытствомъ женщины и съ участіемъ истиннаго друга.

—Императрица божество!— ошвѣчалъ полный восторга Ломоносовъ, и помолчавъ нѣсколько секундъ повторилъ:—Императрица божество!... я больше ничего не умѣю сказать.

Но когда чувства его нѣсколько успокоились, онъ краснорѣчиво и подробно описалъ ей свое путешествованіе въ Царское Село, и все видѣнное, слышанное, чувствованное имъ. Можешь спашься, это было одно изъ самыхъ поэтическихъ вдохновеній, внушенныхъ ему обожаемою Императрицею, и если-бъ кто нибудь записалъ слова его, мы увидѣли-бы самый высокій изъ шоржественныхъ гимновъ Ломоносова и самое искреннее изліяніе души его. Но какъ въ иномъ смыслѣ импровизаціи Шеридана и Мирабо, такъ и слова поэта исчезли въ шѣсномъ пространствѣ комнаты его. Только въ сердцѣ Хришины осталась неизгладимая благодарность къ высокой благодѣтельницѣ ея мужа.

« Да!» сказала она. « На радости, я право и забыла, что тебя ждетъ какой-то старичекъ. Онъ пришелъ еще ушромъ, и говоритъ, что знаетъ тебя давно, давно; что теперь онъ ошъ тебя ждетъ милости и помощи.

—Гдѣ онъ?—спросилъ быстро Ломоносовъ.— Призови его сюда.

Хриспина вышла и пошчасъ возвратилась провожаемая спарикомъ, дряхлымъ, согбеннымъ, въ бѣдномъ, почти нищенскомъ плащѣ. Но не смотря на это измѣненіе, Ломоносовъ пошчасъ узналъ его и воскликнулъ:

— Пименъ Никишичъ! . . . Мой первый благодѣтель! . . . Боже мой! . . .

«Да, бапюшко Михайло Васильевичъ! . . . Я осмѣлился. . . .»

— Сдѣлайте милость, садитесь! . . . Садитесь, мой добрый, спаринный благодѣтель!

Пименъ Никишичъ долго отказывался занять мѣсто на указанной ему софѣ, но наконецъ Ломоносовъ усадилъ его, и между шѣмъ имѣлъ время разглядѣть. Какая перемѣна! Прежній бодрый, храбрый, самоувѣренный Пименъ Никишичъ сдѣлался спарикомъ, дряхлымъ, робкимъ, угнетеннымъ нищепою.

— Много лѣтъ не видались мы съ вами, почтенный мой благодѣтель! — началъ Ломоносовъ.

«Да, бапюшко, Ваше Высокоблагородіе! . . .»

— Сдѣлайте милость, безъ шишуловъ, Пименъ Никишичъ! Передъ вами я все пошъ-же Михайло Ломоносовъ, копорому вы не дали замерзнуть на дорогѣ и умереть съ голоду!

«Охъ, отецъ и благодѣтель. . . . по естъ шягостно вспомнишь мнѣ, что я, по глупости, не умѣлъ. . . . шакъ сказаъ цѣнишь вашего таланта, копорымъ наградилъ васъ Господь Богъ!

— Помилуйте! . . . Вы судили очень хорошо; а если въ двадцать пять лѣтъ видите перемену во мнѣ, по этому и быть должно. Я былъ тогда мальчикъ, а теперь ужъ самъ дѣлаюсь спарикомъ.

«Нѣтъ, бапюшко Ваше Высокоблагородіе! Я, по естѣ, по глупой гордоспи, думалъ, что могу давать совѣты вамъ.... Но Богъ смирилъ меня. . . . я теперь безъ куска хлѣба на спароспи; а васъ Господь, по своей благоспи, наградилъ за труды и терпѣніе!

— Я благодарю Бога за себя; но мнѣ прискорбно слышать о вашемъ положеніи. . . .

«Да, бапюшко Михайло Васильевичъ! . . .» сказалъ спарикъ и поднялся съ мѣста; но Ломосовъ увидѣлъ, что онъ хочетъ спать передъ нимъ на колѣни и не допустилъ его до этого.

— Чшò вы дѣлаете, Пименъ Никишичъ! . . . Ради Бога, будьте спокойны. . . . Нѣтъ! Я не допущу васъ терпѣть нужду. Мой кошелекъ открытъ для васъ, а сердце никогда не забывало спараго знакома и благодѣтеля.

Тутъ онъ услышалъ отъ спарика, что продолжая возить рыбу въ Москву и Пешербургъ, онъ наконецъ завелъ свои дѣлишки, по естѣ уже отъ себя путешествовалъ въ сполицы съ рыбою, и сначала это шло довольно удачно;

но пошѣмъ нѣсколько лѣтъ сряду онъ терпѣлъ убытки, вошелъ въ долги, сидѣлъ за нихъ въ шюрѣмѣ, и теперь выпущенъ по старости лѣтъ, и еще больше пошѣму, что взялъ съ него уже нечего. Между тѣмъ жена и дочь его умерли, и теперь онъ, сирота, безпомощный старикъ, не знаетъ куда приклонить голову. Случайно услышавши о Ломоносовѣ, онъ пришелъ молить его о помощи.

Этотъ видъ нищеты и бѣдствія сдѣлалъ на Ломоносова впечатлѣніе тѣмъ сильнѣйшее, что за нѣсколько часовъ онъ былъ окруженъ всею роскошью, великолѣпіемъ, богатствомъ, какія только можешь вообразить человекъ. Сверхъ того, этотъ старикъ, который въ самомъ дѣлѣ имѣлъ вліяніе на его судьбу, этотъ прославленный мудрецъ, который будто нарочно пришелъ смирился передъ истиннымъ просвѣщеніемъ, и въ присутствіи сердца признавался какъ невѣрный гаданія ума, слѣдующаго однимъ правиламъ привычки, все это спраннымъ образомъ распрогало добрую душу поэта. Онъ почелъ первымъ долгомъ успокоить старика у себя дома, и вскорѣ помѣстилъ его въ одинъ изъ домовъ признанія, гдѣ безпомощный увидѣлъ себя довольнымъ и даже счастливымъ. Сверхъ того, Ломоносовъ часто приходилъ навѣщать стараго знакома, давалъ ему нѣсколько денегъ на небольшія прихоти, сколько-же

необходимыя для дряхлыхъ какъ и для малолѣтнихъ дѣтей, и покоилъ его до конца жизни. Не нужно прибавлять, что Пименъ Никитичъ благословлялъ великодушнаго благодѣтеля. Упомленный своею бѣдною жизнью, онъ говаривалъ покойсь въ мирномъ углу: «Суешна мудрость человѣческая!» Можеть бышь замѣшаятъ, что въ самомъ этомъ признаніи опъывалась гордость, похожая на гордость побѣжденнаго рыцаря, который воспоминаеть о своемъ проигранномъ рапоборствѣ. Чпо-жь дѣлашь! Человѣкъ гордъ и въ богадѣльнѣ.

На другой день послѣ поѣздки Ломоносова въ Царское Село, Шуваловъ прислалъ ему свидѣтельство на пожалованное помѣстье, и богатый эсклаважъ для жены его, отъ имени Императрицы.

Глава X.

Неужели для поэта въ самомъ дѣлѣ необходимо ободреніе? И какое ободреніе? Неужели, сохрани Богъ, деньги, или мыза Коровалдай, или что нибудь другое, цѣнное, много значащее въ глазахъ шолпы? Нѣтъ, нѣтъ! Поэты искони отрицали это для своего генія, хоть и любили, по слабости человѣческой! Горацій славилъ Мецената какъ роскошный Римлянинъ, а не какъ Горацій, который съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на весь расплѣнный Римъ! Рафаэль дорожилъ хвалами и плашю земныхъ владыкъ, но геній его обилалъ въ лонѣ Власпителя Небеснаго и шамъ черпалъ свои вдохновенія! Бетховенъ, отдѣленный отъ міра и обществомъ, и несчастнымъ недугомъ своимъ, и своимъ характеромъ, конечно не думалъ о наградахъ, когда создавалъ свои дивныя симфоніи. . . . Поэты однакожь люди, и принадлежа одною часью своего существованія міру невѣ-

домому, другою прикованы къ землѣ, на копорой необходимы и хвалы, и перспины, и деньги. Вошъ почему они любяшъ ихъ, и даже, признаемся, дорожашъ ими! Вошъ почему ошибающся шѣ, копорые съ презрѣніемъ говоряшъ объ успѣхахъ поэта въ свѣшѣ, или съ негодованіемъ восклицающъ, какъ человекъ, высокій духомъ, радуется лишней золошой монешѣ, или опличію въ общеспвѣ. Они люди, милосшивые государи! Люди во всю свою жизнь, и только на мгновенія бывающъ поэтами.

Не удивимся-же что и Ломоносовъ повеселѣлъ, и, какъ говоришся, *выросъ*, послѣ торжественнаго ободренія, сдѣланнаго ему Императрицею. Онъ чувспвовалъ себя шверже на заняшомъ имъ мѣспѣ, когда вспоминалъ о Высокой своей Покровишельницѣ; онъ воображалъ себя однимъ изъ любимыхъ дѣшей ея, и уже не съ прежнимъ смиреніемъ являлся въ золошныя палашы вельможъ. «Я шакже озаренъ взглядомъ ея!» думалъ онъ. Замѣчая эшо, можешъ бышъ они улыбались, или ждали, чтобы время подтвердило надежды и мечшы поэта.

Однажды онъ пришелъ къ Графу Михайлу Ларіоновичу Воронцову, своему искреннему покровишелю, копорый игралъ шакую важную роль при Дворѣ Елисаветы. Графъ принялъ его, по обыкновенію, дружески, завелъ разговоръ объ Искусшвахъ, и между прочимъ сказалъ:

— Да ! У меня есть любопытная для васъ новость. Пойдемъ-те въ эту комнату.

Они перешли въ другую комнату, и Графъ, остановившись передъ одною картиною, сказалъ, указывая на нее :

— Вотъ предметъ достойный вниманія вашего, Г. Ломоносовъ. Это мозаическая картина.

Но уже Ломоносовъ не слыжалъ его, и явился истиннымъ поэтомъ передъ этимъ рѣдкимъ произведеніемъ Искусства. Онъ впился глазами и душой въ прекрасную картину, и только послѣ нѣсколькихъ минутъ могъ проговорить:

— Скажите, Ваше Сіятельство, откуда получили вы такое драгоценное произведение?

«Это подарокъ Папы Климента. Я получилъ отъ него эту картину еще бывши въ Римѣ; но только недавно привезли ее мнѣ сюда. Ну, что скажете вы о ней?

— Рѣдкое, высокое произведение ! Въ немъ вижу я двойное достоинство: самый предметъ, который изображенъ мастерски, художнически, и потомъ работа, удивительное произведение искусства и шрифты ! Графъ ! позвольте мнѣ тщательнo разсмотрѣть эту драгоценность !

«Вы знаете : ничѣмъ не лзя такъ одолжить любителя, какъ показывая участіе къ тому, чѣмъ дорожитъ онъ. А я очень дорожу своимъ собраніемъ картинъ.

— О, нѣтъ сомнѣнiя, что оно прекрасно и драгоцѣнно. Только я еще не помню, чтобы какая нибудь картина произвела на меня такое впечатлѣнiе какъ эта.

Картина, о которой шла рѣчь, изображала плачущаго Апостола Петра. Она въ самомъ дѣлѣ была прекрасна, но Ломоносовъ восхищался въ ней всего больше необыкновеннымъ эффектомъ самой работы, словомъ сказать, мозаикою. Вотъ въ чемъ заключалась пайная прелесть ея для него, потому что онъ, въ своей пламенной головѣ, тотчасъ составилъ планъ сдѣлать мозаическую картину, и для этого-то надобно было ему разсмотрѣть ее внимательно. Создать новое художество въ Россiи: эта мысль поразила его какимъ-то очарованiемъ. Онъ уже былъ творцомъ Русскаго стихотворства и почти самого языка Русскаго; онъ самообычно дѣйствовалъ въ наукахъ, и показалъ собою, можетъ быть, единственный въ Россiи примѣръ ученаго человѣка, забывающаго все для своей цѣли. Онъ во всемъ не только хотѣлъ быть, но и былъ творцомъ. Могла-ли не очаровать его мысль: утвердить въ обществѣ своемъ и новое художество, потому что до него не имѣли у насъ понятiя о мозаикѣ, тогда мало извѣстной и во всей Европѣ. Онъ намекнулъ объ этой мысли Воронцову, и тотъ съ радушиемъ пригласилъ его

приходить въ свой домъ, когда только ему вздумается, разсмапривашь мозаику, шакъ-же какъ и всѣ другія произведенія Искусства, и занимаешь шамъ съ домашнею свободою.

Съ эшого дни началась у Ломоносова новая работа. Онъ перерылъ въ своихъ бѣдныхъ книжныхъ пособіяхъ все, что могъ найди о мозаикѣ, и, неудовлетворенный, обращался къ каршинѣ Воронцова. Тщательное разсмотрѣніе наконецъ показало ему сославъ ея, и онъ началъ дѣлать опыты соспавленія разноцвѣшнаго стекла. Для эшого понадобились и деньги, и заботы, и время. Но могли-ли какія нибудь препяшствія останавливать Ломоносова? Онъ сдѣлалъ у себя небольшую печку, и отдѣляя на издержки часть своихъ умѣренныхъ доходовъ, плавилъ, лилъ, переливалъ стекла. Приходя опяшь къ каршинѣ, онъ оживлялся новымъ вдохновеніемъ, и опяшь начиналъ свою работу. У него было мало досуга; но онъ работалъ въ кабинетѣ ночью, а часть дня посвящалъ мозаикѣ, шѣмъ охошѣе, что дѣло шло на ладъ. Образчики выходили у него прекрасные, совершенно похожіе на работу Итальянской каршины.

Ломоносовъ могъ преодолѣть всѣ препяшствія физическія; но могъ-ли онъ побѣдить упрямыхъ своихъ враговъ? Ихъ не лзя было пере-

плавлять въ печь, ни разцвѣчать своимъ геніемъ: они оставались всегда одинаковы.

Надобно сказать, что въ это время Сумароковъ уже написалъ многое. Трагедіи его были играны кадешами, пошомъ нѣкошорыми изъ придворныхъ, въ присутствіи Императрицы, и доставили ей удовольствіе. Это воспламенило молодого автора, и онъ уже занимался только тѣмъ, какъ-бы устроить ему настоящій театръ. Случай вызвался въ помощники. Въ глуши, въ Ярославлѣ, сынъ Коспромскаго купца, Волковъ, устроилъ театръ безъ всякихъ пособій, но естъ почти своими руками сдѣлалъ подмостки, намалевалъ декорацій, набралъ актеровъ и восхищалъ провинціальную публику. Кто могъ-бы думать, что этою молодой купецъ сдѣлается основателемъ сценическаго искусства въ Россіи? Но сдѣлалось такъ! Помощниками его были люди съ истиннымъ дарованіемъ: Дмитревскій, котораго современники сравнивали послѣ съ Гаррикомъ, Поповъ, Шумской. Молва о ихъ представленіяхъ дошла до Петербурга. Сумароковъ заботился выписать ихъ, и по связямъ своимъ достигалъ этой цѣли. Отецъ его, Пепръ Панкратьевичъ, былъ знашый человекъ, Камергеръ при Великомъ Князѣ, и Александръ Пешровичъ, со своей необыкновенной смѣлостью, воевалъ храбро въ кругу современныхъ аристократовъ,

которыя всячески помогали ему. Между тѣмъ онъ писалъ, даже славился какъ поэтъ, и Ломоносовъ былъ у него точно бревномъ въ глазу, пошому что могущесшвенно побѣждалъ его своимъ дарованіемъ, безъ помощи какихъ нибудь связей, и, что еще сильнѣе, смѣялся надъ его спихотворсшвомъ, какъ надъ безразсудною спрасшью.

За то, какого мщенія не изобрѣшалъ прошивъ него Сумароковъ! Мало того, что въ обширномъ кругу своихъ знакомыхъ онъ называлъ Ломоносова невѣждой, увѣрялъ, что онъ не знаетъ *Россійскаго* языка, и силился доказать это его сочиненіями: онъ нападалъ на его нравсшвенность, спавилъ ему въ вину прощонародное его происхождение, любилъ повторять, что онъ *рыбагій сынъ*, прибавлялъ къ этому глупыя оспрошы, и шрубилъ вездѣ, что Ломоносовъ человѣкъ пьяный, слѣдсшвенно неспособный бытъ Профессоромъ; что, наконецъ, онъ берешся за все, пошому что не умѣетъ ничего дѣлать порядочно. Сумароковъ сблизился съ Тредьяковскимъ совсѣмъ не опъ сходсшва въ умѣ или дарованіи, копорымъ далеко превосходилъ его, но опъ того, что всякій врагъ Ломоносова казался ему хорошимъ человекомъ. Вдвоемъ, съ помощью своихъ пріятелей, они выдумывали безконечныя сплешни про-

шивъ Ломоносова, порицали, чернили его гдѣ только могли.

Доспойна вниманія ненависшь, съ какою современники, бѣдные дарованіемъ, искони преслѣдують людей могучихъ, сильныхъ умомъ, не только геніемъ! Но эту психологическую задачу легко рѣшишь, если вникнемъ въ причины. Геній бываетъ гордъ, даже безъ сознанія въ этомъ; обширный, дѣятельный умъ всегда независимъ. И шопъ и другой не любящъ смѣшиваться съ толпой, гдѣ все основано на отношеніяхъ, на проискахъ, и забываютъ, что шамъ есть также свои дарованія, свои умники и даже геніи, копорыхъ самолюбіе не дремлетъ. Одно слово объ эсихъ людяхъ, сказанное или написанное человѣкомъ превосходнаго ума, приводитъ ихъ въ яросшь, пошому что это слово бываетъ приговоромъ, и съ нимъ согласны не одни посторонніе, но и сами подсудимые: сколько вѣренъ взглядъ сильнаго ума! Какъ-же хошите вы, чшобы не волновалась, не шумѣла, не проклинала его жалкая посредственность или бездарность, когда всѣ успѣхи ея основаны на брашшвѣ, пошворшвѣ другъ другу, отношеніяхъ, между шѣмъ какъ дарованіе идетъ своимъ, обыкновенно одинокимъ путемъ?

«Подражаетъ мнѣ! Обкрадываетъ меня!» кричалъ Сумароковъ вездѣ, когда слышалъ, что Ломоносовъ сочиняетъ трагедію *Демофонтъ*.

Любопытно и это свойство людей обыкновенных, что, занимаясь какимъ нибудь предметомъ, пресмыкаясь у подножія его, они почтишають дерзкимъ врагомъ своимъ всякаго, кто осмѣлился взглянуть на тошъ-же предметъ съ своей стороны. Такъ Сумароковъ воображалъ, что Трагедія на Русскомъ языкѣ заповѣдное его владѣніе, и, можно предсавишь себѣ, каково было ему слышать, что Ломоносовъ хочешъ заняшь и это владѣніе! Онъ былъ гошовъ подашь на него просьбу въ уголовный судъ, какъ на похишителя своей собственности.

А между тѣмъ и спрашився было нечего! Ломоносовъ началъ писать свою трагедію безъ всякаго внутренняго призванія, шакъ-же какъ большую часть своихъ стихотвореній. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ вызвалъ его на это, видя успѣхъ трагедій Сумарокова, видя что Императорицѣ нравяшся онѣ, и желая, чтобы любимецъ его былъ первымъ во всѣхъ родахъ Словесности. Но *Демофонтъ*, послѣ шакого начала, не могъ бышь произведеніемъ поэтическимъ. И дѣйствительно, это произведение больше нежели слабое: плохое. Ломоносовъ рѣшишельно не имѣлъ ни сколько драматическаго дарованія, и остановился на первыхъ опытахъ. Но довольно было для новой злобы Сумарокова. Онъ почтишалъ попышку его предательствомъ, соперничествомъ, кражею, Богъ знаетъ чѣмъ!

Между тѣмъ какъ враги преслѣдовали Ломоносова, онъ нечаянно встрѣтилъ человека по сердцу своему.

Въ шолѣ учениковъ его былъ молодой студентъ Поповскій. Профессоръ давно замѣчалъ въ немъ острый умъ и большія литературныя способности, но еще не видалъ ни одного изъ его произведеній. Наконецъ Поповскій представилъ ему свою элегію: *Зима*. Ломоносовъ прочелъ ее, и увидѣлъ искры дарованія не поддѣльнаго. Кромѣ того, Поповскій былъ искренній почитатель Ломоносова; это сблизило ихъ еще скорѣе. Тихій, нѣжный умъ молодаго студента, и бурный, кипучій геній учителя его мирились въ любви къ Словесности.

Поповскій писалъ стихи совершенно въ духѣ Ломоносова, потому что хорошо вникнулъ въ механизмъ его стиховъ, и къ нимъ примѣнялъ свое дарованіе. Тогда не знали истиннаго пути для поэта, и думали, что подражаніе ведетъ къ совершенству. Поповскій подражалъ Ломоносову, а эпосъ совѣщавалъ ему избрать другіе, славнѣйшіе образцы. «Осмѣжься переводить Горация!» сказалъ онъ ему однажды.

— Горация? — повторилъ изумленный Поповскій. — Но, Г. Профессоръ! Возможно-ли это, когда на Русскомъ языкѣ еще нѣтъ никакихъ стихотворныхъ переводовъ, и тѣмъ меньше

переводовъ такого великаго поэта какъ Горацій, удивительный образецъ совершенства! . . .

«Тѣмъ лучше: вамъ будетъ принадлежать честь перваго переводчика въ Русскомъ стихотворствѣ!»

— Но я спрошусь! . . .

«Молодой человѣкъ! Вы не знаете всей силы своего дарованія. Дѣйствуйте смѣлѣе: успѣхъ наградишь васъ.»

Ученикъ послушался учителя, и черезъ нѣсколько времени принесъ ему переводъ одной изъ одъ Горація, переводъ, разумѣется, слабый, но первый на Русскомъ языкѣ. Въ наше время почти не лѣзя понимая великости этого подвига. Да, если сообразимъ тогдашнее состояніе Русскаго языка, на которомъ трудно было выражать самыя обыкновенныя мысли; если вспомнимъ предубѣжденіе, съ какимъ смотрѣли на древніе образцы, и взглянемъ на переводы Поповскаго, то сознаемся, что въ самомъ дѣлѣ подвигъ его былъ великъ, и что Ломоносовъ имѣлъ право поздравить молодаго стихотворца съ необычайнымъ успѣхомъ. И нѣтъ пріятнѣе для него было это упѣхъ, что онъ видѣлъ въ немъ первый изящный плодъ своихъ трудовъ: Поповскій былъ, можно сказать, его созданіе. Онъ еще больше спалъ дорожишь имъ, давалъ ему новыя совѣты, и хотѣлъ чтобы Поповскій написалъ или перевелъ что ни-

будь обширное, обѣщая представишь прудъ его своему покровителю Шувалову. Между тѣмъ, онъ уже обратилъ вниманіе этого вельможи на своего молодого любимца. Шуваловъ, вмѣстѣ съ Дворомъ, жилъ въ Москвѣ, когда онъ послалъ къ нему первую эклогу Поповскаго, *Зиму*, при письмѣ, исполненномъ добродушія. «Дай Боже,» писалъ Ломоносовъ, «чтобы пре-
« жестокая минувшая зимы спужа, и тяжелый
« продолжительный весны холодъ награжденъ
« вамъ былъ прекраснаго лѣта пріятною тепло-
« стю. А чтобы въ оныхъ дняхъ ясная и
« тихая еще показалась вамъ пріятнѣе, по-
« должно вамъ представлять въ умѣ проливное
« время. Но какъ лѣто и зима вдругъ были не
« могутъ, чтобы вы сличивъ одно съ другимъ,
« при спросошши и скучномъ видѣ одного
« могли яснѣе видѣть и выше почестъ другаго
« красоту, нѣжность и пріятность, для того
« имѣю честь представишь вамъ *Зиму* стихо-
« творную, въ эклогѣ, сочиненной студентомъ
« Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни еди-
« наго слова, но какову онъ прошедшей зимы
« далъ, такъ къ вамъ и вручить честь имѣю.»

Но самое это покровительство дарованію спавили въ вину Ломоносову. Тредьяковскій, сколько-же неутомимый въ преслѣдованіи его, какъ и въ своихъ тяжелыхъ, но бездарныхъ лишипературныхъ трудахъ, первый спалъ под-

шучиваѣ, что Профессоръ Химіи и Физики
уѣтитъ ребятъ стихошворсшву. «А своя-шо нау-
 ка что-же у него?... спитъ покойнымъ сномъ!...
 Видно, легче заниматься пусшячками, нежели
 своимъ дѣломъ! И пусшъ-бы ужъ онъ дѣйсшви-
 шельно былъ словесникъ, то есшъ училсѣ-бы у
 знаменишыхъ Профессоровъ, каковъ Г. Ролленъ,
 и занималсѣ Липшерашурой основашельно, то
 есшъ переводилъ-бы оплитныхъ авшоровъ и
 самъ писалъ большіѣ стихошвореніѣ, каковы
пѣимы! А шо, пописываешъ оды, и съ помощью
 милосшивцевъ шолько заслоняешъ другимъ до-
 рогу!»

Вскорѣ представилсѣ случай, которыѣ съ
 новою жестокосшью раздражилъ Тредьяков-
 скаго.

Онъ напечаталъ еще въ 1738 году свой пе-
 реводъ Барклаевой *Аргениды*; но послѣ (въ 1750)
 рѣшилсѣ прибавишъ къ нему посвященіе Импе-
 рашрицѣ. Эшого не лѣзя было сдѣлашъ безъ
 позволеніѣ Академіи, и Тредьяковскіѣ пред-
 ставилъ посвяшительный листокъ въ Канцеля-
 рію Академическую. Тамъ рѣшили: опдашъ его
 разсмошрѣшъ Профессорамъ Ломоносову, Кра-
 шенинникову, и Адъюнкшу Попову. Ломоно-
 совъ прочелъ посвященіе Тредьяковского, и
 вскричалъ: «Нелѣпосшъ!... Надо выправишъ эшо,
 а иначе напечаташъ не лѣзя.» Съ нимъ согла-
 силсѣ Крашенинниковъ и Поповъ, почши не

чищавши ухищренныхъ фразъ Тредьяковскаго, и Ломоносовъ, подчеркнувши все, что не нравилось ему въ посвященіи, представилъ его обратно въ Академію, съ объясненіемъ, что оно наполнено ложными мыслями, излишнимъ ласкашельствомъ и неумѣсными словами.

Можетъ быть въ этомъ приговорѣ было и приспращіе; можетъ быть, если-бъ по-же представилъ кто нибудь другой, Ломоносовъ разсмѣялся-бы надъ невинными неумѣностями автора, и разрѣшилъ-бы ему напечатать ихъ съ маленькими поправками. Но это былъ Тредьяковскій, и онъ хотѣлъ разсердить его.

Коварный непріятель явился въ Академію, и завелъ рѣчь объ отказѣ напечатать посвященіе его въ томъ видѣ, какъ оно представлено имъ.

— Да! посвященіе Ролленевой Исторіи? — спросилъ добродушный Поповъ.

«Не Ролленевой Исторіи, а Барклаевой *Аргениды*!» отвѣчалъ Тредьяковскій.

— Какъ *Аргениды*? А я думалъ Роллена!...

«Спало бытъ вы не читали моего посвященія?» тихо спросилъ у него Тредьяковскій.

— Читалъ. . . . да вскользь, и ничего не понималъ.

«Опъ того и не поняли, что не читали!» возгласилъ Тредьяковскій.

Ломоносова не было шущъ, и Тредьяковскій напалъ на Крашенинникова и Попова, вынулъ

изъ кармана свое посвященіе , и просилъ ихъ показашъ, какія находяшъ они въ немъ излишніа ласкашельства и несообразности. Они защищались слабо , однакожь указали на первыя нелѣпости , какія кинулись имъ въ глаза. Но Тредьяковскій ушверждалъ , что все это заимствовалъ онъ у лучшихъ авторовъ , и что если-бы они знали иностранные языки , то не смали-бы удивляшъся *Россійскимъ* его фразамъ. Такое логическое доказательство размѣшило противниковъ , и они нарочно постарались разсердитъ его своими недоумѣніями.

Разъяренный Тредьяковскій почелъ себя глубоко оскорбленнымъ и подалъ на своихъ экзаменаторовъ просьбу, или *бумажку*, какъ говорятъ въ Судахъ. Онъ горько жаловался, что его оскорбили Профессоры Ломоносовъ , Крашенинниковъ , и Адъюнктъ Поповъ ; что въ приговорѣ ихъ явно и пристрастіе и невѣжество , и что Академія могла опказашъ ему просто , не предавая его въ руки *подозрительныхъ враговъ*.

Эта небольшая исторія осталась безъ послѣдствій ; но она еще больше разожгла вражду Тредьяковского къ Ломоносову , котораго винилъ онъ одного , починая двухъ товарищей его только угодниками своего врага.

Но Ломоносову и нѣкогда было занимашъся ссорой съ Тредьяковскимъ. Не прерывая всег-

дашнихъ своихъ заняшій науками и Липшера-шурой, онъ посвящалъ все оспальное время мозаикѣ, пошому что она плѣняла его новостью и надеждами успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, наконецъ удалось ему изготшвить прекрасные образцы мозаичныхъ составовъ. Онъ привелъ ихъ въ нѣкоторое устройство, еще не имѣя возможности сдѣлать какой нибудь правильный рисунокъ, пошому что нуждался и въ средствахъ и въ досугѣ для этого. Взявши нѣсколько своихъ образцовъ, онъ явился къ Графу Воронцову.

Мы увѣрены, что каждый изъ нашихъ читателей знаетъ и видалъ мозаическія произведенія, но почтишаемъ не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ исторіи этого Искусства. Мозаикой можно назвать все, что изъ отдѣльных разноцвѣтныхъ частицъ образуетъ рисунокъ, пріятный для глазъ. Въ этомъ смыслѣ и наборная работа (*marqueterie*) есть мозаика. Но это еще не есть Искусство Изящное, для котораго необходима мысль, предсшавленная въ изящной формѣ. Въ мозаикѣ матеріаломъ для изящной формы служатъ или цвѣтныя стеклышки, или цвѣтныя камешки, изъ которыхъ художникъ образуетъ рисунокъ, картину, до такой степени похожую на обыкновенную живопись, что издали мозаическая картина такъ же плѣняетъ нѣжностью красокъ и опшѣнковъ,

какъ и писанная на полопнѣ, масляными красками. Но мозаика имѣетъ еще свой эффектъ, и пошому-то рѣдко употребляющъ ее для копій съ живописныхъ картинъ, что впрочемъ начали дѣлать только въ новыя времена, а она была извѣстна еще Древнимъ, и вѣроятно вначалѣ изобрѣтена на Воспокѣ. Почти *вѣчная* прочностъ ея намекаетъ объ этомъ, шѣмъ больше, что у древнихъ Грековъ находимъ ее съ незапамятныхъ временъ. Когда въ Римѣ золото и мраморъ стали слишкомъ обыкновенны, тогда начали дѣлать у роскошныхъ Римлянъ украшенія по стѣнамъ и полы въ домахъ мозаичскіе. Въ Византійской имперіи, этомъ бѣдномъ *мозаическомъ* обломкѣ великолѣпной картины Греціи и Рима, *мусія* или *мозаика* была въ особенной чести. Ошпуда перешла она и въ древнюю Русь, гдѣ до сихъ поръ находятъ слѣды *Византійской* мусіи. Послѣ, гибло все! Наконецъ, съ возобновленіемъ образованности въ Европѣ, возродилась и мозаика. Въ началѣ 18-го столѣтія, въ Римѣ была заведена знаменитая Школа Мозаическаго Искусства, гдѣ образовались многіе художники, и прекрасныя произведенія ихъ нашли отзвѣтъ у насъ, въ Россіи, въ душѣ поэта Ломоносова.

— Ваше Сіятельство! поздравьте меня съ успѣхомъ!—сказалъ онъ входя къ Графу Воронцову.

«Вы уже такъ приучили насъ къ своимъ успѣхамъ, что я гошовъ на слово поздравляю васъ! Но съ какимъ новымъ успѣхомъ?»

— Вы побудили меня къ нему! У васъ впервые увидѣлъ я мозаическую картину, и вскорѣ самъ надѣюсь сдѣлать что нибудь подобное. Вотъ небольшое доказательство. — Онъ показал свои образцы, и Графъ, по видимому, пришелъ въ восхищеніе.

«Это такъ хорошо,» сказалъ онъ, «что я непременно представлю Императрицѣ ваши прекрасные опыты. Оставьте ихъ у меня.

«Я покорнѣйше прошу объ этомъ Ваше Сіятельство! Если Всемилосердѣйшая Государыня наша удостоитъ милосердіемъ воззрѣть на мои посильные труды, я увѣренъ, что Ваше Сіятельство не оставитъ моей нижайшей просьбы...

«Говорите, говорите! о чемъ?»

— Я нуждаюсь въ пособіяхъ для своихъ опытовъ. Вамъ извѣстно, что профессорскаго жалованья едва достаеетъ на прожитіе съ семействомъ. Вы виновникъ мысли, которая увлекла меня заняться мозаическою работою; будуще ходатаемъ и въ томъ, чтобы эта мысль могла быть приведена въ исполненіе.

«Даю слово, Г. Ломоносовъ! Я сдѣлаю все, что могу. Но какихъ-же пособій желали-бы вы?»

— На первый случай небольшой суммы для

моихъ опышовъ, копорые, какъ сами Ваше Сіа-шельсшво изволише видѣшь, спѡяшъ пожершво-ванія. А попомъ, если эши опышы подшвер-дяшъ мои ожиданія, я желалъ-бы имѣшь при-виллегію на производсшво мозаическихъ рабошъ, чшобы кшо нибудь не воспользовался моими шрудами и не лишилъ меня справедливаго воз-награжденія за эши шруды.

«О, съ эшой спороны вы можеше бышь спо-койны. У насъ не такъ-шо скоро принимающся за шо, чего не дѣлывали прадѣды. Пройдешъ спо лѣшъ, и вѣрно еще никого не будетъ на эшомъ изъ вашихъ пушей. Впрочемъ, я испол-ню вашу просьбу, и, надѣюсь, не безъ успѣха. Только не осшавляйте своихъ опышовъ.

—Къ эшому не нужно поощряшъ меня, Ваше Сіашельсшво! Мозаика шеперь одно изъ люби-мыхъ моихъ заняшій. Враги мои и шакъ гово-ряшъ, чшо я занимаюсь ею слишкомъ много.

«Не слушайте эшихъ глупцовъ! Идите своимъ пушемъ, Г. Ломоносовъ!

Графъ подробно распросилъ его объ ишпоріи мозаики, о его опышахъ, о сосшавахъ, упош-ребленныхъ имъ, словомъ, обо всемъ, чшобы объяснишь все эшо Имперашрицѣ. Наконецъ онъ взялъ образцы, обѣщаясь при первомъ благо-пріятномъ случаѣ показашъ ихъ Имперашрицѣ, и при эшомъ испросишь у нея пособій для Ломоносова.

Оживленный одобреніемъ и обѣщаніями Графа, поэтъ съ новымъ жаромъ приступилъ къ своимъ работамъ. Опыты его спановились болѣе и болѣе удачны, такъ что наконецъ онъ желалъ-бы произвеспи что нибудь *цѣлое*, и, къ досадѣ, у него не доспавало для этого способъ. Онъ ждалъ вѣсней отъ Воронцова.

Глава XI.

Прошло нѣсколько недѣль ; ошвѣта опъ Воронцова не было. Ломоносовъ не хопѣлъ, если бы и могъ, напомнишь ему о себѣ. Поэтическія мечпы его оспывали, а въ сущесшвенности онъ вспрѣчалъ безпресшанно новыя непріятности. Секрешаремъ Академіи былъ тогда Сергѣй Савичъ Волчковъ, человекъ дѣльный, прудобивый, переводчикъ множесшва книгъ, по шупой въ поняшїяхъ и больше склонный къ паршїи Тредьяковскаго нежели Ломоносова, кошорый не любилъ его и называлъ *подъягимъ*. Въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Савичъ соблюдалъ во всемъ формы, и безъ прошокола, безъ записки въ регисшрашуру не соглашался опдашь приказа ни одному спорожу. Нешерпѣливый Ломоносовъ, напрошивъ, часшо пребовалъ исполненїя такихъ предмешовъ, кошорые были даже не во власши Секрешаря. Иногда въ лабораторію надобно было купишь какой нибудь сна-

рядъ, въ Физическомъ Кабинетѣ починилъ машину, въ аудиторіи сдѣлалъ поправку, и онъ прямо приходилъ въ канцелярію съ требова-
ніемъ.

— Благородіе подашь бумажку! — говорилъ смиренно Волчковъ.

«До того-ли, братецъ, мнѣ! Напиши самъ, или исполни свои приказные обряды послѣ, а я теперь-же велю сдѣлать что надобно.

— На свою отвѣтственность, Михайло Васильевичъ!

«Какъ на свою отвѣтственность? Да вы пошчасъ взведете на меня Богъ знаетъ что!

— Помилуйте!

«Да, братецъ. Если-бы у васъ въ канцеляріи не было такого крючкотворства, иное дѣло! А то, вы-же съ Тредьяковскимъ уцѣпились за меня. Сдѣлай это поскорѣе, Сергѣй Савичъ.

Но проходилъ день, проходили дни, и все оставалось какъ было. Разсерженный Ломоносовъ прибѣгалъ въ другой, въ третій разъ съ своимъ требова-ніемъ, и начиналъ наконецъ браниться. Требованіе его исполняли, но непріязнь сочленовъ усиливалась; многіе изъ нихъ бѣжали отъ него, какъ отъ человѣка безпокойнаго, и дѣла отъ этого шли не лучше.

Въ огорченіи, Ломоносовъ рѣшился написать къ И. И. Шувалову. Упомянувши, что Графъ

Воронцовъ взялъ образцы мозаики для поднесенія Императрицѣ , онъ прибавилъ въ своемъ письмѣ: « При кошоромъ случаѣ, ежели Вашему
« Превосходительству не прошивно, всепокор-
« но прошу поспараться о моемъ нижайшемъ
« прошеніи, чшобы мнѣ, имѣя случай и способы,
« удобнѣе было производишь въ дѣйствіе мои
« въ наукахъ предпріятія , ибо хошя голова
« моя и много зачинаешъ, да руки однѣ, и хошя
« во многихъ случаяхъ можно-бы употребить
« чужія, да приказашъ не имѣю власпи. За без-
« дѣлицею принужденъ я много разъ въ канце-
« лярію бѣгаешъ и подъячимъ кланяшся , чего я,
« право, весьма сшыжусь, а особливо имѣя ша-
« кихъ какъ вы папроновъ. Нѣшъ ни единого
« дня, въ кошорый-бы я не упоминалъ о вашей
« ко мнѣ милоспи и ею-бы не радовался. Одна-
« ко нѣшъ ни единого моего въ Академію прі-
« ѣзда, въ кошорый-бы я не удивлялся, что она,
« имѣя въ себѣ сына опечесства , кошораго вы
« любите и жалуете, не можешъ шого дожишъ,
« чшобы онъ опвращилъ опъ ней всѣ черезъ 25
« лѣшъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ бышъ
« пользамъ препяшспвія.»

Ломоносовъ скорбѣлъ такимъ образомъ не за одного себя, но и за Академію. Въ самомъ дѣлѣ, 25 лѣшъ прошло опъ ея основанія, и она не шолько не расширила круга своихъ дѣйствій , но и окружилась еще приказными обряда-

ми, пошому что учрежденная при ней Канцелярія имѣла почти всю власшь въ своихъ рукахъ.

Шуваловъ понялъ сердечную жалобу своего ученаго друга. Онъ вскорѣ исходатайствовалъ ему чинъ Коллежскаго Совѣтника и мѣсто Члена въ Канцеляріи Академической. Онъ думалъ, что пособитъ эшимъ неудобствамъ управленія Академіи, и что Ломоносовъ, находясь самъ въ числѣ правителей ея, дастъ лучшее направленіе дѣламъ.

И. И. Шуваловъ былъ тогда уже въ высшихъ чинахъ; но быстро подвигаясь на пути чесшей, онъ еще оставался юношею по лѣтамъ. Ему было только 23 года, когда онъ могъ уже оказывать такое покровительство, не однимъ своимъ любимцамъ, но и наукамъ. 23 года! Возрастъ любви и разсѣянности, возрастъ пыла спрасшей и всякихъ увлеченій!... Можемъ-ли мы, пошомки, не уважать Шувалова, что въ эши годы онъ уже былъ Меценатомъ Ломоносова, умѣлъ понимать его и заботился о блескѣ наукъ въ Россіи?

Но онъ ошибся, думая пособить неудобствамъ управленія Академіи. Ломоносовъ сдѣлался Членомъ Академической Канцеляріи, но былъ окруженъ прежними людьми, которые смотрѣли на него еще больше неприязненно, когда онъ сѣлъ подлѣ нихъ. Мы уже знаемъ

пылкій характеръ его: могъ-ли онъ ужиться съ шѣми, которые припѣсняли его, когда онъ еще не участвовалъ въ занятіяхъ Канцеляріи? Это послужило для него шолько новымъ источникомъ непріятностей.

Но за всѣмъ шѣмъ, когда Шуваловъ возвратился въ Пешербургъ, онъ спѣшилъ къ нему, изъяснивъ свою искреннюю благодарность.

— Я не знаю, Ваше Превосходительство, какъ мнѣ благодарить васъ! — сказалъ распрощанный Ломоносовъ, когда Шуваловъ дружески поцѣловалъ его, и взявши подъ руку началъ ходить съ нимъ по комнашѣ.

«За что, любезный Михайло Васильевичъ?»

— Развѣ не по вашему ходатайству награжденъ я чиномъ Коллежскаго Совѣтника?...

«Вы забываете о своемъ Президентѣ», сказалъ Шуваловъ усмѣхаясь.

— Ваше Превосходительство! Нашъ Президентъ совершенно забылъ Академію. Особенно съ шѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался Малороссійскимъ Гетманомъ, владѣльцемъ Башурина, Ямполя, и множеству тысячъ крестьянъ. . . .

«Ну? что-же?»

— Досугъ-ли ему заниматься нами? Впрочемъ, Графъ Кириллъ Григорьевичъ честный человекъ, и, не смотря на свою молодость, исполненъ прямой ревности къ добру!

«А! вы боитесь, чтобы я не пересказалъ ему первыхъ вашихъ словъ?» сказалъ Шуваловъ засмѣявшись.

—Позвольте мнѣ кончить свою рѣчь. Да, онъ человекъ честный; но.... Ваше Превосходительство пріучили меня говорить съ вами откровенно.... Онъ не на своемъ мѣстѣ.

«Эпо правда!» сказалъ Шуваловъ, принявши важный видъ. «Я самъ люблю Графа за его доброту и умъ, но думаю, что Президентство для него только почетный шишуть, между тѣмъ какъ оно, эпо важное мѣсто, требовало бы человека дѣятельнаго, неусыннаго въ исполненіи своей должности.

—А Графъ большую часть времени живетъ въ отсуствіи; да и здѣсь почти никогда не вспоминаетъ о своемъ Президентствѣ.

«Ну!.... оставимъ эпо. Скажите лучше, какъ у васъ теперь идутъ дѣла въ Академіи?»

—Ваше Превосходительство! могутъ-ли они идти хорошо при нынѣшнемъ устройствѣ Академіи? Канцелярія владѣетъ у насъ всѣмъ....

«Канцелярія?... Но вы сами теперь членъ ея?...

—И совсѣмъ не благодарю васъ за эпо, если по вашей милости пала на меня такая честь!

«Прекрасно, Михайло Васильевичъ!.... Но, шушки въ сторону: почему-же не примешесь вы за своихъ сочленовъ?»

« Чпò я могу съ ними сдѣлать ? Мы только ссоримся, потому что не соглашаемся другъ съ другомъ ни въ чемъ. Я окруженъ шупъ своими непріятелями, шакъ-же какъ въ Академіи, и только съ шой разницей, что къ нимъ присоединена цѣлая свора подъячихъ !

— Но значашъ-ли что нибудь эши подъячіе !

« Больше нежели полагаете, Ваше Превосходительство ! Они связываютъ намъ руки на всякомъ шагу.

— Жаль !

« Я давно ходашайсвовалъ у Вашего Превосходительства о новомъ успавѣ для Академіи. . . .

— О, теперь это невозможно ! Необходимо еще нѣсколько времени. . . . Императрица имѣетъ мысль основать одно высшее учебное заведеніе; надобно подкрѣпить это; а вдругъ шребовать многого, значить не получишь ничего.

« Заведеніе, о кошоромъ вы упомянули, не ешь-ли. . . .

— Университетъ въ Москвѣ.

Ломоносовъ чупъ не вспрыгнулъ ошъ восхищенія.

« Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Превосходительство ?

— Да, но объ этомъ прошу васъ не говорить никому. Можно испорчить все, если начнемъ преждевременно разсуждать вслухъ о шакомъ

предпріяшіи , которое сущесвуешъ еще въ мысли.

«Во мнѣ вы можете быть увѣрены.... О , какое великое дѣло совершился для Россіи!... Неужели я доживу до того времени, когда въ древней Москвѣ будешь воздвигнушь эпошъ храмъ наукъ !

— И, можешъ быть , вамъ-же придется быть зодчимъ его. Когда надобно будешь дѣйствовать , я обращусь къ вамъ со многими запросами.

«О, Ваше Превосходительство ! Какія предначертанія давно шаялися въ умѣ моемъ!... Впрочемъ , надобно знать , по-ли будешь нашъ Университетъ , что привыкъ я разумѣшь подъ эшимъ словомъ.

—Я думаю, пошому что онъ будешь образованъ пошню по примѣру иностранныхъ. Только все еще рано говоришь объ эшомъ.

Помолчавъ немного , Шуваловъ прибавилъ :

—Послушайше, Г. Ломоносовъ! Я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой , пошому что не смѣю назвашъ эшого совѣшомъ.

«Что такое, Ваше Превосходительство ?

— Вы , кажешся , много занимались Россійской Исторіей ?

Непріяшное чувство толкнулось въ сердце Ломоносова. Однакожь онъ довольно спокойно сказалъ :

«Точно такъ , я занимался ею въ юныхъ своихъ лѣтахъ; но я уже давно опспалъ опъ эшого предмеша.

— Почему-же опяшь не заняшьсѧ вамъ имъ ? Я убѣжденъ , что въ Россіи нѣтъ человѣка , способнѣе васъ для эшого. Мы не имѣемъ Испоріи своего опечеспва, и кажешся еще долго не будемъ имѣть. Сужу пошому , что знаю что и какъ занимаешся ею. Напримѣръ Миллеръ ! Человѣкъ съ большими свѣдѣніями , шрудлюбивый, изыскашельный; но онъ вѣчно опшанешся съ своими замѣшками, вѣчно будешъ сбирашъ , записывашъ , и не произведешъ ничего цѣлаго. Намъ не то надобно ! Намъ надобно полную Испорію, написанную хорошимъ перомъ. И что, если-бы вы написали ее ?

« Ваше Превосходишельство ! Теперь я не могу опвѣчашъ вамъ ничего. Позвольте мнѣ подумать, сообразишь свои средспва и силы.

— О, ихъ доспанешъ у васъ; пособія будупъ вамъ даны , какія хошите. Надобно только доброе ваше желаніе.

— Не даю слова , и не опказываюсь. Черезъ нѣсколько дней буду имѣть честъ явишься къ вамъ съ обѣщаніемъ или извиненіемъ.

Ломоносовъ не хотѣлъ сознашься, не только Шувалову, но и самому себѣ, что Россійская Испорія не его предмешъ; не хотѣлъ особенно

послѣ ссоры съ Миллеромъ , къ которой была она безвиннымъ поводомъ. Желая угодить своему благодѣтелю , онъ возобновилъ въ памяти прежнее , перелистывалъ нѣсколько книгъ , и пошчасъ началъ сочинять планъ. Запутанность всѣхъ путей на этомъ поприщѣ , необработанные , невѣрные матеріалы , и самая огромность труда заславили его сначала задуматься. Онъ увидѣлъ , что хаосъ Русской Исторіи пребудетъ большихъ предварительныхъ занятій , и рѣшился прежде всего написать Лѣтопись , то есть хронологическое указаніе событій. Это могло служить для него самого пріуготовительнымъ ознакомленіемъ съ источниками Русской Исторіи , и вмѣстѣ съ тѣмъ показать Шувалову , что онъ готовъ исполнять его волю.

Черезъ нѣсколько дней онъ принесъ къ нему свой планъ занятій Русскою Исторіею. Шуваловъ долго вникалъ въ него , разсуждалъ о немъ , и наконецъ одобрилъ всѣ предположенія своего любимца. Какъ будто мимоходомъ , ксати , онъ просилъ его написать нѣсколько надписей къ прозрачнымъ картинамъ при будущей иллюминаціи. Ломоносовъ уже привыкъ работать по заказу , и пошому безъ удивленія , даже съ удовольствіемъ принялъ на себя и этошъ заказъ. Но возвращаясь опъ Шувалова домой , онъ почти съ досадою подумалъ , что опъ него безпрестанно пребудутъ новыхъ услугъ , а сами

не хошашъ исполнишь небольшой просьбы о пособіи въ мозаическихъ работахъ. Покровитель его даже не упомянулъ объ этомъ, хошъ онъ уже давно просилъ его бышь заспущникомъ своимъ у Императрицы.

Занятія Русскою Исторіей были для него скучны, даже непріятны, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ Исторіи вообще. Во-вторыхъ, ссора съ Миллеромъ не могла не оспа-вить на душѣ его черной тѣни, и предметъ, кошорый всякій разъ напоминалъ ему нехорошій поступокъ, опъ этого самаго казался еще тягостнѣе. Наконецъ, онъ покидалъ для нелюбимаго занятія свои задушевные пруды. О! послѣ этого могла-ли двигаться его Русская Исто-рія? Нѣтъ! онъ продолжалъ изысканія надъ нею, но продолжалъ какъ поденьщикъ заданную работу. Не лзя не прибавить, что всякая Наука, всякое Искусство, необходимо пребуешъ *всего* чловѣка, по естѣ исключительнаго занятія его однимъ предметомъ, а Ломоносовъ засѣдалъ въ Академіи, въ Канцеляріи, читалъ лекціи, прудился надъ разными диссертаціями, почти безпрестанно писалъ по заказу стихи, рѣчи, и еще долженъ былъ дѣлишь свои часы между нѣсколькими Науками и Искусствами! Такъ въ 1754 году онъ написалъ и произнесъ *Слово о пользѣ Химіи*, работалъ

надъ Русскою Грамматикою, изслѣдывалъ элек-
причесво, и наконецъ забывалъ и Испорію и
все для своей Мозаики. Впрочемъ, онъ отды-
халъ за нею, радовался своими успѣхами, и жа-
лѣлъ только, что у него мало средствъ для
обширныхъ работъ мозаическихъ: онѣ требова-
ли денегъ.

Признашельность къ Шувалову не удержива-
ла его иногда отъ неперпѣливыхъ движеній.
«На что дали они мнѣ эшотъ чинъ Коллежска-
го Совѣтника!» думалъ онъ. «Лучше было об-
рашшь вниманіе на Мозаику, эшо невѣдомое
у насъ Искусво, для кошораго нѣтъ у меня
средствъ. Иванъ Ивановичъ очень добръ, при-
вѣпливъ; а что-бы ему замолвишь слово за нее!
Онъ навязалъ на меня Россійскую Испорію. Но
я чувствую, что не созданъ для нея, и отъ
шого она идетъ у меня такъ вяло. Напрошивъ,
сколько прекраснаго сдѣлалъ-бы я для моего
Искусва!»

Эши жалобы однакожь были только доказа-
тельствомъ, какъ любилъ онъ новое свое заня-
шіе. Посреди всѣхъ шрудовъ, препяшшвій и
недосшашка въ средствахъ, онъ продолжалъ
свои опыты. Безпрешанно получая благоволе-
нія и подарки за свои сшихи и рѣчи, онъ пи-
салъ ихъ нѣ-хошя, можно сказать по должности,
потому что хошъ и не имѣлъ званія *поэта*
увѣнчаннаго (poëta laureatus), однако былъ

имъ на дѣлѣ. Въ новомъ художествѣ , напрошивъ , онъ находилъ больше поэзіи и больше наслажденія , нежели во всѣхъ своихъ сшихахъ.

Шуваловъ часто уѣзжалъ изъ Пешербурга, въ свитѣ Императрицы, которая любила Москву и много разъ въ свое царствованіе посѣщала ее. Она возвратилась послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ , и вскорѣ Ломоносовъ получилъ онъ своего покровителя уведомленіе , что Императрица благосклонно разсматривала образцы мозаики и велѣла оказать *всякое пособіе трудолюбивому изобрѣтателю*. Ломоносовъ обрадовался какъ дитя, но скоро увидѣлъ, что значило это неопредѣленное *пособіе*. Въ самомъ дѣлѣ: прямого *указа* не было , а безъ назначенія кто могъ пособить художнику? Въ Академію онъ не смѣлъ обратиться; да и что могла она сдѣлать для него? Шувалова опять не было; оставался еще одинъ милоспивецъ , Графъ Воронцовъ , который и представилъ Императрицѣ мозаику. Ломоносовъ пришелъ къ нему.

Графъ наговорилъ ему лестныхъ похвалъ за всѣ труды его , совѣщивалъ продолжать ихъ, а о мозаикѣ прибавилъ, что онъ *позаботится*.

Опять неопредѣленность , опять надежда съ одними обѣщаніями!

Но, скажите: кому надобность покидать свои важныя дѣла для ходатайства о постороннихъ?

Самъ Шуваловъ былъ въ этомъ отношеніи оригиналомъ, почти чудакомъ, и только силою своихъ родственныхниковъ, Графовъ Шуваловыхъ, могъ являться заспунникомъ постороннихъ для него дѣлъ и людей. Ломоносовъ рѣшился и въ этомъ случаѣ обратиться къ нему. Онъ описалъ ему свое положеніе искренно: ободрительный взглядъ Императрицы былъ для него конечно величайшею наградою, но для продолженія опытовъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія мозаики, были необходимы вещественныя пособія, то есть деньги, и привиллегія на заведеніе фабрики мозаическихъ работъ. Безъ привиллегіи, могли воспользоваться его же трудами, и тогда, въ награду за нихъ, онъ получилъ-бы только убытокъ.

Шуваловъ отвѣчалъ на это письмо, можетъ быть искренними похвалами дарованіямъ, учености, трудолюбію Ломоносова. Одобривъ всѣ предположенія его, онъ обѣщался исходатайствовать ему и денежное пособіе, и привиллегію; но шутъ-же, въ видѣ совѣта, говорилъ, что лучше-бъ было ему заняться прилежнѣе Исторіею Русскою, такъ, что даже оставивъ для нея, хоть на время, и Физику, и Химію, и Мозаику.

Это взбѣсило нашего поэта. Въ первомъ пылу досады на людей, слишкомъ худо понимающихъ его, онъ хотѣлъ отвѣчать, что уже до-

вольно работаешь по заказу ; что это убивает его способности , и что ему легче отказатьсь отъ всѣхъ покровителей , нежели оставишь любимыя занятія свои для изобрѣшаемыхъ чужими разсчетами ; короче , не перелетая за границы понятій своего вѣка , онъ хотѣлъ-бы выразить ту мысль , что поэтъ не воленъ въ выборѣ своихъ занятій , своихъ одушевленій , своихъ поэтическихъ трудовъ. Но размышленіе усмирило его ; смиренный характеръ вѣка побѣдилъ пылкость души ; однако вошъ что , между прочимъ , ошвѣчалъ онъ Шувалову : « Чтожъ до другихъ моихъ въ Физикѣ и Химіи « упражненій касаешься , чтобы ихъ вовсе по- « кинушь , то нѣтъ въ томъ ни нужды , ни же « возможности. Всякъ человекъ пребуешь себѣ « отъ трудовъ упокоенія : для того , оставивъ « настоящее дѣло , ищешь себѣ съ гостями или « съ домашними препровожденія времени кар- « тами , шашками и другими забавами , а иные « и табачнымъ дымомъ , отъ чего я уже давно « отказался , за тѣмъ , что не нашелъ въ нихъ « ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю , что и « мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ , копорые я « на собраніе и на сочиненіе Россійской Исто- « ріи и на украшеніе Россійскаго слова пола- « гаю , позволено будетъ въ день нѣсколько ча- « совъ времени , чтобы ихъ вмѣсто билльярду « употребить на физическіе и химическіе опы-

« ты, копорые мнѣ не шокмо опмѣною маше-
 « ріи, вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто
 « лекарсшва служишь имѣюшъ, и сверхъ сего
 « пользу и честь опечесшву конечно принесши
 « могушъ, едва-ли меньше первой.... Чпо-жь
 « до окончанія моего всепокорнѣйшаго проше-
 « нія надлежишъ о фабрикѣ, шо не думайше,
 « милосшивый государь, чшобы она могла мнѣ
 « препяшсшвовашъ, ибо шѣмъ окончающся всѣ
 « мои великіе химическіе шруды, въ копорыхъ
 « я при года упражнялся, и копорые безплодно
 « потеряшъ мнѣ будешъ несносное мученіе, и
 « много большее препяшсшвіе, нежели отъ са-
 « михъ оныхъ опасашся должно. »

Негодованіе на людей, не поспигающихъ
 важности его заняшя, нѣсколько времени шай-
 лось въ душѣ Ломоносова, и наконецъ онъ рѣ-
 шился написашъ Шувалову, въ сшихахъ, *Письмо*
о пользѣ стекла. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ поэ-
 шическихъ порывовъ, но ешъ въ нѣкопорыхъ
 мѣсшахъ одушевленіе. Кажешся, ясно видишъ
 Ломоносова, заняшаго своею мыслью о мозаи-
 кѣ, и въ звонкихъ сшихахъ объясняющаго сво-
 ему покровишелю, что не надобно презирашъ
 искусствва, какъ-бы ни казалось оно ничшожно
 при первомъ взглядѣ.

Онъ былъ въ эшо время очень друженъ съ
 Профессоромъ Шшелинымъ. Однажды, почшенный
 Профессоръ навѣсшилъ своего пріятеля, и на-

шелъ его въ непонятномъ для спокойнаго ума расположеніи. Разговоръ завязался о поощреніяхъ и наградахъ, которыя шакъ часто получалъ Ломоносовъ, и Шшелинъ ошъ чистаго сердца радовался *счастію* его.

« Счастію! » воскликнулъ Ломоносовъ. « Г. Профессоръ! я не желаю вамъ эшого счастья.

— Но, Г. Ломоносовъ, чего-же недоспаеиъ вамъ? Вы уважаемы, почтены ошъ всѣхъ; награда у васъ много! . . .

« Чшѡ называете вы наградами? Чины? деньги? ласковыя слова?

— Я не знаю, если эшо не награды, шо какъ-же названъ ихъ?

« Да, для толпы конечно нѣшъ ничего выше! Но мы съ вами должны понимать вещи не просшонароднымъ умомъ. Для меня было-бы величайшею, единсшвенною наградой, если-бы меня поняли, оцѣнили мои занятія, ошдали справедливосшъ моимъ трудамъ.

— Но Графъ Пешръ Ивановичъ, Графъ Михайло Ларіоновичъ, Графъ Кирилль Григорьевичъ, и множесшво другихъ, знаменишыхъ и почтенныхъ особъ, развѣ не ошдающъ вамъ справедливосши?

« Нѣшъ!... повшоряю: нѣшъ!... Я очень дорожу одобреніемъ, особенно нѣкоторыхъ изъ эшихъ господъ, но желалъ-бы видѣшъ что-шо иное. Знашныя люди не цѣнишели дарованій и

заслугъ ученыхъ. Они исполняютъ благородную обязанность, когда хвалятъ ихъ; но такъ-же хвалятъ они заслуги какого нибудь Воеводы, какого нибудь Поручика въ полку. Я хорошъ для этихъ людей, какъ полезный членъ Государства, а не какъ ученый и лиштерашоръ. Понимаете-ли вы теперь, чего хочу я?

— Понимаю, понимаю! Вы хотите одобренія. . . .

« Учаспія, Г. Профессоръ, учаспія! Чпѡ мнѣ въ одобреніи? Я самъ знаю, чпѡ не современники такъ пошомки одобряютъ мои труды и заслуги; но я желалъ-бы, какъ лучшей награды, учаспія, сердечнаго учаспія современниковъ.

— Но умные люди и такъ всѣ на вашей сторонѣ.

« О, эшо было-бы слишкомъ много; эшо даже невозможно. Умные люди обыкновенно самые упрямые люди, и чпѡбы расшевелишь ихъ сердца, надобно покоришь ихъ, изумишь необычайнымъ. И шупъ еще сомнишельно чпѡбы они полюбили шакого покоришеля!

« По крайней мѣрѣ вы вѣрите дружбѣ немногихъ, испинно любящихъ васъ?

— Безъ сомнѣнія; но эти любили-бы меня, если-бъ я и не былъ Профессоръ, ученый, лиштерашоръ; мы и говоримъ объ учаспії не къ челоуку, а къ его занятіямъ.

« Такъ я , право , не понимаю чего хошите вы, и повпору, что умные люди уважають васъ, знашныя цѣнятъ ваши заслуги; сама Императрица. . . .

— Не употребляйте всеу этого священнаго имени ! Я благоговѣю къ Императрицѣ , личной моей благодѣтельницѣ ; но она, можетъ быть, одна вполнѣ награждаетъ меня своимъ милоспивымъ воззрѣніемъ.

— А благодѣтельные вельможи ея?

Ломоносовъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ сложивъ руки и опивчалъ :

« Да , они конечно благодѣтельны ; только вспрѣчи съ ними бывають иногда горьки для меня.

Шшелинъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

« Да , Г. Профессоръ!... Знаете-ли, что они смопрятъ на насъ какъ на дѣшей, кошорыхъ надобно ободрять за прилежаніе и хорошее поведеніе?... А награды опъ нихъ!... Одобренія! награды!... Смѣшно и вспомнишь, за что иногда хвалятъ и награждаютъ они!... За какіе нибудь шпишонки, кой-какъ написанные ! за слово , красно сказанное!... А истинныя заслуги всего чаще оспаються не замѣченными.

Добрый Шшелинъ почти вышелъ изъ терпѣнія опъ этихъ нападковъ на цѣлый свѣтъ , и сказалъ полу-иронически :

— А все-таки лучше что нибудь, чѣмъ ничего!

« Вошъ эшо такъ!... Нищему и копѣйка дорога. Но если-бъ знали вы, чего пребуюшъ ошъ меня!... Почши половина моихъ заняшій прошивъ воли. Русская Испорія, стихи, канцелярскія каверзы, разныя опношенія и вздоры поглощающъ слишкомъ много моего времени. Я не имѣю ни досуга, ни свободы заняться чѣмъ-бы хошѣлъ; занимаюсь урывками, кой-какъ, часто безъ всякихъ пособій. Можно-ли ждашъ, можно-ли пребовашъ ошъ меня чего нибудь великаго? Да, если попомки скажущъ: Ломоносовъ мало сдѣлалъ! пущъ развѣдающъ они, какъ занимался обвиняемый ими Ломоносовъ.

— Но, вы все-таки дѣлаете, и еще сдѣлаете много хорошаго.

« Можешъ бышъ! Молю объ эшомъ Бога! Но до сихъ поръ я еще шолько гошовлюсь.

— О, помилуйте, Г. Ломоносовъ!

« Да, любезный Профессоръ!... Много, слишкомъ много препяшсшвій для всѣхъ моихъ начинаній. Мнѣ хочешся охвапишъ міръ, а меня заспавляющъ обнимаешъ пылинку!... »

Въ эшо время явился Поповскій. Онъ привелъ съ собой молодаго человѣка, пріятнаго наружношью и обращеніемъ.

« Позвольте, » сказалъ незнакомый, « прежде

всего извинишься, что я осмѣлился нарушить ученыя ваши занятія. . . .

— А мнѣ позволите представить вамъ Михайла Мавѣевича Хераскова, который любитъ Русское стихотворство и слѣдовательно уважаетъ васъ — прибавилъ Поповскій.

«Благодарю за честь, молодые любители Словесности!» сказалъ Ломоносовъ. «Но зачѣмъ такія церемоніи!... Ты знаешь, Николай Никитичъ, что я, особенно у себя дома, человекъ самый простой. Сердечно радъ, Михайло Мавѣевичъ, встрѣишь новаго собрата; потому что вѣрно вы и сами занимаетесь Словесностью?»

— Хочу посвящать себя ей совершенно. Для этого оставилъ я военную службу.

«А! вы уже успѣли послужить и на этомъ поприщѣ?»

— То есть я учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, вышелъ опшуда въ армію Поручикомъ, а теперь опредѣлился въ спашскую службу.

«Точно какъ нашъ знаменишый Г. Сумарковъ! Впрочемъ, можетъ быть, вы съ нимъ пріятели? . . . .»

— О, нѣтъ! Онъ вышелъ изъ Корпуса гораздо прежде меня. А я не имѣлъ чести встрѣишься съ нимъ въ обществѣ.

« Да, великій человѣкъ Г. Сумароковъ! Не правда-ли? » смѣясь сказалъ хозяинъ своимъ гостямъ.

— Шушите, Михайло Васильевичъ! — примолвилъ Поповскій. — А его слава гремитъ по Петербургу.

« Гремитъ? право? »

— Да, актеры, выписанные изъ Ярославля, представляли недавно, при Дворѣ, какую-то его трагедію, и похвалялись нѣтъ конца!

« Въ самомъ дѣлѣ? »

— Это вѣрно. Императрица чрезвычайно милоспиво опозвалась о сочиненіи и объ игрѣ актеровъ.

« Ну, теперь нашъ Сумароковъ съ ума сойдешь. »

« А вы, Михайло Васильевичъ — спросилъ Херасковъ — неужели не изволише находить дарованія въ трагедіяхъ Г-на Сумарокова? »

Ломоносовъ принужденно улыбнулся и оповѣчалъ:

« Правду сказать: удивляюсь, какъ и находишь въ нихъ что нибудь! »

— Но, позвольте замѣтить, что онѣ написаны точно по плану Г-на Расина, Г-на Корнеля и другихъ знаменитыхъ трагиковъ.

« Поздравляю съ эшимъ Г-на Сумарокова; но для меня онъ что-то не похожъ ни на кого, кромѣ своего друга Тредьяковскаго. »

— А Г. Тредьяковскій, какъ по вашему мнѣнію?

« Дуракъ!

Херасковъ сдѣлалъ изумленное лицо, и не зналъ что возразить на это сильное слово; Поповскій улыбнулся, а Шшелинъ смѣясь сказалъ:

— Соперничество, любезный другъ, соперничество! Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ поселяшь въ молодая головы шакія рѣзкія мнѣнія?

« Я говорю что думаю. Неужели-жъ мнѣ должно припворяться съ молодыми людьми?

— Совсѣмъ не то! Однако....

« Однако, если-бы всѣ говорили дурнымъ писателямъ прямо, что они пишутъ дурно, скучно, глупо, ихъ не было-бы шакъ много. А то, мы Рускіе, еще только начинаемъ учиться азбукѣ, и ужъ успѣли развесити цѣлое племя рифмоплѣшовъ!

Эти слова очень не понравились Хераскову, у кошораго было въ карманѣ какое-то *пѣснопѣніе*. Онъ удержался показатъ его шакому ешроному арисшарху.

Вскорѣ Шшелинъ взялъ свою шляпу и осшавилъ бесѣдовать прехъ поэшовъ. Уходя, онъ шепнулъ своему пріятелю:

— Бьюсь обѣ закладъ, что эшопъ юноша стихопворецъ!

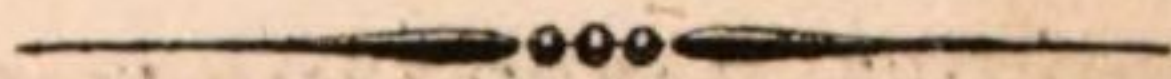
Ломоносовъ улыбнулся, и проводивши своего

пріѣхавша возобновилъ разговоръ о спихошворствѣ. Онъ былъ неумолимъ къ Сумарокову и Тредьяковскому. Молодой Херасковъ не вѣрилъ ушамъ своимъ: онъ всегда находилъ удивительныя красоты въ обоихъ эпихъ спихошворцахъ, и удивленіе его было одинаково и къ нимъ, и къ тому у кого сидѣлъ онъ въ гостяхъ. Онъ запѣмъ и явился, чшобы посмопрѣшь на Ломоносова какъ на дивное диво, и вышедши на улицу, вмѣстѣ съ Поповскимъ, сказалъ :

— Видно, что Г. Ломоносовъ не любишь ни Г-на Сумарокова, ни Г-на Тредьяковскаго! А я почель-бы за счасіе писашь какъ они.

Въ эпихъ словахъ двадцаши-лѣшняго юноши вполнѣ выразился будущій шворецъ *Владимира, Россіяды*, и дюжины шомовъ другихъ усыпительныхъ сочиненій.

Глава XII.

Шуваловъ испросилъ наконецъ для Ломоносова денежное пособіе, и привиллегію на заведеніе мозаической фабрики. Можно представишь себѣ восторгъ и радость нашего художника! Онъ поспѣхъ забылъ свои неудовольствія, свои жалобы на знашныхъ, и написалъ благодарительное письмо къ своему покровителю. Шуваловъ, въ отвѣтъ на это замѣшилъ ему, между прочимъ, что многіе опасаются, не изнѣжился-бы и не оспавилъ-бы наукъ любимецъ его, такъ щедро награждаемый Высочайшею милостію. Ломоносовъ благодарилъ его за участіе въ своемъ жребіи, но между прочимъ писалъ: «Высочайшая щедрота несравненныя Монархи-
«ни наша, копорую я вашимъ опеческимъ
«предстательствомъ имѣю, можешъ-ли меня
«опвесити отъ любленія и отъ усердія къ на-
«укамъ, когда меня крайняя бѣдность, копо-
«рую я для наукъ терпѣлъ добровольно, оп-

« врашишь не умѣла ? » Описавши нѣкошорыя случаи жизни своей , онъ прибавилъ :

« Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство въ томъ бытъ обнадѣжену , что я всѣ свои силы употреблю , чтобы тѣ , кошорые мнѣ опъ усердія велятъ бытъ предоспорожну , были обо мнѣ безпечальны; а тѣ , кошорые изъ недоброхошной зависти шолкуютъ , посрамлены-бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были , и знатъ-бы научились , что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрятъ не должны.... Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи , что ученый человекъ долженъ бытъ бѣдѣть; шому я предлагаю въ примѣръ съ его спороны Діогена , кошорый жилъ съ собаками въ бочкѣ , и своимъ землякамъ оспавилъ нѣсколько оспроумныхъ шупокъ для умноженія ихъ гордости , а съ другой спороны Невшона , богашаго Лорда; Боила , кошорый всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа , кошорый лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ шого Баронство ; Слоана въ Англіи , кошорый послѣ себя шакую библіотеку оспавилъ , что никшо привашно не былъ въ состояніи купишь , и для шого Парламентъ далъ за нее двадцать тысячъ фуншовъ *штерлинговъ*. »

Поэтъ писалъ опъ души. Въ самомъ дѣлѣ , никогда еще дѣятельность его не доспигала

шакой снеспени и не доказывалася такими важными трудами и занятиями. Онъ съ жаромъ предавался труднѣйшимъ изслѣдованіямъ химическимъ и физическимъ. Въ Физикѣ занимали его особенно теорія теплоты и теорія электричества, въ чемъ искреннимъ и лучшимъ участникомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Химія не ограничивалася у Ломоносова профессорскою кафедрою; онъ производилъ множествъ опытовъ для самой науки, и, не щадя никакихъ просьбъ и ходатайствъ, добился наконецъ, что ему поручили совершенно перестроить, распространить и увеличить лабораторію. Это занимало его чрезвычайно. Астрономія также увлекла его къ себѣ. Поповъ, бывшій въ это время уже Профессоромъ Астрономіи, и Профессоръ Красильниковъ, ученикъ Делиля и Фархфарсона, служили ему руководителями въ наукѣ неба. Кажется, и этихъ занятий доспащочно-бъ было для самой упорной дѣятельности; но для Ломоносова Естественное вообще было оидыхомъ, какъ самъ онъ называлъ это. Гораздо больше труда стоили ему Русская Исторія, Русская Грамматика и Кранорѣчіе, потому что онъ сочинялъ книги вдругъ по всѣмъ этимъ предметамъ. После этого безъ самохвальства могъ онъ писать и писать къ Шувалову:

« Ежели кто по своей профессіи и должно-

« спи чишаешъ лекціи, дѣлаешъ опыты новыя ,
 « говоришь публично рѣчи и диссертаціи, и въ
 « оной сочиняешъ разные стихи и проекты къ
 « торжественнымъ изъясненіямъ радости, со-
 « ставляешъ правила къ Краснорѣчію на своемъ
 « языкѣ и Исторію своего опечесства, и дол-
 « женъ еще на срокъ поставишь, ошъ того я
 « ничего больше пребовашь не имѣю и гошовъ-
 « бы съ охошою имѣшь терпѣніе, когда-бы поль-
 « ко что пушное родилось. »

Но его не упомляли всѣ эти многочисленные пруды. Получивши средства, онъ уже наспо-
 ящимъ образомъ занялся мозаикою, и вскорѣ опы-
 ты и успѣхи его въ ней увеличились до того,
 что онъ рѣшился сдѣлать мозаическій портретъ
 любимаго своего героя, Петра Великаго. Самъ,
 своими руками, приготоовилъ онъ, въ плавиль-
 ной печи, необходимыя цвѣтные камни; самъ
 изобрѣлъ масшику, на копорую накладывающся
 они, и съ Донгауерова портрета началъ изоб-
 ражать лицо безсмертнаго преобразителя Рос-
 сіи. Извѣстенъ этотъ мозаическій портретъ,
 еще недавно украшавшій галерею одного лю-
 бителя. Не какъ произведеніе Искусства, но
 какъ первый опытъ въ Искусствѣ, сдѣланный
 безъ всякаго руководства, кромѣ собственна-
 го генія художника, онъ достоинъ удивленія,
 не меньше паникадила, вышоченнаго руками
 великаго Петра.

шакой снелени и не доказывалася такими важными трудами и занятиями. Онъ съ жаромъ предавался труднѣйшимъ изслѣдованіямъ химическимъ и физическимъ. Въ Физикѣ занимали его особенно теорія теплоты и теорія электричества, въ чемъ искреннимъ и лучшимъ участникомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Химія не ограничивалась у Ломоносова профессорскою каедрою; онъ производилъ множествъ опытовъ для самой науки, и, не щадя никакихъ просьбъ и ходатайствъ, добился наконецъ, что ему поручили совершенно пересмотрѣть, распространить и увеличить лабораторію. Это занимало его чрезвычайно. Астрономія также увлекла его къ себѣ. Поповъ, бывшій въ это время уже Профессоромъ Астрономіи, и Профессоръ Красильниковъ, ученикъ Делиля и Фархфарсона, служили ему руководителями въ наукѣ неба. Кажется, и этихъ занятій доспашочно-бъ было для самой упорной дѣятельности; но для Ломоносова Еспеснвознаніе вообще было ошдыхомъ, какъ самъ онъ называлъ это. Гораздо больше труда стоили ему Русская Исторія, Русская Грамматика и Кранорѣчіе, потому что онъ сочинялъ книги вдругъ по всѣмъ этимъ предметамъ. Послѣ этого безъ самохвальства могъ онъ писать и писалъ къ Шувалову:

« Ежели кто по своей профессіи и должно-

« спи чишаешъ лекціи, дѣлаешъ опыты новыя ,
 « говоришь публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ
 « оной сочиняешъ разные стихи и проекты къ
 « торжественнымъ изъясненіямъ радости, со-
 « ставляешъ правила къ Краснорѣчію на своемъ
 « языкѣ и Исторію своего опечеснва, и дол-
 « женъ еще на срокъ поставишь, ошъ того я
 « ничего больше требовать не имѣю и готовъ-
 « бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда-бы поль-
 « ко что пушное родилось. »

Но его не упомляли всѣ эти многочисленные
 труды. Получивши средства, онъ уже наспо-
 щимъ образомъ занялся мозаикою, и вскорѣ опы-
 ты и успѣхи его въ ней увеличились до того,
 что онъ рѣшился сдѣлать мозаическій портретъ
 любимаго своего героя, Петра Великаго. Самъ,
 своими руками, приготоовилъ онъ, въ плавиль-
 ной печи, необходимые цвѣтные камни; самъ
 изобрѣлъ масшику, на которую накладывающіяся
 они, и съ Донгауерова портрета началъ изоб-
 ражать лицо безсмертнаго преобразителя Рос-
 сіи. Извѣстенъ этотъ мозаическій портретъ,
 еще недавно украшавшій галерею одного лю-
 бителя. Не какъ произведеніе Искусства, но
 какъ первый опытъ въ Искусствѣ, сдѣланный
 безъ всякаго руководства, кромѣ собственна-
 го генія художника, онъ достоинъ удивленія,
 не меньше паникадила, вышоченнаго руками
 великаго Петра.

Но въ по-же время какъ Ломоносовъ занимался своимъ прекраснымъ трудомъ въ мозаикѣ, другія дѣла его шли не меньше дѣятельно. Въ Академіи обыкновенно готовились за нѣсколько мѣсяцевъ къ годичному торжеству, которое при Императрицѣ Елисаветѣ оспирявлялось большею частію въ день ея восшествія на престолъ, 26 Ноября. Такъ было и въ 1753-мъ году. Ломоносову назначили произнести рѣчь изъ Физики, и онъ избралъ для нея предметомъ *воздушныя явленія*, при чемъ Рихманъ долженъ былъ производить, во время самаго акта, опыты въ подтвержденіе теоріи, излагаемой Ломоносовымъ. Предметъ рѣчи и подробности теоріи занимали такимъ образомъ обоихъ друзей. Рихманъ чаще обыкновеннаго прихаживалъ къ Ломоносову, и въ одно изъ этихъ посѣщеній принесъ новость.

— Знаешь-ли, что наша теорія уже нашла себѣ изъяснителя?

« Какого? Гдѣ? » спросилъ шоропливо Ломоносовъ.

— О, конечно не въ Петербургѣ! Однакожь угадай: гдѣ?

« Въ Германіи.

— Нѣтъ, въ Америкѣ, въ Филадельфіи.

« Въ самомъ дѣлѣ? Но ты шутишь, Рихманъ!

— Нѣтъ, любезный другъ! Вотъ Англійская книга, гдѣ изложена теорія, похожая на нашу.

Рихманъ положилъ на столъ извѣстные: New exp. and obs. on electricity in several letters, etc.

— Сочинитель этой книги, какой-то Франклинъ, Американскій пипографщикъ, изумилъ меня своею проницательностью. Онъ, шакъ-же какъ мы, давно занимался электричествомъ и теоріею сѣвернаго сіянiя, но только теперь напечаталъ свои изслѣдованiя.

«А когда вышла въ свѣтъ его книга?» спросилъ Ломоносовъ, какъ человекъ, уже теряющій свое открытіе.

— Года два назадъ.... Вотъ: London, 1751.

«Но, неужели въ самомъ дѣлѣ теорія его сходна съ нашею?»

— Кажется. Впрочемъ, я только пробѣжалъ книгу, и спѣшилъ сказать тебѣ о ней. Разсмотришь тщательнѣе!

«Но ты знаешь, что я не читаю по-Англійски. Какъ досадно, и какъ это дурно, что нынче пишутъ ученые книги не все по-Латински!»

— Я пособлю тебѣ.

Друзья сѣли къ столу, и надобно было видѣть, какъ Ломоносовъ пожиралъ глазами и умомъ книгу Франклина! Незнакомый языкъ упрямился, не поддавался ему, шипѣлъ какими-то новыми, неясными звуками; но понятныя для Ломоносова слова Французскія и Нѣ-

мецкія, копорыхъ на половину въ Англійскомъ, давали ему намеки объ оспальномъ, а поясненія Рихмана совершенно дополняли смыслъ. Превосходна, торжественна была встрѣча эсихъ двухъ геніальныхъ умовъ : Франклина и Ломоносова ! Они почто писали объ одномъ предметѣ, производили почти одинакіе опыты и сошлись во многихъ опкрытіяхъ. Но чело-
вѣкъ, *отнявшій у неба молнію*, какъ назвалъ Франклина д'Аламберъ, долго и много занимался электричествомъ и метеорологією ; опкрытія его безсмертны и составляютъ одну изъ его славъ. Напрошивъ, нашъ соотечественникъ, мимоходомъ, урывками, посреди недосуговъ и множеству другихъ занятій, схватилъ нѣсколько идей, сходныхъ съ Франклиновыми, хотя не имѣлъ объ эсихъ ни малѣйшаго понятія. Довольно, при многихъ другихъ славахъ ! Ломоносовъ послѣ старался доказать, что онъ ни сколько не зналъ Франклиновой теоріи, и въ своей теоріи о причинѣ электрической силы въ воздухѣ *ничего не долженъ ему*. Еще просподушите оправданіе, что не у Франклина заимствовалъ онъ свою теорію свѣрнаго сіянія. Послѣ разныхъ доказательствъ эшого, онъ прибавляетъ : « Сверхъ сего, ода моя о свѣрномъ сіяніи, копорая сочинена 1743 года, а въ 1747 году въ Рипорикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе,

что сѣверное сіяніе движеніемъ ээира произведено бытъ можешъ. » Для насъ гораздо убѣдительнѣе этой ссылки на спихотвореніе доводъ нравственный: Ломоносовъ не былъ созданъ пользовався чужими трудами; у него все свое, все сообразно его вѣку и его генію. Сердце шрепещетъ опъ радости, когда видишь, что въ одно время, одинакія мысли занимали двухъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка, Франклина и Ломоносова, не вѣдавшихъ другъ о другѣ!... Они были раздѣлены океанами, жили въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ мірахъ общества, но Ломоносовъ шакъ-же извлекалъ искру изъ облака въ Петербургѣ, какъ Франклинъ въ Филадельфіи.

«Ну, брашъ!» сказалъ Ломоносовъ, пересмотрѣвши большую часть книги Франклина. «Эшотъ шипографщикъ шакъ уменъ, что я смиряюсь передъ нимъ! Только своего не опдамъ ему. Ты знаешъ, имѣлъ-ли я понятіе о его теоріи, когда составлялъ свою?»

— Эшотъ долженъ шы говоришь не для меня, а для свѣта, и можешъ бытъ для другихъ своихъ шоварищей. Скажи лучше: не радуешся шы, шспрѣшивши шакого челошѣка какъ Франклинъ?

«Но располкуй мнѣ: кто онъ? откуда?»

— Чшѡ намъ за дѣло до эшого?... Онъ ка-

кой-то Американецъ, шипографщикъ ; но , видно , голова , какихъ немного. Вошъ главное !

Ломоносовъ задумался и пошомъ сказалъ :

— Если-бы всегда была шакова учасшь необыкновеннаго подвига , что его понимали-бы не только близкіе свидѣтели , но и жишели другаго полушарія !

« Она шакова и ешть , любезный другъ ! Повѣрь , что ни одинъ полезный , великій шрудъ не погибаетъ !

— Нѣшть , это мечта ! Всего чаще , великій шрудъ , большой подвигъ , окружены такими обстоятельствомами и отношеніями , что ихъ даже шрудно поспигнуть и обнять съ самою доброю волею ! Не слава , а сознаніе , признательность дѳроги для того , кто посвящилъ жизнь свою пользѣ.... и всего чаще онъ лишенъ эшой награды !

— Что-жъ дѣлашь ! Иногда несправедливы люди , иногда и обстоятельство ! . . .

« А иногда и мы сами виноваты !... » прибавилъ Ломоносовъ взявъ Рихмана за руку . « Наша неперпѣливосшь , вѣпреносшь , тысячи увлеченій мѣшающъ нашимъ успѣхамъ , больше нежели все оспальное ! . . .

Рихманъ видѣлъ , что эшощъ разговоръ можешъ привести Ломоносова въ грустное расположение . Онъ спѣшилъ прервать его вопросомъ :

— А что: успроиль-ли ты въ домѣ Шува-
лова шѣ игрушки, о которыхъ писалъ онъ?

Ломоносовъ улыбнулся.

«Благодѣтель мой Иванъ Ивановичъ порядоч-
ный вѣпреникъ! Пишешь, чтобы я успроиль
въ домѣ его разные опшическіе фокусы и элек-
прическія игрушки, а тамъ еще нѣтъ ни по-
ловъ, ни пошолковъ, ни лѣсшницъ, и я чупь
не сломилъ себѣ шею осмашпривая его домъ!
Таковъ эшощъ рѣдкій человѣкъ бываетъ иногда
и въ важныхъ дѣлахъ.

— Ну, а машины, о которыхъ писалъ онъ?

«Я радъ-бы исполнишь все, да нѣ къмъ! Ты
знаешь, что я не могу и для себя сдѣлать
элекпрической машины, такъ что вмѣсто нея
долженъ употреблять облака, къ которымъ съ
кровли шешъ высавилъ. Пошому-то я и оп-
вѣчлаъ Ивану Ивановичу, что если ему надоб-
ны какіе инспрументы, такъ пусть дастъ мнѣ
позволеніе предсхавишь въ Академическую Кан-
целярію его именемъ. Тогда я могу приказывать
масшерамъ. А шо, даже въ его дворѣ я не
могъ досхашъ себѣ споляра, для опдѣлки
элекпрической машины. Такъ бѣдны мы сред-
схвами для всѣхъ своихъ ученыхъ предпріа-
шій! . . .

— Ничего, любезный другъ! Мы побѣдимъ и
преодолѣемъ все. Надобно только мужество и
терпѣніе!

« Да, и особенно необходима надежда на самихъ себя. . . . »

Друзья разошлись.

Черезъ нѣсколько дней (26 Іюля 1753 года), они опять сошлись въ Конференціи Академіи, и разговоръ зашелъ о будущемъ шоржеспивенномъ акшѣ.

— Я не боюсь теперь Франклина, разсмотрѣвши его теорію! — сказалъ Ломоносовъ. — Наши и его опыты слишкомъ различны.

« И еще очень несовершенны! » сказалъ всегда опккровенный Рихманъ.

— Да, но они важны для науки при всемъ несовершенствѣ своемъ.

« Безъ сомнѣнія: иначе на что было-бы и заниматься ими. О, я надѣюсь, что на акшѣ мы изумимъ нашу публику.

— Не мы, а ты, потому что мое дѣло будешь орапорствовать.

« Жаль, что въ Академической залѣ не лѣзя посшавить громоваго снаряда, и привлечь молнію прямо изъ облаковъ.

— Довольно будешь и твоей электрической машины. Впрочемъ, эша имѣешь шу выгоду, что ею можно всегда показашъ электрическую силу, а для громоваго снаряда надобно особенное расположеніе воздуха, шучи, громъ.

« Слѣдовашельно намъ должно желашъ грозы въ день акша! » сказалъ смѣясь Рихманъ.

— Грозы 26-го Ноября!

« Да , правда ; еще долго ждешь до этого .

— Ровно чешыре мѣсяца . А между тѣмъ мы успѣемъ подтвердитъ нашу догадку , что иногда и безъ грозы въ воздухѣ бываетъ электрическое расположеніе .

« Я въ этомъ и не сомнѣваюсь . А вошъ твои разноцвѣтныя искры мнѣ что-то невѣроятны !

— Ты все еще споришь противъ нихъ ! — возразилъ Ломоносовъ . — Хорошо , я постараюсь доказать это тебѣ при первой громовой тучѣ .

Рихманъ засмѣялся . Засѣданіе въ Конференціи кончилось рано , и Профессоры начали расходиться . Прощаясь съ Ломоносовымъ , Рихманъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи , и сказалъ смѣясь :

— И шакъ до первой грозы ?

« Да ! Я или приду къ тебѣ , или позову къ себѣ невѣрующаго !

— Ну , жаль , что сегодня такой ясный , удивительный день !

Въ самомъ дѣлѣ , день былъ прелесный . Когда друзья пошли каждый къ себѣ домой , небо казалось опрокинутою яхонтовою чашей ; солнце лило свое золото съ самою лѣпшею роскошью , и Петербургскіе жилили какъ будто дивились такому свѣтлому , роскошному дню .

Ломоносовъ былъ уже дома, когда къ нему вошла Христина и мимоходомъ сказала :

— Какая шуча подымается ошъ сѣвера!

« Въ самомъ дѣлѣ? » спросилъ радосно Ломоносовъ.

— Да, ужасная шуча. Тебѣ радоснь!

« И конечно! »

Онъ поспѣшилъ на крыльцо. Въ самомъ дѣлѣ, ошъ сѣвера неслась черная, громовая шуча. Скоро слышались и раскаты грома, но дожда не было. Ломоносовъ приблизился къ своему громовому снаряду, шо есть къ желѣзному шеспу, выпавленному на крышѣ, ошъ кошораго былъ проведенъ желѣзный прунъ. Признаковъ элекпритесшва не было. Между шѣмъ громъ усиливался, и вскорѣ изъ проволоки начали выскакивать искры. Въ эшо время къ Ломоносову пришла жена, звать его обѣдать.

— Погоди, мой другъ!—отшвѣчалъ онъ.—Видишь какое любопытное явленіе! . . . Видишь! Развѣ эши искры не разныхъ цвѣшовъ?

« Да, разноцвѣшныя! Такъ что-же? »

— Рихманъ еще сегодня спорилъ со мной, что эшо невозможно.

Къ нимъ подошли другіе домашніе, и всѣ сшали безпреспанно дошротгивашься до проволоки. Искры выскакивали сильнѣе и сильнѣе: эшо забавляло ихъ. Наконецъ, влезанно раздался такой ударъ грома, что всѣ

бросились бѣжать. Хриспина уговаривала своего мужа также ошойдши, пошому что ей было спрашно. Однако онъ оспался еще на нѣсколько минушъ, покуда элекпирическая сила не ишощилась совершенно. Тогда шолько пошелъ онъ за спошъ, гдѣ уже ожидали его шци.

Не много минушъ сидѣли они за спошомъ, когда дверь быспро расшворилась, и въ спошовую вбѣжалъ слуга Рихмана. Лицо его было блѣдно, по щекамъ кашились слезы; онъ не могъ выговорить ни одного слова.

— Чшò это? Не прибилъ-ли шебя кшо нибудь? — спросилъ Ломоносовъ.

Слуга собралъ послѣднiя силы, и высказалъ роковую вѣспь: Рихманъ убишъ громомъ.

Ломоносовъ вскочилъ изъ-за спола и пошелъ къ своему погибшему другу.

Чшò чувспвовалъ онъ, когда скакалъ къ его дому, и когда увидѣлъ шрупъ незабвеннаго Рихмана?... Мы опказываемся изобразить эту гореспную и шоржеспвенную сцену! Наши слова были-бы слишкомъ слабы и невыразительны передъ шѣмъ описанiемъ, какое сдѣлалъ самъ Ломоносовъ, въ шощъ-же день вечеромъ, еще подъ власшью своихъ взволнованныхъ чувспвъ, еще подъ всею шяжеспью своей прискорбной ушрашы! Вошъ письмо его къ Шувалову: выраженiе прекрасной, высокой души!

« Чшо я нынѣ къ Вашему Превосходитель-
 « ству пишу, за чудо почиайте, для шого,
 « чшо мершвые не пишуть. Я не знаю еще, или
 « по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живѣ-ли я
 « или мершвѣ. Я вижу, чшо господина Профес-
 « сора Рихмана громомъ убило, въ шѣхъ-же
 « точно обшоятельсхвахъ, въ кошорыхъ я
 « былъ въ шо-же самое время. Сего Іюля въ 26
 « число, въ первомъ часу по полудни, поднялась
 « громовая шуча ошъ норда. Громъ былъ нарочи-
 « то силенъ, дожда ни капли. Выспавленную
 « громовую машину посмошрѣвъ, не видѣлъ я ни
 « малаго признаку элекпрической силы. Однако,
 « пока кушанье на столъ спаавили, дождался я
 « нарочишыхъ элекприческихъ изъ проволоки
 « искоръ, и къ шому пришла моя жена и дру-
 « гія, и какъ я, шакъ и онѣ безпресшанно до
 « проволоки и до привѣшеннаго прута дошы-
 « кались, за шѣмъ, чшо я хошѣлъ имѣшь сви-
 « дѣтелей разныхъ цвѣшовъ огня, прошивъ ко-
 « шорыхъ покойный Профессоръ Рихманъ со мною
 « споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно гря-
 « нулъ въ самое шо время, какъ я руку держалъ
 « у желѣза и искры шрещали. Всѣ ошъ меня
 « прочъ побѣжали, и жена просила, чшобы я
 « прочъ шелъ. Любопытство удержало меня еще
 « двѣ или шри минушы, пока сказали, чшо
 « шти простынутъ; а при шомъ и элекприче-
 « ская сила почти перешала. Только я за спо-

« ломъ посидѣлъ нѣсколько минушъ, внезапно
 « дверь отворилъ человекъ покойнаго Рихмана,
 « весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я
 « думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ,
 « когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чужъ
 « выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло*. Въ
 « самой возможной спраси, какъ силъ было
 « много, прѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежишъ
 « бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея машь шаковы-
 « же какъ онъ блѣдны. Мнѣ и минувшая въ
 « близости моя смерть, и его блѣдное шѣло,
 « и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и
 « плачь его жены, дѣтей и дому столь были
 « чувствительны, что я великому множеству
 « сошедшагося народа не могъ ни на что дать
 « слова или отвѣта, смотря на того лицо, съ
 « коимъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи,
 « и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ
 « актѣ. Первый ударъ отъ привѣщенной линіи
 « съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ крас-
 « новишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ
 « него громовая электрическая сила изъ ногъ
 « въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разо-
 « дракъ, а не прожженъ. Мы спарались движеніе
 « крови въ немъ возобновить, за шѣмъ, что
 « онъ еще былъ шепль; однако голова его по-
 « вреждена, и больше нѣтъ надежды. И такъ,
 « онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что элек-
 « трическую громовую силу отвратишь можно,

« однако на шеспѣ съ желѣзомъ , кошорый дол-
 « женъ спюяшъ на пуспомъ мѣспѣ, въ кошорое-
 « бы громъ билъ сколько хочешъ. Между шѣмъ
 « умеръ Г. Рихманъ прекрасною смершю , ис-
 « полняя по своей профессіи должностъ. Память
 « его никогда не умолкнешъ ; но бѣдная его
 « вдова , пеща , сынъ пяпи лѣшъ , кошорый
 « добрую показывалъ надежду , и двѣ дочери,
 « одна двухъ лѣшъ , другая около полугода,
 « какъ объ немъ такъ и о своемъ крайнемъ
 « несчастіи плачущъ. Того ради, Ваше Превос-
 « ходишельство , какъ испинный наукъ люби-
 « шель и покровишель , будыше имъ милоспи-
 « вый помощникъ , чшобы бѣдная вдова лучшаго
 « Профессора до смерши своей пропишаніе
 « имѣла , и сына своего , маленькаго Рихмана,
 « могла воспишашъ , чшобы онъ такой-же былъ
 « наукъ любишель , какъ его ошець. Ему жало-
 « ванья было 860 рублей. Милоспивый государь!
 « исходашайспвуи бѣдной вдовѣ его или дѣ-
 « шямъ до смерши. За шакое благодѣяніе Го-
 « сподь Богъ васъ наградишъ , и я буду больше
 « почишашъ нежели за свое. Между шѣмъ, чшоп-
 « бы сей случай не былъ прополкованъ пропи-
 « ву приращенія наукъ , всепокорнѣйше прошу
 « миловашъ науки , и

Вашего Превосходишельства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Неужели энопъ краснорѣчивый голосъ сердца остался безъ ошвѣта? Зная умъ и благородство И. И. Шувалова, мы швердо вѣримъ, что несчастная вдова и дѣти Рихмана были прирѣны и успокоены.... Впрочемъ, чтобы ни было, а Рихманъ сошелъ со сцены міра! Онъ исчезъ, вмѣстѣ съ громомъ поразившимъ его. Какъ мужеспвенный воинъ, убишый въ пылу сраженія, онъ умеръ завидною, прекрасною смернію, по выраженію Ломоносова! Память его безсмертна для всѣхъ любящихъ науки и просвѣщеніе.

Глава XIII.

Ломоносовъ лишился въ Рихманѣ вѣрнаго друга и товарища. Онъ чувствовалъ это въ сердцѣ своемъ, и вскорѣ почувствовалъ въ дѣлахъ. Вошъ одинъ случай. Его поропили оканчивашъ рѣчь, не смотря на горестъ о погибшемъ другѣ; но когда онъ принесъ ее и прочишалъ въ Академическомъ собраніи, которое, кромѣ самого Ломоносова, сославляли только шрое Профессоровъ, то старшій изъ нихъ объявилъ, что онъ не знаетъ, будетъ-ли въ эшопъ годъ торжественное собраніе; что Дворъ въ Москвѣ, и надобно сождать опшуда извѣстія. Ломоносовъ явно видѣлъ шущъ желаніе досадишъ ему, особенно когда въ Конференціи спшали давашъ намеки, что рѣчь можно напечаташъ въ Сочиненіяхъ, издаваемыхъ Академіею. «Она не шакъ иисана!» возражалъ Ломоносовъ. «Для печати надобно ее передѣлашъ, а эшо вовлечешъ меня въ новый, напрасный шрудъ. И когда выйдетъ она въ свѣшъ печашная? Черезъ

два года! А я писалъ ее для настоящаго времени, и многое въ ней относилось къ смерти Рихмана!» Ломоносовъ проповѣдывалъ глухимъ: они не слушали его, и наконецъ заславили почти жаловавшаго Шувалову, который, вмѣстѣ съ Дворомъ, жилъ въ Москвѣ, но велъ съ Ломоносовымъ дѣятельную переписку. Помощь его была необходима нашему поэту, спѣсному со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ не могъ и думать объ исполненіи какихъ нибудь, особенно отдаленныхъ своихъ плановъ. Это часто выводило его изъ терпѣнія, и онъ ждалъ возврата Шувалова, какъ восхода свѣтлаго солнца. Но, будто нарочно, въ этотъ годъ Дворъ ославался въ Москвѣ очень долго. Впрочемъ, для себя Ломоносовъ не просилъ ничего, кромѣ справедливости, и чаще говорилъ за другихъ. Въ это время онъ горячо ходатайствовалъ за Поповаго, который перевелъ первое письмо *Опыта о геловѣкѣ*, и представилъ его своему Профессору. Ломоносовъ восхищился переводомъ, послалъ его къ Шувалову, и просилъ обратишь вниманіе на молодаго стихотворца. «Я весьма опасаюсь, чтобы его въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто Ректорское въ Гимназіи, послѣ Ректора Раппаккера, которое онъ весьма способно управляешь, зная Латинскій языкъ совер-

« шенно , и при томъ изрядно разумѣя Грече-
« скій , Французскій и Нѣмецкій ; а о искусствѣ
« въ Россійскомъ сей примѣръ объ немъ свидѣ-
« тельствуетъ. »

Шуваловъ оповѣчалъ , что переводъ *Опыта о*
человѣкѣ надобно доставить Президенту Ака-
деміи , Графу Разумовскому ; а что онъ , съ
своей стороны , замолвишь о немъ доброе
слово. Поповскій между тѣмъ окончилъ пере-
водъ почти всего сочиненія Пѣпа , и Ломоно-
совъ совѣщивалъ ему послать весь трудъ свой
вполнѣ , пересмотрѣвши его приспально. Мо-
лодой человѣкъ занялся этимъ.

Это было со стороны Ломоносова доброе
дѣло ; но въ то-же время онъ имѣлъ случай
показать свою проницательность и умъ , въ од-
номъ , по видимому , не важномъ случаѣ.

Шуваловъ просилъ его прислать ему Примѣ-
чанія къ Вѣдомостямъ , гдѣ помѣщались разные
ученныя списки. Исполнишь эту просьбу оказа-
лось невозможно , потому что газеты печата-
лись въ небольшомъ числѣ экземпляровъ , и
спарыхъ не могли отыскать ни въ одной биб-
ліотекѣ. Ломоносовъ писалъ объ этомъ съ до-
садой , и пошчасъ-же выразилъ мысль издавать
ученый Журналъ , въ родѣ современныхъ намъ
Англійскихъ *Обозрѣній*! Повѣримъ-ли этому мы,
лѣнивые послѣдователи человѣка , жившаго лѣтъ
за восемьдесятъ до насъ ? Но именно такой

ученый Журналъ предлагалъ издавать Ломоносовъ. Вотъ слова его:

« Весьма-бы полезно и славно было нашему
« опечесшву, когда-бы въ Академіи начались
« подобныя симъ (Вѣдомосшямъ) періодическія
« сочиненія: только не на такихъ бумажкахъ
« по одному листу, но повсямѣсячно, или по
« всякую четверть или прешъ года, дабы одна
« или двѣ-три машеріи содержались въ книжкѣ, и
« въ меньшемъ формѣ, чему много имѣемъ
« примѣровъ въ Европѣ, изъ кошорыхъ луч-
« шимъ послѣдовать, или-бы свой примѣнясь
« выбрать можно. Исполни Господь Богъ на-
« мѣренія и желанія любительей Наукъ, чего я
« всегда, а особливо въ начашіи Нового года,
« прошу, поздравляя съ шѣмъ Ваше Превосхо-
« дительство, и проч.

Эшо писалъ онъ въ началѣ 1754 года (за
восемьдесятъ слишкомъ лѣтъ до насъ!), изъ
Усшърудиць, съ бисерныхъ заводовъ. Не зна-
емъ, шамъ-ли была его Мозаичная фабрика?
Въ эшо время мозаическія работы его достиг-
ли такого совершенства, что онъ готовился
предпринять изгошвленіе цѣлыхъ каршинъ, и
предложишь нѣкошорыя изъ нихъ для украше-
нія Петро-Павловскаго собора. Надобно было
дождашься Шувалова, пошому что безъ него
у Ломоносова не дѣлалось ни что. Враги умѣ-
ли придашь видъ небывалыхъ зашѣй всѣмъ его

прудамъ , и этому вѣрили многіе , пошому что въ самомъ дѣлѣ почти всѣ предпріятія нашего поэта были неслыханными въ Россіи новостями. Самъ Шуваловъ , при всей увѣренности въ умѣ и дарованіяхъ своего друга , поддавался иногда злымъ навѣшамъ , и по крайней мѣрѣ приходилъ въ сомнѣніе. Это случилось и по возвращеніи его изъ Москвы, въ Маѣ 1754 года.

Ломоносовъ пошчасъ явился къ нему , облегчиль душу , кошорая наспрадалась безъ дружескаго учаспія. Трудно рѣшить , кому больше чеспи дѣлають такіа искреннія сношенія: вельможѣ , кошорый имѣлъ почти неограниченную силу при Дворѣ , и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ понималъ высокій умъ и сильную душу поэта , или поэту , кошорый безъ всякихъ искашельспвъ умѣлъ привязать его къ себѣ неразрывно ? Въ эшомъ разѣ однакожь Ломоносовъ съ первыхъ словъ замѣпилъ , что Шуваловъ какъ-шо спранно говоритъ съ нимъ , или , лучше сказашь , не договариваетъ чего-шо. Особенно почувствовалъ онъ равнодушіе ошвѣщавъ молодаго Камергера , когда рѣчь дошла до мозаики ; а эшо была самая чувствительная струна для Ломоносова. Онъ не вытерпѣлъ , и сказалъ съ обытною своею ошкровенностью , благородно глядя въ лицо вельможи : — Ваше Превосходишельство ! Я вижу , что слова мои не совсѣмъ угодны вамъ ?

« Можете-ли вы думать это, Михайло Васильевичъ; но, признаюсь, мнѣ кажется, что мозаика ужъ слишкомъ занимаетъ васъ.

— Это справедливо: она слишкомъ занимаетъ меня; но безъ спроси не лзя произвести ничего необыкновеннаго. А вы согласитесь, что создать новое Искусство, и еще такое, котораго нѣтъ въ Россіи, которое и въ Италіи только что возражается.... дѣло не мало-важное! Оно стоить мнѣ уже такихъ трудовъ и пожертвованій, что я не могу оставить его.

« Боже мой! кто говоритъ: оставить? Но, мнѣ кажется, не надобно оставлять для него другихъ, важнѣйшихъ трудовъ вашихъ.

— Важнѣйшихъ! Позвольте замѣтить, Ваше Превосходительство, что для меня важнѣе всѣхъ моихъ трудъ, который я люблю, которымъ занимаюсь искренно, со спросью. Только въ этихъ трудахъ и бываетъ долговѣчность!»

« Но есть въ нихъ опносительная важность и для публики: надобно иногда и о ней подумать.

— Не смѣю возражать вамъ....

« О, нѣтъ, говорите! Говорите со мной искренно, какъ всегда.

— Такъ позвольте-же выразить мою задушевную мысль: я никогда не думаю о публикѣ, если занимаюсь чѣмъ для себя, для услажденія

своего ума, своей души. Для публики пишу я рѣчи, стихи; Мозаикой, Физикой, Химіей занимаюсь для себя, и вѣрно труды мои въ нихъ будутъ прочнѣе нежели въ Стихотворствѣ.

« Но иногда можно увлечься! . . .

— Кто-же въ силахъ назначить мнѣ, что долженъ я чувствовать, что любить, отъ чего отказываюсь? Ваше Превосходительство! я люблю, уважаю васъ какъ свое покровительное божество, но вы поймете меня когда я скажу, что въ этомъ случаѣ я не слушаюсь и васъ!

Шуваловъ былъ точно способенъ понять его. Онъ протянулъ къ нему руку, и съ чувствомъ произнесъ :

« За эти слова я еще больше вашъ заступникъ и защитникъ. Вы знаете, что во мнѣ говорилъ одна искренняя дружба.... Но, право, мнѣ столько напѣли о вашихъ излишнихъ занятіяхъ Мозаикой, что я, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ сказать вамъ объ этомъ.

— Я думаю, враги мои не дадутъ мнѣ покоя и въ гробѣ! Они будутъ спучаться и въ двери царства небеснаго съ клеветами на меня! Но тамъ судъ неподкупный!... А на землѣ остаешься у меня только вы.

« Напрасно вы почиаете врагами своими всѣхъ! Люди благонамѣренные, и безъ отношеній къ вамъ, говорятъ. . . .

Шуваловъ остановился.

—Что-же говорятъ?... Позвольте мнѣ узнать и можете быть оправдаться.

«Говорятъ, что для Мозаики вы оставили всѣ другія занятія.... Напередъ скажу вамъ, что я не вѣрю этому.

— И не ошибаетесь, Ваше Превосходительство! Нѣтъ! не только не оставилъ я другихъ своихъ занятій, но еще никогда не предавался имъ такъ много, и смѣю сказать съ такимъ успѣхомъ.... И могу-ли я занимаюсь однимъ, чѣмъ-бы то ни было? Это не въ моей природѣ!

«Знаю, знаю. Но вы хотѣли слышать что говорятъ другіе: я только пересказываю это.

— Вамъ говорили неправду, Ваше Превосходительство! Позвольте мнѣ замѣтить только, что Мозаика не мѣшаетъ мнѣ исполнять всѣ свои обязанности какъ ученому и Профессору, который также имѣетъ обязанность любить свою науку, слѣдовать за ея успѣхами и обогащать ее собственными посильными трудами. Рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ есть доказательство, что я открылъ кое-что новое въ Физикѣ. Самыя занятія мои Мозаикой тѣсно связаны съ Химіей, которой обязанъ я всѣми успѣхами въ новомъ своемъ Искусствѣ. Нынѣшнее устройство лабораторіи служитъ свидѣтельствомъ, знаю-ли я современное состояніе Химіи.

Проговоривши эти слова съ жаромъ, Ломосовъ невольно ошановился, что обыкновенно бываетъ послѣ рѣчи, сказанной отъ души.

« Ну, а ваши занятія Словесными Науками? Мы уже шакъ давно не видались, что я вѣрно не знаю о нихъ многого.

— Для Словесности гошовлю я шрудъ, необходимый и почти первый на Русскомъ языкѣ: Грамматику. Я уже имѣлъ честь написать вамъ объ этомъ, а теперь прибавлю, что моя *Россійская Грамматика* приходитъ къ окончанію. Скоро надѣюсь представить вамъ ее печатную.

« Это будетъ великое дѣло для нашего языка. Послѣ Смотрицкаго Грамматики, впрочемъ больше Славянской нежели Русской, у насъ не было ничего въ этомъ родѣ.

— Судите-же сами, Ваше Превосходительство, какого шруда споило мнѣ сдѣлать что нибудь правильное въ этомъ хаосѣ! Разумѣется, основныя правила беру я изъ Лавинской Грамматики; но ошальное почти все принадлежитъ мнѣ собственнo. Только способъ спряженія глаголовъ заимшвовалъ я у Смотрицкаго, потому что не нахожу лучшаго.

« И шакъ вамъ суждено быть еще и законодательемъ, а не только образцомъ въ Русскомъ языкѣ!

— Слишкомъ много чести, Ваше Превосходительство. Я почишаю свой трудъ полезнымъ дѣломъ, не больше. Для посвященія его кому-либо изъ Высочайшихъ Особъ надѣюсь вашего предсшательства.

« Я готовъ сдѣлать все! Смѣло полагайтесь на меня.

— Ваше одобреніе даетъ мнѣ смѣлость продолжить исчисленіе моихъ трудовъ. Похвальное Слово Пепру Великому готово. Я употребилъ для него все свое искусство.

« И я увѣренъ, что оно достойно сочинителя Похвальнаго Слова Елисаветѣ, великой Дщери великаго Пепра.

— Я осмѣлюсь однако просить Ваше Превосходительство прочесть его предварительно.

« Съ радостью исполню вашу просьбу!

— Кромѣ всего этого готовлю я впору часъ Руководства къ Краснорѣчію.

« Вы изумляете меня, Михайло Васильевичъ! Въ самомъ дѣлѣ, одно исчисленіе вашихъ трудовъ ниспровергаетъ навѣсы недоброжелателей! Гдѣ берете вы времени для всего этого?

— Я посвящаю своимъ трудамъ то, которымъ могу располагать.

« Ну, а наша Россійская Исторія?

« Вамъ уже извѣстно изъ писемъ моихъ, что первый томъ ея скоро будетъ оконченъ. Въ немъ описываются древнѣйшія времена Россій-

ской Испоріи. Крім того, по желанію Вашего Превосходительства, я собираю матеріялы для описанія времени Самозванцевъ. Россійскій Лѣтописецъ скоро надѣюсь представитъ вамъ на чисто обработанный. Можеть быть вамъ покажется, что все это идетъ медленно; но сообразите, Ваше Превосходительство, сколько трудовъ и изысканій необходимо для историческихъ изслѣдованій? Тутъ часто одно имя, одинъ случай останавливаетъ и заставляетъ рыться въ книгахъ и рукописяхъ цѣлую недѣлю.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не думаю, Михайло Васильевичъ, чтобы историческіе труды ваши подвигались впередъ медленно. Я, напрашивъ, дивлюсь и отдаю полную справедливостъ вашей дѣятельности.... Но мнѣ еще надобно поговорить съ вами о нашемъ Московскомъ Университетѣ. Я уже приготавилъ планъ для него.

— Я увѣренъ, что онъ достоинъ вашей прозорливости и безпримѣрной ревности въ подобныхъ дѣлахъ. Но, если вамъ угодно попребовать моего содѣйствія, прошу васъ только приказывать мнѣ.

«Задача въ томъ, что теперь начать надобно чѣмъ нибудь, хоть въ маломъ видѣ. Если станемъ пребовать многого, то можемъ не сдѣлать ничего.

— А мнѣ кажется, Ваше Превосходитель-

ство, надобно сдѣлать планъ самый огромный, для того чтобы послѣ не оглядываться. Если теперь мысль объ Университетѣ хотѣтъ исполнить, то надобно воспользоваться счастливымъ случаемъ и испробовать чего только можно.

« Не лзя, любезнѣйшій Михайло Васильевичъ! Вы не знаете нашихъ отношеній!...

— Я знаю людей, Ваше Превосходительство! Покуда занимаетъ ихъ какая нибудь мысль, они готовы исполнить многое; но пройдетъ эшотъ благодѣтельный жаръ, тогда будетъ трудно подогрѣть проспывшее.

« Такъ, но все надобно соображаться съ обстоятельствами. Если-бъ вы знали, какихъ трудовъ стоило мнѣ согласить и на то, что хотѣтъ теперь исполнить!

— Въ такомъ случаѣ надобно пожалѣть, что не лзя дѣйствовать иначе!

« Разумѣется! Но еще надобно прибавить: должно ковать желѣзо покуда оно горячо. Мѣшкавъ нѣкогда, и я завтраже пришлоу къ вамъ свой планъ. Разсмотрите его, пожалуйста, и изложите мнѣ свои мысли.

— Приказаніе Вашего Превосходительства будетъ исполнено.

Ломоносовъ ушелъ съ разгоряченною головою. Его радовалъ прїѣздъ Шувалова и разговоръ съ нимъ, но въ эшомъ разговорѣ было многое,

что тяжело легло на его сердце. Во-первыхъ, самая недовѣрчивость, показанная ему сначала, и пошомъ, неизбежная для молодаго вельможи въпреность (какъ полагалъ Ломоносовъ) печалили поэта.

« Самый добрый человекъ! » думалъ онъ. « Но какъ у нихъ исковерканы всѣ идеи! Онъ конечно хочетъ добра, и вѣрно сдѣлаешь его; но, между шѣмъ, малѣйшій прошивной выперокъ кружишь ему голову! И, сверхъ того, какая неопредѣленность въ пониманіяхъ! Хорошо что онъ можетъ смѣло полагаться на меня; но будь я мерзавецъ, и куда-бы полезли его прекрасные планы? И пусть-же эти отношенія, эти вѣчныя отношенія! Они такъ дорожатъ ими! А все дѣло въ томъ, что какой нибудь богатырь взглянешъ на него неблагоклонно!... Они боясь взглядовъ пуще самой спыдливой дѣвушки! Милый мой Иванъ Ивановичъ! Для чего ты носишь камергерскій мундиръ? Впрочемъ, безъ этого онъ не могъ-бы дѣлать того, что дѣлаешь теперь! Слава Богу, слава моему Ивану Ивановичу, копорый оспашаеся всегда вѣренъ добру и чеспи. »

Съ такими смященными мыслями Ломоносовъ не могъ заняпсья ничѣмъ, и весь оспашокъ дня провелъ въ размышленіяхъ, по ушѣшишельныхъ, по печальныхъ. На другой день, рано ушпромъ, получилъ онъ опъ Шувалова черновое доношеніе, копорымъ пошъ испрашивалъ

въ Сенапѣ утвержденія плана Московскаго Университета. Ломоносовъ увидѣлъ, что ему нечего шутъ разсмаширивать; плана не было у него передъ глазами, и, можетъ быть, не было его и у Шувалова, который называлъ планомъ свое доношеніе, надѣясь послѣ передать все, сообразно обстоятельствамъ. Ломоносовъ замѣтилъ это еще наканунѣ, въ разговорѣ съ нимъ, и подъ вліяніемъ своихъ живыхъ чувствованій написалъ ему:

«Полученнымъ отъ Вашего Превосходительства
«сва черновымъ доношеніемъ Правительствующе-
«щему Сенату, къ великой моей радости я
«увѣрился, что объясненное мнѣ словесно
«предпріятіе подлинно въ дѣйство произве-
«сти намѣрились, къ приращенію наукъ, слѣ-
«довательно къ истинной пользѣ и славы оше-
«стства. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю,
«сколько много природное ваше несравненное
«дарованіе служишь можетъ, и многихъ книгъ
«чтеніе способствовать. Однако и шѣхъ со-
«вѣтъ Вашему Превосходительству не беспо-
«лезенъ будутъ, которые сверхъ того Уни-
«верситеты не токмо видали, но и въ нихъ
«нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ
«учрежденія, узаконенія, обряды и обычаи въ
«умѣ ихъ ясно и живо какъ на картинѣ пред-
«ставляются. Того ради, ежели Московскій
«Университетъ по примѣру иностранныхъ

« утредишь намѣряешесь, что весьма справед-
 « ливо, но желалъ-бы я видѣть планъ, вами
 « сочиненный. Но ежели, ради краткости вре-
 « мени или ради другихъ какихъ причинъ, по-
 « то не удоспоюсь, то уповаю на опече-
 « скую Вашего Превосходительства ко мнѣ ми-
 « лость и великодушіе, принимаю смѣлосць
 « предложить мое мнѣніе о учрежденіи Москов-
 « скаго Университета кратко вообще. — Глав-
 « ное мое основаніе, сообщенное Вашему Пре-
 « восходительству, весьма поминать должно,
 « чтобы планъ Университета служилъ во все
 « будущіе роды. Того ради, не смотря на то,
 « что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей уче-
 « ныхъ, положишь въ планѣ Профессоровъ и жа-
 « лованныхъ студентовъ довольно число. Сна-
 « чала можно прояснѣе пѣти, сколько найдутся
 « ся. Со временемъ комплектъ наберется. Оспа-
 « лую съ порожнихъ мѣся сумму полезнѣе
 « употребить на собраніе Университетской
 « библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и
 « узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ,
 « какъ размножась, оный снова передѣлывать
 « и просить о прибавкѣ суммы. »

Такъ хорошо зналъ Ломоносовъ дѣла и об-
 стоятельства, во многихъ случаяхъ неизмѣн-
 ные, всегда одинаковыя! Онъ зналъ и Россію
 и людей вообще. Въ замѣчаніяхъ его видѣтъ

опытный мужъ. Къ другимъ своимъ совѣшамъ, онъ прибавилъ еще слѣдующее :

« При Университетѣ необходимо должна быть
« Гимназія, безъ кошорой Университетъ, какъ
« пашня безъ сѣменъ. О ея учрежденіи хотѣлъ-
« бы я крапко здѣсь вообще предложить, но
« времени крапкость возбраняетъ. — Не въ
« указъ Вашему Превосходительству, совѣшую
« не пошорошиться, чтобы послѣ не передѣлы-
« вать. Ежели дней полдесяшка обождать мож-
« но, то я цѣлый полный планъ предложу
« могу. »

Шуваловъ воспользовался этими совѣшами и распространилъ планъ Университета. Послѣ многихъ совѣщаній съ Ломоносовымъ, онъ назначилъ при Университетѣ *двѣ* Гимназіи и такое число Профессоровъ, что занявъ ихъ почто было нѣкому. Но ученый другъ его уже указывалъ ему на многихъ молодыхъ людей, копорые вскорѣ могли быть достойными преподавателями.

Всѣ эти новыя расположенія заняли много времени, шакъ что окончаніе Университета было отложено до слѣдующаго года.

И между тѣмъ какъ Ломоносовъ былъ, такимъ образомъ, однимъ изъ основателей истинно-Европейскаго учебнаго заведенія, онъ никакъ не могъ уладить своихъ собственныхъ обещаній ; да это не отъ него и зави-

сѣло. Въ Академіи не было единства, пошому чшо Президентъ не занимался ея дѣлами, а Профессоры безпрестанно воевали другъ съ другомъ, и развлекались другими занятіями или продолжишлыми пупешесствіями. Какъ нарочно, посшоянными членами Академіи были почти все личные непріатели другъ друга: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Миллеръ. Другіе, младшіе или неважные члены, приспавали къ какой нибудь изъ паршій, раздѣлявшихъ Академію, и слѣдовашельно шолько способшвовали разногласію.

Ломоносовъ часшо видался въ эшо время съ Шуваловымъ, и жаловался ему, въ дружескихъ разговорахъ, на неудобства своей жизни.

— Чшо эшо, господа, вы никакъ не можете поладить другъ съ другомъ — сказалъ ему однажды Шуваловъ.

« Причины извѣсны Вашему Превосходительству !

— Главная причина, что вы безпрестанно ссоришесь.

« Вода и огонь не могутъ конечно никогда примириться ; но эшо не причина, Ваше Превосходительство, а слѣдствіе шого, чшо ихъ хошашъ помирить.

— Да, если почишашъ элеменшами господъ Академиковъ, шо вы будете предшавляшъ

огонь , а Тредьяковскій воду ; но , право , надобно жишь посогласнѣе.

« Я-ли причиной , что это невозможно ? Всякое доброе начинаніе , какъ скоро оно идешъ опъ меня , встрѣчаешъ препятствіе . Не говорю уже о какихъ нибудь нравспвенныхъ улучшенияхъ , нѣтъ ! Если надобно починишь дѣшницу или перебрашь полъ , то наряжаютъ для этого комисію , и мы , господа въ комисіи , иной боишся прогнать плуша подъячаго , другой раздражишь какого нибудь знашнаго господина , прешій.... да что и говоришь , Ваше Превосходишельство ! Не могу всѣхъ обшояшельствъ и всѣхъ приспрасій пересказаъ!... Словомъ , и вещеспвенно и нравспвенно , съ одного конца Академію хошашъ починивашъ , а съ другаго поршашъ ! . . . (*) .

— Вы знаете , Михайло Васильевичъ , что на предметы можно смошрѣшь двояко : съ хорошей и съ дурной сшороны . И въ человѣкѣ есть еще такое спранное свойство , что если онъ начнешъ смошрѣшь съ дурной сшороны , то уже все , даже самое лучшее , кажешся ему негоднымъ , прошивнымъ , гибельнымъ .

(*) Собспвенныя слова Ломоносова . См . Сочиненій его Т . I . стр . 338-я , изд . въ 4 .

« Я не знаю, Ваше Превосходительство, можно-ли, въ какія угодно розовыя очки, видѣть что нибудь хорошее въ козняхъ и препитствіяхъ, какими окружають дѣйствія Академіи? »

— Что-жъ дѣлать! Оспавъше времени пере-
дѣлать худое на лучшее. Не лѣзя желать всего вдругъ. Россія Государство новое, гдѣ порывистыя усилія были-бы вредны и гибельны, какъ излишній дождь или жаръ молодому расшенію. Хорошо и то, что мы имѣемъ возмозноспъ сдѣлать хоть немногое.

« Развѣ я желаю чего нибудь инаго, Ваше Превосходительство? Пусть только не мѣшають мнѣ, пусть я буду увѣренъ, что мои усилія не бесполезны.... Я уже не мечтаю о чемъ нибудь выше! Пора обольщеній прошла!... Но меня преслѣдують такъ ожесточенно, что я не могу почти ничего дѣлать. »

— Право, Михайло Васильевичъ, вы увеличиваете существенныя неудобства! Ни дѣла, ни люди не такъ дурны, какъ говорите вы. Васъ любящъ, ошличають передъ другими; у васъ есть враги; но у кого-же нѣтъ ихъ?

« Точно такъ; но между шѣмъ, коварными происками моихъ враговъ, я до сихъ поръ не могу добишся, напримѣръ, чтобы мое предложеніе объ украшеніи Пешро-Павловскаго со-

бора мозаическими картинами было услышано.

— Эшого и не лзя сдѣлать скоро. Надобно, чтобы художественное отдѣленіе Академіи разсмотрѣло вашъ проектъ, и одобрило его; потомъ будетъ внесено представленіе въ Сенапъ.

« Но въ Академіи положили дѣло подъ сукно, и тамъ можешь пролежать оно годы. Развѣ это не припѣсненіе ?

— Я согласенъ, что у васъ есть враги. Но есть и доброжелатели.

« Вы первый защитникъ мой, Ваше Превосходительство! Безъ васъ, я, право, былъ-бы готовъ оставить Академію.

— Помилуйте! для чего это? Если вамъ надобны поощренія, награды, пребуйте. Я берусь быть ходатаемъ.

« Я и такъ безпрестанно упруждаю васъ своими просьбами, и даже совѣщусь беспокоить вновь. . . .

— Будьте опккровенны. Вы знаете меня!

« Это-то и даетъ мнѣ смѣлость покорнѣе просить васъ, чтобы я, вашимъ заступленіемъ, былъ чѣмъ нибудь опличенъ въ Академіи, не въ награду моихъ слабыхъ услугъ, а для внушенія врагамъ моимъ, что труды мои угодны Вашему Превосходительству.

Это откровенное выраженіе прямыхъ чувствованій такъ понравилось Шувалову, что онъ съ улыбкой сказалъ:

— Извольте; я надѣюсь вскорѣ исполнить вашу просьбу.

Шуваловъ могъ сдѣлать это легко, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ нашелъ случай просить Императрицу о награжденіи Ломоносова какимъ нибудь ошличіемъ. Она изустно велѣла ему сдѣлать объ этомъ представленіе. Но Шуваловъ не былъ начальникъ своего любимца. Онъ сообщилъ волю Императрицы Разумовскому, а тотъ приказалъ Академической Конференціи сдѣлать о Профессорѣ Физики и Химіи Ломоносовѣ представленіе по начальству. Но такая была ненависть къ Ломоносову въ товарищахъ его, что они не очень позаботились о немъ и послѣ этого. Дѣло откладывалось отъ засѣданія до засѣданія. Самъ онъ не искалъ ни у кого, ничего; слова, сказанныя имъ Шувалову, выражали искреннюю его мысль: онъ желалъ только предохранительной силы отъ своихъ непріятелей. Само собой разумѣется, что послѣ этого представленіе о немъ отложили на долгій срокъ.

Между тѣмъ Шуваловъ былъ озабоченъ многими дѣлами, и всего больше открытіемъ Московскаго Университета. Къ концу 1754 года онъ подалъ свое доношеніе въ Сенатъ, и просилъ

утвердиль Уставъ Университетскій по новому, передѣланному имъ плану. Сердце Ломоносова радовалось этому какъ своему собственному счастью. Дни за два до Нового года, онъ пришелъ къ Шувалову, порадовавшись вмѣстѣ, и принесъ изготовленное имъ Похвальное Слово Петру Великому, которое долженъ былъ говорить въ слѣдующемъ Апрѣлѣ, въ день коронаціи Императрицы. Онъ прочиталъ его Шувалову, и просилъ сказать, нѣтъ-ли чего исправить въ этомъ Словѣ. Шуваловъ просто расхвалилъ его, восхищался, и въ сердечной ошквенности воскликнулъ:

— Боже мой! И этого человѣка не умѣютъ цѣнить! Этому человѣку ошказываютъ въ ничтожномъ поощреніи!... Знаете-ли, Михайло Васильевичъ, что Академія нашла средство не одобрить васъ къ наградѣ?

Ломоносовъ ошолбенѣлъ: онъ ничего не слыхалъ объ этомъ.

— Да! Они утверждаютъ, что Высочайшія награды уже давно опличили заслуги ваши; что новыхъ причинъ къ представленію нѣтъ, а безъ этого они не осмѣливаются упреждать Императрицу своею просьбою. Такъ и опложено это, впредь до особеннаго случая.

Ломоносовъ глубоко оскорбился. Онъ не могъ даже ничего сказать на неожиданную новость. Напрасно Шуваловъ спарался развлечь

его разговоромъ объ Университетѣ Московскомъ, о надеждахъ на это новое, важное учрежденіе; напрасно начиналъ опять хвалишь чипанное ими Слово Пешру Великому, спрашивалъ объ успѣхахъ и опкрыпіяхъ въ Русской Исторіи и въ другихъ предметахъ заняшій его; Ломоносовъ никакъ не могъ побѣдить своей грусти. Не лишеніе награды огорчало его: нѣтъ! онъ конечно уважалъ и цѣнилъ ее, но не могъ-бы придти въ такое прискорбное смущеніе и не получивши обѣщанной награды. Его огорчило торжествъ враговъ его, и въ этомъ-то состояніи души написалъ онъ на другой-же день къ Шувалову слѣдующее письмо.

« Изъ вчерашняго Вашего Превосходитель-
« ства милоспиваго разговора примѣшилъ я,
« что злоба преодолеваетъ благоспи, под-
« крадываясь подъ свяшость Высочайшихъ пове-
« лѣній. И такъ ежели невозможно, чтобы я,
« по моему всепокорнѣйшему прошенію, былъ
« произведенъ въ Академіи, для пресѣченія ко-
« варныхъ предпріятій, то всеуниженно Ваше
« Превосходительство прошу, чтобы вашимъ
« опеческимъ предшательствомъ переведенъ я
« былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ
« Иностранную Коллегію, гдѣ не меньше могу
« принести пользы и чести опеческву, а особ-
« ливо имѣя случай употреблять въ вспоможеніе
« архивы къ продолженію Россійской Исторіи.

« Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы
 « онъ воздвигъ и ободрить ваше великодушное
 « сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ-бы со-
 « шворилъ со мною знаменіе во благо: да видяшъ
 « ненавидящій мя и посмѣдяшся, яко Господь
 « помогъ ми и ушѣшилъ мя есмь, изъ двухъ
 « единымъ: дабы или всѣ сказали: Камень его-
 « же небрегоша зиждущій, сей бысть во гла-
 « ву угла, ошъ Господа бысть сей, или-бы въ
 « мое опбытіе изъ Академіи ясно оказалось,
 « что она лишилась, потерявъ такого че-
 « ловѣка, который черезъ шоль много лѣтъ
 « украшалъ оную, и всегда съ гонимельми на-
 « укъ боролся, не смолря на свои опасности.
 « Ожидая шого или другаго, въ швердомъ на
 « милоспивѣйшее ваше ходатайство упованіи,
 « съ усерднымъ глубокопочишаніемъ пребываю
 « и проч. »

Ошвѣшъ Шувалова не могъ бытъ сомнише-
 лень. Онъ шопчасъ послалъ за Ломоносовымъ
 и всшрѣшилъ его словами:

— Михайло Васильевичъ! Вы хошите оспа-
 вишь меня въ шо самое время, когда особен-
 но мнѣ нужны? Эшо, право, не по-дружески.

« Вашему Превосходительству извѣсно по-
 несенное мною оскорбленіе. Но совсѣмъ не ошъ
 васъ хочу я бѣжашь, а ошъ враговъ своихъ и
 ошъ непріятностей. У меня не доспаетъ боль-
 ше силъ!

— Презрите вашихъ враговъ и будуще увѣрены, что я васъ не выдамъ. Совсѣмъ не какъ себялюбецъ сказалъ я, что вы мнѣ нужны: нѣтъ, вы нужны мнѣ, какъ исполнителю высшихъ, прекрасныхъ намѣреній. На дняхъ будетъ подписанъ указъ объ открытіи Московскаго Университета. Давайте мнѣ людей!

Шуваловъ запронулъ шаковую спруну, что Ломоносовъ ожилъ въ одно мгновеніе, и съ бодростью отвѣчалъ:

— Двухъ извольте хопъ сей часъ возводишь на кафедру! Одинъ, извѣстный вамъ, Поповскій; другой Барсовъ, прилежный ученый, хопъ и молодой человекъ. За обоихъ ручаюсь вамъ, потому что они, могу сказать, мои воспитанники.

— Поповскаго я знаю, но о Барсовѣ, кажется, и не слыхалъ отъ васъ.

« Это, Ваше Превосходительство, отличный знатокъ Русскаго языка, искусный и въ иностранныхъ языкахъ; сверхъ того, со свѣдѣніями въ общественной Исторіи.

— Какую-же кафедру могъ-бы онъ занять въ Университетѣ?

« Всего удобнѣе: Краснорѣчія. Но по молодости его лѣтъ, совѣтую назначить Барсова сначала Адъюнктомъ.

Шуваловъ записалъ имя *Антонъ Алексѣевича Барсова*, и потомъ спросилъ:

— Ну, а Поповскій?

«Поповскій очень способенъ быть Профессоромъ этого-же предмета, не смотря на то что онъ еще очень молодъ.

— По вашему совѣту, въ Университетѣ назначено быть Профессору Философіи; гдѣ намъ взять его? А мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ эта важная кафедра не оставалась пустою.

«Всего затруднительнѣе найди Профессора на эту кафедру; но я увѣренъ, что ее съ успѣхомъ можешь занять тотъ-же Поповскій. Позвольте мнѣ переговорить съ нимъ. Можешь быть, ему надобно будетъ нѣсколько приготовиться; но способностей у него доспѣетъ.

— Вотъ видите-ли, Михайло Васильевичъ, какъ вы необходимы мнѣ! Вѣроятно, каждый день надобно будетъ намъ видаваться, а вы хотише бѣжать отъ насъ дѣлъ, которыми я занимаюсь. Нѣтъ, пожалуйста, не думайте о выходѣ изъ Академіи!

«Милосливое расположеніе ваше такъ драгоценно для меня, что я предаю судьбу свою въ вашу волю!

— Знаете-ли, что у меня есть еще планъ, опдаленный, но который также можешь исполниться? Московскій Университетъ есть основаніе для многого въ будущемъ. Я намѣ-

ренъ представитъ Императрицѣ объ учрежденіи Академіи Художествъ въ Россіи.

« Но какую-же связь имѣешь эшо съ Университетомъ ? »

— А вошъ какую. При вашей Академіи Наукъ положено отдѣленіе Художествъ; но оно никогда не будешь шѣмъ, чѣмъ должно бытъ, то естъ училищемъ для образованія художниковъ. Ваша Академія собственно заведеніе *уче-ное*, а не *учебное*. Со временемъ необходимо отдѣлишь ошъ нея и Гимназію. Но послѣ эшого, ошкуда-же будемъ мы брашь образованныхъ молодыхъ людей для Академіи Художествъ, или для какого-бы то ни было подобнаго заведенія ? Тушъ-то послужишь пособіемъ Московскій Университетъ : изъ него будемъ мы избирашь способныхъ юношей въ Академію Художествъ, пошому чшо, во-первыхъ, я не хочу и даже *не долженъ* вмѣшивашься въ дѣла вашей Академіи; да, сверхъ шого, и не думаю, чшобы Гимназія при ней была заведеніе прочное. А мнѣ не хочется ничего основашь на песокъ. Теперь видишe-ли, чшо мои заботы объ Университетѣ имѣюшъ связь со многимъ другимъ.

« Я только изумляюсь проницательности Вашего Превосходительства и вашему знанію дѣлъ и людей! Какія невидимыя пружины надобно приводишь въ дѣйствіе!...

—Безъ этого не лзя, любезнѣйшій Михайло Васильевичъ!

Шуваловъ началъ развивашь ему многіе другіе свои планы, пошому что въ сердцѣ его шочно пламенѣло истинное желаніе водворишь въ своемъ опечествѣ Науки и Художества. Пошому-то и любилъ онъ говоришь съ Ломоносовымъ объ этихъ предметахъ. Душа поэта, поспигая всѣ прекрасныя намѣренія благороднаго вельможи, озаряла ихъ новыми идеями.

Ломоносовъ оставилъ Шувалова совершенно утѣшенный и довольный имъ, пошому что былъ доволенъ самъ собой. Онъ уже не думалъ объ описавкѣ.

Глава XIV.

1755-й годъ достопамятенъ для Истории просвѣщенія въ Россіи: онъ видѣлъ открытіе Московскаго Университета. Это первое у насъ высшее учебное заведеніе осмалось долговѣчнымъ памяникомъ Шувалова, который такъ заботился о немъ, такъ хорошо умѣлъ опхло- нишь всѣ препяшствія, какія встрѣчались ему при исполненіи великой его мысли, и воздвигъ Университетъ на широкомъ, прочномъ основа- ніи. Онъ понялъ, что въ сердцѣ Россіи дол- женъ сущесшвовашъ храмъ наукъ; онъ постигъ важность и необходимость его, но въ подроб- ностяхъ внутренняго порядка былъ многимъ обязанъ совѣтамъ Ломоносова, котораго имя сдѣлалось также нераздѣльно съ Московскимъ Университетомъ.

Когда успавъ этого Университета былъ утвержденъ, къ Шувалову больше нежели когда нибудь спало являшся желающихъ найдши мѣ- ста при новомъ заведеніи. Мало надобности

было имъ, способны-ли они къ этому, и какое дадутъ имъ мѣсто: ученое или приказное, пошому что въ то время еще не понимали значенія Университетовъ. Ломоносовъ игралъ важную роль у Шувалова. И къ нему стала являться толпа, такъ что смиренная передняя Профессора часто была похожа на переднюю вельможи. Сначала это занимало и даже веселило его; но вскорѣ безстыдство и невѣжество просителей стало ему нестерпимо: онъ проспо гонялъ ихъ отъ себя. У Шувалова пріемъ былъ вѣжливѣе, но успѣха не больше, пошому что онъ искалъ не шого, что видѣлъ въ этой толпѣ, и проницательный умъ его, при помощи свѣдѣній Ломоносова, останавливался только на избранныхъ. Въ числѣ этихъ были Поповскій и Барсовъ, любимцы и ученики Ломоносова. Поповскій занялъ кафедру *Философiи*, и первый началъ преподавать свой предметъ на Русскомъ языкѣ; Барсовъ былъ сдѣланъ Адъюнктомъ Краснорѣчiя. Къ Университету опредѣлился также, только не Профессоромъ, М. М. Херасковъ, копорый пописывалъ стихи и уже грозилъ поэмами, драмами, и поемами высокопарной прозы. Ломоносовъ съ грустью проводилъ Попова, благословляя его на важный подвигъ: возвеличить Науку въ новомъ Университетѣ. Онъ не предчувствовалъ, что расставался съ нимъ навсегда.

Вскорѣ опечалила его гораздо глубже смерть товарища и другаго пріятеля, Крашенинникова. Этошъ почтенный ученый былъ Профессоромъ Ботаники при Академіи, и всегда держалъ спорону Ломоносова, кошорый лишился въ немъ шакимъ образомъ послѣдняго доброжелателя изъ своихъ сочленовъ. При концѣ жизни его, Ломоносовъ приходилъ къ нему всякій день; онъ не могъ избавишь друга опъ неизбѣжной судьбы, и спарался по крайней мѣрѣ усладишь послѣдніе часы его. Крашенинниковъ печашалъ въ это время свое *Описаніе земли Камчатки* и желалъ самъ докончишь чшеніе корректуры. Ломоносовъ поропилъ наборщиковъ, самъ бѣгалъ въ типографію, и какъ будшо способсшвовалъ умирающему исполнишь его желаніе: Крашенинниковъ подписалъ послѣдній листъ своей книги, и въ тошъ-же день закрылъ глаза навѣки! Спранная игра жребія! Смерть какъ будшо въ самомъ дѣлѣ ожидала, чшобы авторъ *Описанія Камчатки* прожилъ нѣсколько лишнихъ дней для своей книги.

Такія пошери падали на сердце Ломоносова, уже охлажденное опышомъ, и смерть любящаго человека имѣла для него шяжелую значишельность!

Но лѣша и опышъ, похищая много розъ въ жизни человека, придаюшъ въ то-же время новую силу его мужесшву и шерпѣнію. Пошери

научающъ его прямѣе смотрѣть на жизнь, и какъ-бы оковывающъ твердою броней его сердце. Ломоносовъ тяжело вздохнулъ о своемъ товарищѣ; но шѣмъ сильнѣе вооружался онъ противъ испытаній судьбы, чѣмъ больше видѣлъ себя одинокимъ.

Умъ и дарованія его были въ полной зрѣлости. Вскорѣ онъ доказалъ это самымъ блестящимъ образомъ, когда съ такимъ разительнымъ краснорѣчіемъ произнесъ, въ торжественномъ собраніи Академіи, свое Похвальное Слово Петру Великому, этою образецъ ораторскаго искусства. Тутъ многія мѣста напоминающъ и для насъ Цицерона. Сколько полноты, силы и какого-то высокаго великолѣпія въ послѣдней половинѣ этого Слова! Если Ломоносовъ показалъ себя гдѣ нибудь поэтомъ въ своихъ сочиненіяхъ, то конечно тамъ, гдѣ говоритъ онъ: «Часто размышлялъ я, каковъ
«Тотъ, копорый всеильнымъ мановеніемъ у-
«правляешь небо, землю и море; дхнешъ духъ
«Его, и пошекушъ воды; прикоснешся горамъ,
«и воздымашся. Но мыслямъ человѣческимъ предъ-
«дѣлъ предписанъ: Божества постигнушь не
«могушъ! Обыкновенно представляющъ Его въ
«человѣческомъ видѣ. И пакъ, ежели человѣка,
«Богу подобнаго по нашему понятію найдши
«надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣ-
«паю.»

Забудьте нѣсколько обвѣщальный языкъ, и скажите, кто въ наше время способенъ создать что нибудь подобное этому Похвальному Слову?

Впрочемъ, это Слово, превышающее Слово его Елисаветы, не имѣло такого успѣха какъ прежде. Не было-ли причиной опускание Шувалова, который одинъ могъ-бы напомнить Императрицѣ о своемъ любимцѣ? А можетъ быть существовали и другія, не меньше важныя причины.

Неискашельный Ломоносовъ и не подумалъ объ этомъ. Онъ былъ доволенъ самъ сочиненіемъ своимъ, и это рѣдкій для всякаго автора успѣхъ наградила его за трудъ.

Онъ занимался трудомъ, гораздо важнѣйшимъ, который одинъ могъ-бы доставить ему прочную славу: это созданіе Русской Грамматики. Если сообразимъ, что языкъ нашъ не имѣлъ тогда никакихъ законовъ, кромѣ употребленія, и разсмотримъ Грамматику Ломоносова, то конечно будемъ благоговѣть къ великому человеку. Не думайте, чтобы эта похвала была преувеличенною. Она основана на полномъ убѣжденіи, что безъ Ломоносова мы до сихъ поръ бродили-бы въ хаосѣ, который еще окружаетъ насъ во всемъ, чего не создалъ въ Грамматику нашей онъ. Да! внутреннее сознаніе конечно есть лучшая награда для автора, когда мы до

сихъ поръ не оцѣнили его труда, и современники, напримѣръ Сумароковъ, называли Ломоносова незнающимъ *Россійскаго* языка и послѣ изданія его Грамматики, между тѣмъ какъ и теперь мы не имѣемъ ничего относительно-лучшаго.

Ломоносовъ видѣлъ, что для труда его нѣтъ цѣнителей, и желая придать ему нѣкоторую значительность, испросилъ черезъ Шувалова дозволеніе посвятивъ первую Русскую Грамматику будущему Наслѣднику Престола, Павлу Пепровичу. Онъ исполнилъ свое желаніе въ тотъ день, когда Великому Князю совершился одинъ годъ отъ рожденія, 20 Сентября 1755 года. Такимъ образомъ этотъ годъ доспомятенъ не однимъ Московскимъ Университетомъ, но и первымъ законодательствомъ въ нашемъ языкѣ.

Въ то-же время, когда Ломоносовъ углублялся въ таинства языка и довершалъ свой великій трудъ надъ Русскою Грамматикой, онъ совершилъ важный подвигъ въ Наукѣ Естествознанія. Теорія свѣта и цвѣтовъ была искони предметомъ многихъ изысканій. Отъ чего свѣтитъ солнце? Какимъ образомъ свѣтъ его распространяется по землѣ? Какъ даетъ оно цвѣта предметамъ, употребляя основные семь цвѣтовъ радуги? Эти вопросы такъ естественны и просты, что человекъ задавалъ ихъ

себѣ давно, давно, съ первыхъ временъ познанія, и до сихъ поръ не разрѣшилъ положишельно. Не за-долго до Ломоносова, Ньютоновь издалъ свою знаменишую теорію, и нашъ ученый, неудовлетворенный ею, изобрѣлъ свою, кошорая была слѣдствіемъ глубокихъ, пашнадцапи-лѣпныхъ его изысканій. Оцѣнили-ли ее современники? Можно угадать, когда мы знаемъ, что и въ наше время еще не опдали справедливости эшому благородному усилю высокаго ума. Теорія Ньютонова, опровергнушая шакъ-же какъ и теорія Ломоносова, извѣстнѣе пошому шолько, что съ нею соединено имя славнаго физика. Ломоносовъ изложилъ свои изысканія и заключенія въ *Словѣ о происхожденіи свѣта*, говоренномъ имъ въ половинѣ 1756 г.

Мы уже замѣшили, что вообще эшо было самое дѣяшельное время его жизни. Онъ опашъ занимался Мешаллургіею, для изученія кошорой жилъ во Фрейбергѣ просшымъ рудокопомъ, и послѣ не осшавлялъ эшого знанія никогда. Давно написалъ онъ цѣлое сочиненіе о Мешаллургіи; шеперь дополнялъ и совершеншвовалъ его, и въ 1757 году говорилъ рѣчь: *О рожденіи металловъ отъ трясенія земли*.

Въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій онъ справедливо сказалъ, что для яснаго изложенія теоріи Физическихъ и Химическихъ знаній, не-

обходимо было-бы ему написать полную систему; но этому мешала любовь его къ Россійскому слову, къ прославленію Россійскихъ героев, и къ достовѣрному изысканію дѣяній нашего отечества. Въ головѣ его было всегда нѣсколько плановъ разныхъ литературныхъ сочиненій. Въ это время, напримѣръ, онъ хотѣлъ прославить своего героя Петра особеннымъ, большимъ спихошвореніемъ, и обдумывалъ планъ героической поэмы. Раждавшійся Русскій Театръ заставилъ его сдѣлать новую попытку въ трагедіи, и онъ передѣлалъ свою *Тамиру и Селима*, сочиненную за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ. Эта пьеса, совершенно ничтожная, имѣла успѣхъ. Вошъ какимъ образомъ.

Шуваловъ и на высшѣ почесней обходился съ Ломоносовымъ по прежнему, просто, дружески. Однажды онъ посѣтилъ смиренное жилище поэта, и тотъ прочиталъ ему свою трагедію. Шуваловъ пришелъ въ восторгъ отъ нея, хотя для насъ это и непонятно. Онъ взялъ великолѣпную безладицу своего любимца, отвезъ ее въ Царское Село, къ Императрицѣ, и заставилъ раздѣлить свое мнѣніе, что трагедія превосходна. Императрица послала въ подарокъ автору роскошный серебряный кубокъ, съ приличною надписью, а трагедію велѣла опечатать на театръ, который уже открылся тогда въ Петербургѣ. Но тѣмъ и кончился весь

успѣхъ, потому что трагедія сама не имѣла достоинства, и, сверхъ того, попала въ руки Сумарокову! Да, Сумароковъ былъ первый Директоръ перваго публичнаго театра въ Россіи. Онъ спрочно любилъ сценическое искусство, и при пособіи своихъ милоспивцевъ и своихъ трагедій овладѣлъ театромъ. Его сдѣлали Директоромъ, а въ помощь дали ему Ивана Перфильевича Елагина, совоспитанника, друга его, и впоследствии знаменишаго переводчика *Маркиза Глаголя*. Можно представить себѣ, какъ они приняли трагедію Ломоносова, не смотря на то, что она была одобрена Императрицею. Комисіею бездарныхъ людей раскрикивалъ бездарное произведеніе, и рѣшилъ, что оно писано не по правиламъ Пѣишки, наполнено *Славянщинами*, и потому на театрѣ можетъ быть представлено не иначе какъ съ поправками, которыя вызывались они сдѣлашь сами, или предославляли автору сдѣлашь ихъ. Это разсердило Ломоносова и онъ взялъ свою трагедію назадъ.

Онъ даже совсѣмъ бросилъ Литературу на нѣкоторое время, и занялся изобрѣшеніемъ разныхъ оптическихъ и астрономическихъ инструментовъ, къ чему былъ приведенъ теоріею мореплаванія, обратившею на себя вниманіе его. Между прочимъ сдѣлалъ онъ въ это время, такъ названную имъ, *ногезрительную тру-*

бу, и представилъ ее на разсмотрѣніе Академіи.

Но главнымъ и любимѣйшимъ его занятіемъ оставалась мозаика. Онъ не покидалъ ее во все послѣднее время, и увѣрившись, что можно можетъ дѣлать каршины мозаическія, занялся съ новою ревностью своимъ Искусствомъ, и наконецъ подалъ въ Сенапъ просьбу о дозволеніи ему украситъ Петро-Павловскій соборъ двумя картинами своей работы. Онъ представилъ и проектъ одной изъ нихъ, копорая должна была изображать Полпавскую битву, неразлучную съ воспоминаніемъ о Великомъ Петрѣ. Въ этой картинѣ, длиною въ 12, а шириною въ 8 фузовъ, предполагалъ онъ помѣститъ на переднемъ планѣ предметы и людей въ естественную ихъ величину. Тогда въ Сенапѣ имѣли сильный голосъ покровители Ломоносова, Графы Шуваловы, Графъ Воронцовъ, и другіе, а пошому проектъ его былъ одобренъ и представленъ на утвержденіе Императрицы.

Но въ это-же время возмала и злоба противниковъ. Сумароковъ началъ издавать, не задолго передъ тѣмъ, Журналъ : *Трудолюбивую Игелу*. Сопрудниками его были многіе, въ томъ числѣ и Тредьяковскій. Узнавши, что прошеніе Ломоносова о мозаическихъ картинахъ представлено въ Сенапъ и утверждено, Тредьяковскій написалъ о Мозаикѣ ру-

гашельную спашью, гдѣ насмѣхался надъ эшимъ Искусствомъ, и еще больше надъ шѣми, кшо занимаешься имъ. Во всемъ эшомъ были явные намеки на Ломоносова. Разумѣешся, Сумароковъ съ радостью принялъ спашью своего клеветника и поспѣшилъ напечатать ее. Но они не удовольствовались эшимъ.

Въ числѣ начальниковъ Канцеляріи Академической былъ нѣкто Таубершъ. Эшотъ человекъ также питалъ ненависть въ Ломоносову, и старался всячески досаждать и вредить ему. Онъ одобрилъ спашью Тредьяковского къ печатанію, и въ то-же время составилъ цѣлую паршію въ Академіи прошивъ *ногезрительной трубы*, о копорой говорили мы выше. Ее нашли не только неудобною, но и недостойною никакого вниманія.

Оскорбленный Ломоносовъ рѣшился увѣдомить объ эшомъ Шувалова, и въ письмѣ къ нему написалъ, между прочимъ, слѣдующее:
 « Мои манускрипты могутъ нынѣ больше слу-
 « жить нежели я самъ, не имѣя ошъ моихъ
 « недоброжелателей покоя. Сверхъ сего, не
 « продолжая времени, долженъ я при первомъ
 « случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя
 « мои изобрѣшенія, ради славы опеческѣва, дабы
 « не воспослѣдовало съ ними того-же, что съ
 « ногезрительною трубою случилось. Сей ущербъ
 « чести ошъ моихъ трудовъ спалъ мнѣ вдвое

« гореспенъ , для того что шѣ , которые сіе
 « дѣло невозможнымъ почиали, еще и понынѣ
 « жестоко, съ досадительными словами споряшъ,
 « такъ что видя не видяшъ , и слыша не слы-
 « шашъ. Не взирая на то, сшараюсь произвеспи
 « въ дѣйствіе еще новый оппическій инстру-
 « меншъ , кошорымъ-бы много глубже видѣшъ
 « можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ, нежели
 « какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни че-
 « ловѣческой полезно, всякъ удобно разсудишъ
 « можешъ. При семъ не могу преминушъ, чтобы
 « не показашъ явнаго безсовѣстія моихъ не-
 « доброхошовъ. Въ Трудолюбивой , такъ назы-
 « ваемой , Пчелѣ, напечатано о Мозаикѣ весьма
 « презрительно. Сочинишель того , Тредьяков-
 « скій совокупилъ свое грубое незнаніе съ
 « подлою злоспїю , чтобы моему раченію сдѣ-
 « лашъ помѣшательство. Здѣсь видѣшъ можно
 « цѣлый комплошъ. Тредьяковскій сочинилъ, Су-
 « мароковъ принялъ въ Пчелу, Таубершъ далъ
 « напечаташъ безъ моего увѣдомленія въ той
 « командѣ , гдѣ я присуществую. По симъ об-
 « стоятельствамъ ясно видѣшъ , Ваше Высоко-
 « превосходительство , можете , сколько сіи
 « люди даюшъ мнѣ покою, не преслая повреж-
 « данъ мою честь и благополучіе при всякомъ
 « случаѣ! Умилосердитесь надо мною, милоспи-
 « вый государь! свободите меня отъ такихъ
 « нападковъ , кошорые меня огорчая, не даюшъ

« мнѣ проспираюсь далѣе въ полезныхъ и слав-
 « ныхъ моихъ опечеснву упражненіяхъ. Ника-
 « кого не жалаю мщенія; но шокмо всеунижен-
 « но прошу оправданъ бытъ передъ свѣтомъ
 « Высочайшею конфирмаціею доклада Правишель-
 « спвующаго Сенаша, о украшеніи Пешро-Пав-
 « ловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая,
 « прешерпѣваю, сверхъ моего раззоренія, по-
 « смѣяніе и ругашельство. »

На другой день Ломоносову принесли за-
 писку. Не разсмотрѣвши почерка на адресѣ,
 онъ думалъ, что это былъ опвѣтъ Шувалова,
 но къ удивленію своему прочишалъ:

« Старый знакомый жалаешъ повидашься съ
 Г-мъ Профессоромъ М. В. Ломоносовымъ, и
 просишъ его пожаловашъ въ Александро-Нев-
 скій монастырь, гдѣ спросишъ Архіепископа
 Димитрія.

« Архіепископъ Димитрій! » воскликнулъ Ло-
 моносовъ. « Это мой бывшій учишель Даніиль
 Сѣменовъ! Да, онъ, онъ! Я узнаю даже его
 руку! »

Въ шопъ-же день, около вечера, опсправился
 онъ въ Александро-Невскій монастырь. Найдши
 комнашы Архіепископа было не шрудно, но
 келейникъ сказалъ ему, что Высокопреосвящен-
 нѣйшій въ церкви, и что опъ него приказано,
 если придетъ Г. Ломоносовъ, просишъ его по-
 дождашъ.

«Хорошо!» сказалъ Ломоносовъ, и пошелъ взглянуть на монастырь, котораго не видалъ онъ давно.

День былъ удивительный. Солнце, какъ будто упомленное своею дневною дѣятельностію, тихо опускалось и разсыпало свои золотые лучи на недвижномъ зеркалѣ Невы. Ломоносовъ обошелъ монастырь вокругъ, и стоя на берегу величавой Невы вдыхалъ въ себя чистый воздухъ, упоялся вечернимъ благоуханіемъ растений, и съ жадностію глядѣлъ не на городскую природу. Онъ такъ отвыкъ отъ природы сельской!... Въ душѣ его пробудилось такъ много разныхъ ощущеній, что онъ самъ не замѣтилъ какъ очутился на Лаврскомъ кладбищѣ. Эша нива Божія еще не была засѣяна какъ теперь. Немногіе кресты и камни возвышались на ней, и глаза Ломоносова невольно упали на ближнюю надпись. Но что почувствовалъ онъ, когда увидѣлъ, что стоитъ надъ могилою Селлія!... Селлій, нѣкогда его идеалъ учености и ума, еще, кажется, недавно видѣнный имъ въ силѣ и дѣятельности, уже больше десяти лѣтъ лежалъ подъ землею! На могилѣ нѣтъ воспоминаній о слабостяхъ человека, и Ломоносовъ, забывая какъ видѣлъ онъ Селлія въ послѣдній разъ, невольно упрекнулъ себя за то, что отдался слишкомъ рѣзко отъ этого достопамятнаго мужа. Селлій не долго пробылъ Секрета-

ремъ у Лесюка. Черезъ годъ послѣ свиданія съ Ломоносовымъ, онъ исполнилъ свое давнее, пламенное желаніе: усыновилъ себя Греко-Россійской Церкви, и попомъ поспригся въ монашество, подъ именемъ Никодима. Въ 1746 году онъ скончался.

Ломоносовъ съ грустью сообразилъ, что уже нѣтъ многихъ, видѣвшихъ первые годы его и даже первые шаги на помъ поприщѣ, которое проходилъ онъ съ такою славой! И вошъ еще одинъ изъ нихъ!... Онъ поклонился праху Селлія, и задумчиво пошелъ къ Архіепископу.

Сѣченовъ только лишь возвратился опъ вечерней службы, и увидѣвши Ломоносова пошелъ къ нему на встрѣчу. Послѣ обычнаго благословенія паспырскаго, онъ поцѣловалъ его и съ чувствомъ промолвилъ:

— Мы разспались съ вами, Г. Ломоносовъ, почши юношами, а встрѣчаемся снова почши сшариками!

« Больше двадцати пяти лѣтъ прошло, Ваше Высокопреосвященство, со времени Московской нашей жизни.

— Да!... Я былъ не далеко опъ васъ однажды: былъ въ Пешербургѣ, лѣтъ семь назадъ, но меня почши поппчасъ опправили въ Рязань. А я очень желалъ видѣшься съ вами, Г. Ломоносовъ! Ваша слава оправдала всѣ надежды!...

« Ваше Высокопреосвященство говорише съ прежнимъ снисхожденіемъ о своемъ ученикѣ!

— О, совсѣмъ нѣтъ! Я теперь гошовъ бышъ ученикомъ вашимъ, не смопръ на шо, что въ своемъ мѣспѣ я шо-же персона важная! Но для васъ, Г. Ломоносовъ, я прежній Лапинщикъ Сѣченовъ!

« Ваши насшавленія и совѣты никогда не изглаживались въ моемъ сердцѣ!

— А что? развѣ не правду говаривалъ я вамъ, что мы сами загошовляемъ себѣ будущее, и что шрудолубіе, шерпѣніе, всегда получаешъ свою награду? Вы живое доказапельство эшому.

« Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, за благосклонный опзывъ; но для меня и шеперь не меньше необходимы слова: шрудъ и шерпѣніе. Испытанія жизни кажутся увеличивающіяся вмѣспѣ съ годами.

— А, любезный другъ! Эшо говоришъ всякой, кто имѣлъ какое нибудь прикосновеніе къ міру, лѣшъ десяшковъ нѣсколько! Неужели вы думаете, что наша монашеская ряса защищаешъ опъ спрасшей человѣческихъ? Нѣтъ, онѣ преслѣдуютъ и насъ! Мы слагаемъ съ себя наши собственные спрасши, но извнѣ онѣ прокрадывающіяся и въ дверь монаха.

« Ваше Высокопреосвященство! вы возвращаетесь иногда къ міру какъ паспырь, какъ на-

спавникъ и цѣлишель душъ. Это жерпва съ вашей спороны. Но мы, бѣдные, мы сами рабы своихъ и чужихъ спрасшей! . . .

Димитрій улыбнулся и медленно сказалъ :

— Я, шакъ-же какъ и вы, не знаю, куда еще повлечешъ меня вихрь міра. Я чувспвую въ себѣ много дѣшельносши. . . . Можешъ бышъ, смиренная келья совершенно скроешъ меня опъ буръ свѣша; можешъ случишъся и прошивное. . . . Но, полно объ эпомъ! . . . Поговоримъ лучше о прежнемъ.

Ломоносовъ долженъ былъ пересказать Архіепископу почти всю повѣсшъ своей жизни. Прошедшее обновилось для него. Въ шакихъ припоминаніяхъ бываешъ много умилишельнаго, особенно для шѣхъ, кшо провелъ годы жизни своей не безъ чувспва. Никогда не могъ-бы подозрѣвашъ Ломоносовъ, что разговоръ съ Сѣченовымъ, человѣкомъ спрогаго, рѣзкаго ума, пробудилъ въ немъ шакое расположеніе духа. Онъ пришелъ въ умиленіе и приписывалъ это дѣйспвіе своему собесѣднику.

Но въ словахъ Архіепископа, не смошря на желаніе его смиришъ себя, сверкало прежнее неукрошимое чесполюбіе. Когда Ломоносовъ началъ говоришъ о наспоящей своей жизни и непріятносняхъ, какими окружающъ его враги, Сѣченовъ возвысилъ голосъ.

—Надобно умѣшь смиряться, Г. Ломоносовъ! Смирись предъ вашими противниками, чшобы не раздражалъ ихъ своею возвышенностью, и употребляй ее только для достиженія къ своей цѣли.

« Но моя цѣль полезный трудъ. Я не желаю почестей, не желаю никакихъ наградъ, и ничего, кромѣ свободы въ моихъ занятіяхъ. А ее-то и не дають мнѣ они!

Глаза Сѣченова заблестали и онъ сказалъ какимъ-то пронзительнымъ голосомъ :

— Мы лжемъ на свою природу, когда говоримъ, что не желаемъ ничего, что мы у цѣли, и что намъ осмѣлится только совершенствоваться пріобрѣтенное трудомъ. Этого не бываетъ никогда. Кто рѣшился возвыситься надъ толпой современниковъ своихъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, тотъ обрекъ себя на вѣчный трудъ, и у того нѣтъ определенной цѣли. Да, потому что на высшій горизонтъ раздвигается до неизмѣримости! Вы хотите распространить науки и прославить свое имя въ Россіи? Но гдѣ граница этому? Одинъ успѣхъ требуетъ другаго! Когда меня произвели Архимандритомъ Свѣжскаго монастыря, я уже чувствовалъ, что этого мѣста мало для моей дѣятельности. Бывши Епископомъ, я желалъ еще большаго. Теперь, милости Импе-

раширицы возвысили меня еще больше, и я благоговѣю передъ ними, но никакъ не скажу, что доспигнулъ своей цѣли. Я за то-то и люблю васъ, Г. Ломоносовъ, что вами обладаетъ это самое чувство! Вы только не хошите сознаваться въ немъ.

«Позвольте мнѣ, Ваше Высокопреосвященство, сказать, что честолюбіе никогда не было моею слабостью.

— А развѣ не честолюбіе эта жажда Науки? Развѣ не честолюбіе это желаніе возвыситься надъ просвѣщеніемъ современниковъ? Это сильнѣйшее изъ всѣхъ честолюбій, потому что оно хотѣетъ господства надъ *умами*. Не важно первенствовать надъ толпой мужиковъ; но стоять выше толпы ученыхъ!... О!... прибавилъ Архіепископъ улыбувшись — этому равняюсь развѣ мое желаніе проповѣдывать теперь правду Царямъ, какъ прежде проповѣдывалъ я Казанской или Нижегородской паствѣ.

«Но такое благородное честолюбіе есть уже слабость высокая. Это великій подвигъ для блага, хотя наружность и показываетъ его чѣмъ-то себялюбивымъ.

— Разбираешь слабые человѣческія трудно, потому что онѣ никогда не являющіяся поодиночкѣ. Надобно чтобы основаніе было велико и благородно: вотъ главное. А для доспиганія къ назначенной цѣли необходимо усмирять

нетерпѣливые порывы: они раздражаютъ шѣхъ, кшо идешъ съ вами рядомъ, и слѣдовательно задерживаютъ ваши успѣхи. Попытайтесь употребить это средство съ своими, какъ вы называете, противниками, и вы увидите, что они сдѣлаются вашими союзниками, вашими орудіями.

«Принимаю всѣ ваши совѣты,» отвѣчалъ Ломоносовъ, «но этимъ не могу воспользоваться. Теперь, когда мнѣ уже почти пятьдесятъ лѣтъ, я не могу передѣлать себя, и желаю только докончить смиренно свои труды.

— И никогда не достигнете этого! У васъ всегда будутъ препятствія и враги. Надобно спастъ выше людей: тогда только они умолкнутъ передъ вами.

Такое огромное честолюбіе почти ужаснуло просподушнаго Ломоносова. Сѣменовъ раскрылъ для него новый міръ, котораго поэтъ не постигалъ до сихъ поръ. . . .

Ломоносовъ спалъ прощаясь съ Архіепископомъ, и онъ сказалъ ему:

— Можешъ быть мы опять не скоро съ вами увидимся. Я здѣсь на нѣсколько дней, по дѣламъ, и возвращаюсь въ свой Новгородъ. Благословляю на благой трудъ, для славы и пользы отечества! Но, вспоминайте, хоть иногда, о моихъ словахъ.

На пуши домой, Ломоносовъ воображалъ себѣ прежняго Даніила Сѣченова, своего Лапинскаго учишеля, и сравнивая эшо лицо съ видѣннымъ имъ Архіепископомъ, не могъ опомнишься опѣ изумленія. Никогда не подозрѣвалъ онъ, чпо-бы въ скромномъ его учишелѣ скрывался шакой высоко-чесплюбивый сановникъ. Такъ много значашъ въ жизни челоѣка двадцапъ пяпъ лѣпъ! Ломоносовъ сообразилъ свою жизнь: какое измѣненіе и въ ней!

«Чпѡ еще ожидаешъ насъ въ будущемъ?» подумалъ онъ.

Увидимъ.

Глава XV.

Шувалову было непріятно письмо Ломоносова. Онъ видѣлъ въ немъ не однѣ справедливыя жалобы оскорбленнаго ученаго: онъ видѣлъ новую вспышку горячаго сердца. Ему казалось, что любимецъ его безпрестанно смѣшиваеся съ толпой обыкновенныхъ ученыхъ и не переспаешъ ссориться съ ними. Чшобы избавить его отъ сплешней, и вмѣстѣ показать высокое уваженіе къ уму и познаніямъ его, Шуваловъ исходатайшвовалъ Ломоносову новую должность: ему поручили въ полное завѣдываніе Академическую Гимназію, и сверхъ того назначили его непремѣннымъ Совѣшникомъ при Шуваловѣ, по дѣламъ Московскаго Университета. Это возвысило его въ глазахъ многихъ. Особенно товарищи по Академіи начали оказывать больше уваженія человѣку, получившему несомнѣнныя доказательства силы, какую имѣлъ онъ у одного изъ первѣйшихъ вельможъ. Самыя обязанности его сдѣлались гораздо значительнѣе,

и Ломоносовъ съ новою ревностью приступилъ къ исполненію ихъ , сблизился еще больше съ Шуваловымъ, и, видаясь съ нимъ почти каждый день, безпрестанно предлагалъ ему разные преобразованія по ученой части. Онъ никогда не умѣлъ понять и не соглашался, чтобы хорошая, благодѣтельная мысль могла оспариваться неисполненною, и пошому часто сердился на Шувалова, который, зная дѣла и отношенія , не могъ брать на себя всего , что предлагалъ дѣшительный его Совѣтникъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, эпошъ Совѣтникъ вполне увидѣлъ благородную душу и прекрасное направленіе ума Шувалова. Уваженіе его къ нему увеличилось еще больше.

Онъ окончилъ въ это время двѣ первыя пѣсни своей поэмы *Петръ Великій* , и въ восторгѣ сердца посвятилъ Шувалову начало своего *Великаго труда*. Вообще это время было апогеемъ славы и жизни Ломоносова. Въ 1760 году издалъ онъ наконецъ свой *Краткій Россійскій Лѣтописецъ* , который былъ принятъ съ большимъ успѣхомъ , такъ-же какъ и *Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ*. Хвалы и оплічія сыпались на автора со всѣхъ сторонъ.

Но, самое прискорбное извѣстіе неожиданно помрачило свѣтлые дни его. Другъ и воспитанникъ Ломоносова , Н. Н. Поповскій , скончался въ Москвѣ! Ему еще не было и тридцати лѣтъ ; онъ только лишь вступилъ на то по-

прище, которое приготовилъ себѣ блистательными успѣхами ; будущее цвѣло для него лаврами , и вдругъ все прекратила рановременная смерть ! Можно представить себѣ какъ былъ пораженъ Ломоносовъ ! Нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ своей комнаты, не могъ принявшись ни за что, и искалъ забвенія только на днѣ винной чаши. Несчастное забвеніе ! Оно вело его къ гибели, но онъ уже такъ приучилъ себя къ нему, что считалъ необходимымъ средствомъ во всѣхъ непріятныхъ случаяхъ жизни, и даже оправдывалъ себя въ собишвенныхъ глазахъ своихъ. . . .

Его не обрадовало даже исполненіе давняго желанія его, которое еще за нѣсколько времени казалось ему послѣднимъ , лучшимъ изъ всѣхъ его желаній. Императрица утвердила докладъ Сенаша о мозаическихъ картинахъ для украшенія Петро-Павловскаго собора , и на издержки художнику назначили довольно большую сумму.

Но таково свойство сильныхъ душъ, что ихъ не лзя пробудить извнѣ, если внутренняя, самобытная жизнь ихъ дремлетъ. Ломоносовъ не внималъ ничему, покуда не проснулся самъ. За то , спрыхнувъ тяжелый сонъ , онъ явился прежнимъ гигантомъ нравственнаго міра. Грусть о потерѣ милаго человека оставила

слѣдъ въ его сердцѣ; но онъ измѣрилъ эту потерю, онъ побѣдилъ поску, и съ новымъ мужествомъ принялся за свои пруды.

Прежде всего началъ онъ исполнять мозаическую картину Полтавской битвы. Работа кипѣла одушевленіемъ и быстро подвигалась впередъ. Между тѣмъ, онъ продолжалъ всѣ другіе пруды, къ которымъ прибавились теперь забои о ввѣренномъ ему ученомъ управленіи. Шуваловъ жилъ почти всегда при Дворѣ Императрицы, которая проводила лѣтніе мѣсяцы то въ Царскомъ Селѣ, то въ Пешергофѣ. Ломоносовъ ѣздилъ очень часто въ эти царскіе загородные дворцы, и рѣдко возвращался съ успѣхомъ, потому что проекты и предложенія его были слишкомъ многочисленны, а исполнять ихъ было не легко.

Онъ задумалъ наконецъ преобразовать Академію, и зимою 1760 года неуспѣшно просилъ объ этомъ Шувалова. Тотъ оспаривался, общалъ, спорилъ, и наконецъ согласился дать ходъ проекту его. Ломоносовъ былъ въ ожиданіи, когда однажды Шуваловъ прислалъ просить его къ себѣ обѣдать. Обрадованный поэтъ, общая себѣ добрая вѣсти, спѣшилъ на приглашеніе.

Нѣсколько изумило его собраніе, которое нашелъ онъ у своего покровителя. Тутъ были знаменитые люди, вельможи, нѣсколько знакомыхъ

лицъ , и наконецъ — Сумароковъ ! Непріятное чувство вспѣснилось въ сердце Ломоносова. Но что почувствовалъ онъ , когда Шуваловъ оповѣлъ его къ споронѣ и сказалъ :

— Михайло Васильевичъ ! Знаешь-ли зачѣмъ я призывалъ тебя ?... Помирись съ Сумароковымъ ! Онъ признается , что былъ несправедливъ къ тебѣ , и самъ проситъ мира.

Ломоносовъ не зналъ что отвѣчать на эти неожиданныя имъ слова ; но Шуваловъ , не дожидаясь отвѣта его , сказалъ громко :

— Александръ Пепровичъ ! Возьмъ вамъ руку моего пріятели , что онъ забываетъ все прежнее и будетъ опнынѣ вашимъ добрымъ знакомцемъ.

Сумароковъ тотчасъ подскочилъ къ Ломоносову , схватилъ его руку , и пожимая ее заговорилъ быспро :

— Очень радъ , Михайло Васильевичъ , очень радъ , что мы будемъ съ вами шеперь пріятели. Я самъ просилъ Его Высокопревосходительства свесити насъ , пошому что за что намъ ссориться ? Мы оба пишемъ стихи ! Такъ что-жъ ? Я пишу хорошо , и вы не хуже ! Я , сударь , читалъ вашу поэму , и тотчасъ сказалъ , что вы великій поэтъ ! Да-съ , безъ утайки скажу это , при цѣломъ свѣтѣ. Ваша поэма полна красотъ ! Какіе прекрасные стихи , картины ,

вымыслы! Лавровый вѣнокъ вамъ, лавровый вѣнокъ! Ешъ, правда, грѣхи прошивъ языка, и я могъ-бы замѣшишь вамъ. . . . но, вы сами сочинили Грамматику: не мнѣ учишь васъ! Прекрасно, сударь, прекрасно! Только вы, я думаю, не скоро dokonчите вашъ трудъ? Ешъ-ли у васъ еще въ готовности хоть одна пѣснь? . . .

Эта рѣка словъ разлилась шакъ быстро, что Ломоносовъ не могъ ничего ни сообразить въ словахъ Сумарокова, ни отвѣчать на нихъ, и только распворилъ ротъ, какъ собесѣдникъ его уже снова говорилъ:

— А я шакъ предпринялъ переложить въ стихи всѣ псалмы Давида. Труда много, да я не боюсь его. Не хочу соперничать съ вами, и пишу только для прославленія Россійскаго слова. Какъ хоще, а мы съ вами уже не будемъ соперниками. Да вотъ, ровно годъ назадъ, вашъ и мой переводъ оды господина Руссо *На счастіе* былъ напечатанъ въ *Полезномъ Увеселеніи*. Чей лучше? Судить не мое дѣло, а признайшесь, что я перевелъ гораздо повѣрнѣе васъ. Я поспигъ Французскихъ писателей, и лучше меня не будуъ переводить ихъ и чрезъ сто лѣтъ. Я еще недавно получилъ письмо отъ Г-на Вольшера. . . . Позвольте, оно, кажешся, со мной. . . .

Покуда Сумароковъ шарилъ въ карманахъ, Ломоносовъ опиралъ голову, кошорый высту-

пилъ на лицѣ его опъ досады на эту шумовскую сцену. Въ самомъ дѣлѣ, двухъ литературныхъ враговъ окружили многіе господа, и съ улыбкою смопрѣли на ихъ встрѣчу. Ломоносовъ бѣсился опъ этого и молчалъ, а Сумароковъ, не обращая вниманія ни на что, воскликнулъ :

—Какая досада! забылъ дома! . . . Ну да все равно. Вы повѣрите и на слово, что Г. Вольшеръ опдаешъ мнѣ полную справедливоспъ. Онъ даже удивляется, какъ могу я писашъ прагедіи на Русскомъ языкѣ.

« Мнѣ однакожъ спранно, » возразилъ Ломоносовъ, выведенный изъ терпѣнія этою болтовней, « спранно, какъ Г. Вольшеръ берешся судишъ о такомъ предметѣ, котораго не можешъ понимаешъ. Вѣдь онъ не знаешъ по-Русски?

— Да я развѣ говорю, что онъ знаешъ? Напрошивъ, онъ даже не вѣришъ, что на Русскомъ языкѣ можно писашъ прагедіи. А вы знаете, » прибавилъ Сумароковъ съ довольнымъ видомъ, « написалъ-ли я прагедіи, и каковы онѣ! Вы и сами дѣлали попышку; да вы не знаете театральныхъ эффекшовъ; опъ того и прагедіи ваши не попали на театръ. За то ваша поэма единспвенна!

Сумароковъ продолжалъ говоришъ безпре-
спанно, покуда не позвали всѣхъ къ сполу. Онъ хотѣлъ было сѣспъ подлѣ Ломоносова, но

поэтъ уклонился отъ этой тяжелой для него
чесши и сѣлъ по другую сторону стола. Су-
мароковъ и поэтъ находилъ средство непре-
станно обращаться къ новому своему другу,
который или не отвѣчалъ ничего, или отвѣ-
чалъ какъ можно короче. Хозяинъ былъ чрез-
вычайно любезенъ со всѣми, но особенное вни-
маніе обращалъ на своихъ ученыхъ гостей.
Замѣчая, что они худо сближаются, онъ ста-
рался завести общій разговоръ, гдѣ Ломоно-
совъ могъ-бы выказать свой умъ и свои по-
знанія. Но поэтъ былъ угрюмъ. Тѣсно было его
душѣ среди этого свѣтскаго, чуждаго для
него общества; а всего больше досаждалъ ему
Сумароковъ, навязываясь со своею дружбою.

Наконецъ пышный обѣдъ кончился и гости
перешли въ другую залу. Сумароковъ уже былъ
подлѣ Ломоносова, подчивалъ его шабакомъ,
и опять завелъ рѣчь о прежнемъ, то есть о
своихъ стихахъ и литературныхъ успѣхахъ.

— Я спрхъ сердись на Гг. Миллера и Тау-
берша! — сказалъ онъ между прочимъ. — Это,
сударь, себялюбцы, непросвѣщенные люди, гру-
біяны. Вдругъ не спали имъ нравишься мои
стихи! Да повѣрю-ли я этому? Вѣдь прежде
они съ радостью принимали ихъ? Миллеръ пе-
чашалъ, а Таубершъ пропускалъ. Тутъ другая
причина! . . . Да я и не нуждаюсь. Я живу въ
шакомъ кругѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить дарованія.

Знаете-ли , Михайло Васильевичъ — прибавилъ онъ—что вамъ-бы не худо бытъ почаще въ нашемъ общественномъ кругѣ, то естъ вошъ посѣщашъ-бы меня , познакомишья съ моимъ семействомъ. Право, прїѣзжайте ко мнѣ, и позвольте также нашимъ женамъ посблизитъ. Я почпу за честь познакомишья съ Г-жею Коллежскою Совѣтницею , не знаю имени и опчества супруги вашей. . . .

«Благодарю,» сказалъ Ломоносовъ. «Жена моя прослая женщина, Нѣмка, и не привыкла обрашья въ свѣтѣ. Она всегда сидитъ дома !

— Но почему-же не развлекашъ себя иногда? Слава Богу, ваше званіе , ваше имя даюшъ доступъ во всѣ лучшіе дома. А мы-бы съ вами между шѣмъ разсуждали о Россійской Словесности. Вошъ, бапюшка, предметъ неисшощимый ! У насъ все новосъ. Я , напрымѣръ, недавно изумилъ одно знашное общество. Ушверждали , что на Русскомъ языкѣ не лъзя писашъ нѣжныхъ стиховъ. Я заспорилъ, и въ доказательство, шупъ-же написалъ имъ спо двадцашъ двуспишій , любовныхъ , паспушескихъ и всякихъ. Да, вѣдь вошъ что спранно. Чисали, восхищались Русскими стихами, а начали хвалишъ по-Французски!... Господъ, сказалъ я имъ: развѣ у насъ нѣтъ своего , Русскаго языка? А они спали смѣяшья. Жалкая, сударь , эша

спрасъ къ чужому языку, и она видимо усиливается.

Ломоносовъ совершенно потерялъ перпѣніе, и воспользовался первою удобною минутою убѣжать опѣ несноснаго для него человѣка. Знашныя господа усѣлись играть въ каршы, Сумароковъ поймалъ какого-то гвардейскаго офицера и началъ ему чипать наизустъ опривки изъ новой своей трагедіи, а Ломоносовъ, пихонько, незамѣтно ни для кого, ушелъ, проклиная эпопѣ несчастный день.

« Чшо эпо дѣлаешъ со мною Иванъ Ивановичъ ! » думалъ онъ. « Какъ ему не совѣстно связываться съ эшимъ человѣкомъ, и еще сводишь насъ, миришь, какъ будто злыхъ собакъ ! О, эпи бояре ! » Онъ невольно попнулъ. « Самый лучшій изъ нихъ оспаешся вѣренъ своей касѣ. Они почишаютъ все дозволеннымъ для себя. Они думаютъ, что имъ споишъ только пожелаешь, и все исполнишся. Нѣшъ, господѣ ! вы ошибаетесь. Вамъ не помиришь огня съ водою, человѣка съ дуракомъ, и Ломоносова съ Сумароковымъ ! »

Въ спрашной досадѣ возвратившись домой, онъ рѣшился выразишь Шувалову всѣ свои чувства и пошчасъ исполнилъ эпо. Въ пошъ-же вечеръ написалъ и опправилъ онъ къ нему письмо, образецъ благородства и прямоты. Не знаемъ ничего въ эпомъ родѣ лучше слѣдующихъ спрокъ :

«Никшо въ жизни меня больше не избидилъ,
 « какъ Ваше Высокопревосходительство. При-
 «звали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ,
 « можешь быть какое нибудь обрадованіе бу-
 « дешъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ.
 « Вы меня опозвали и шѣмъ поманили. Вдругъ
 « слышу: помирись съ Сумароковымъ ! То есть
 « сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ
 « человекомъ, отъ коего всѣ бѣгають и вы
 « сами не рады. Свяжись съ шѣмъ человекомъ,
 « который ничего другаго не говоритъ, какъ
 « только всѣхъ бранишь, себя хвалишь, и бѣд-
 « ное свое рифмичество выше всего человѣче-
 « скаго знанія спавишь. Тауберша и Миллера
 « для того только бранишь, что не печатають
 « его сочиненій, а не ради общей пользы. Я
 « забываю всѣ его озлобленія, и мспишь не хочу
 « ни коимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злоб-
 « наго сердца. Только дружишься и обходишь-
 « ся съ нимъ ни коимъ образомъ не могу,
 « испытавъ чрезъ многіе случаи, и зная каково
 « въ крапиву. . . . . Не хопя васъ оскорбишь
 « опказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я
 « вамъ послушаніе, только васъ увѣряю, что въ
 « послѣдній разъ. И ежели, не смошря на мое
 « усердіе, будете гнѣвашся, я полагаюсь на
 « помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ
 « жизнь защитникомъ и никогда не оставилъ,
 « когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей

« справедливости. Ваше Высокопревосходитель-
 « ство, имѣя нынѣ случай служишь отечеству
 « спомоществованіемъ въ наукахъ, можете луч-
 « шія дѣла производишь, нежели меня мирись
 « съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мстишь
 « за обиды и не думаю, и только у Господа
 « прошу, чшобы мнѣ съ нимъ не знашься. Будь
 « онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай
 « дѣлаешь пользу отечеству; я по моему мало-
 « му таланту также готовъ спараться. А съ
 « такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу
 « и не хочу, копорый всѣ прочія знанія позо-
 « ришь, копорыхъ и духу не смыслишь. И сіе
 « есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія
 « спроси нынѣ вамъ предспавляю. Не токмо у
 « шшла знашныхъ господъ, или у какихъ зем-
 « ныхъ владѣтелей дуракомъ бышь не хочу, но
 « ниже у самого Господа Бога, копорый мнѣ
 « далъ смыслъ, пока развѣ опнимешь. Г. Сума-
 « роковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, споль-
 « ко всякаго вздору наговорилъ, что на весь
 « мой вѣкъ спанеешь, и радъ, что его Богъ
 « опъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня
 « сполько дѣла, что я опказался опъ всѣхъ
 « компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть
 « дома, и не желаюшь съ комедіаншами обхож-
 « денія. Я пустой болшніи и самохвальсшва не
 « люблю слышашъ. И по сіе время ужились мы
 « въ единодушїи. Теперь, по вашему мирошвор-

« спву, должны мы всшупишь въ новую, дурную
 « ашмосферу. Ежели вамъ любезно распроспра-
 « неніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ
 « усердіе не исчезло въ памяти, посшарайтесь
 « о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ
 « для пользы опечества прошеніяхъ, а о при-
 « миреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣ-
 « лочномъ дѣлѣ, позабудыте. Ожидая опъ васъ
 « справедливаго опвѣща, съ древнимъ высоко-
 « почипаніемъ пребываю, и проч.

Послѣ шакого письма, Шуваловъ, разумѣшся, оставилъ свое намѣреніе примирить непримиримыхъ. Да и возможно-ли было эшо? Въ сердцѣ человѣческомъ много шайнъ, но одна изъ самыхъ непосшижимыхъ — опвращеніе или привязанность, эши два чувсшва, равно могущесшвенныя и непобѣдимыя. Ломоносовъ чувсшвовалъ рѣшительное опвращеніе къ Сумарокову и ко всей его паршii, приходилъ въ гнѣвъ при одной мысли :сблизись съ ними, и досадовалъ на Шувалова за самое намѣреніе его объ эшомъ. Между шѣмъ, мы видимъ, что Сумароковъ желалъ пріязни Ломоносова, и самъ сдѣлалъ первый вызовъ на нее. Можешь бышь, спшанушь обвинять нашего поэта, зачѣмъ опвергнулъ онъ эшопъ *гестный миръ*. Зачѣмъ! Таково было глубокое чувсшво его къ Сумарокову. Онъ не могъ видѣшь его, не могъ слышать о немъ безъ досады, и основаніемъ эшо-

го конечно была совершенно-прошивуположная природа ихъ ума и сердца.

Но эша маленькая досада скоро миновалась, и Ломоносовъ по прежнему былъ въ своихъ любимыхъ шрудахъ. Мозаическая, огромная картина Полшавской бишвы была почти окончена, и уже заранѣе онъ радовался шоржесшву своему. Такъ много охуждали его мысль, шакъ много испышалъ онъ препяшсшвій при исполненіи ея, что, можетъ бышь, ничего въ жизни не ждалъ онъ съ бѣльшимъ нешерпѣніемъ, какъ шой минушы, когда превосходное произведеніе его шоржесшвенно займешъ свое мѣшпо.

Эшо было въ концѣ 1761 года. Здоровье Имперашрицы давно возбуждало опасенія; но около эшого времени усилились прискорбные слухи о ея жизни. Всѣ любившіе ее еще льсшили себя надеждой; всѣ вѣрили, что грозныя предвѣсшія пройдушъ какъ шяжкій сонъ. Провидѣніе опредѣлило иначе. Имперашрица скончалась въ самый день Рождесшва Хрисшова....

Эшо было шяжкимъ ударомъ для многихъ; въ томъ числѣ и для Ломоносова. Онъ былъ пораженъ совершенно, пошому что обожалъ Имперашрицу Елисавету, и, сверхъ шого, предвидѣлъ, что она многое унесла съ собой въ могилу.

Глава XVI.

При новомъ Императорѣ дѣла приняли новое направленіе, и Шуваловъ пошчасъ увидѣлъ, что ему надобно удалиться отъ нихъ. Не занимая никакихъ важныхъ должностей офиціально, онъ былъ силенъ только личною значительностью своею, и еще больше своихъ родственниковъ. Такимъ образомъ, ему было легко перейти къ уединенной, независимой жизни. Съ нимъ вмѣстѣ поперялъ много силы и Ломоносовъ, которъй, можно сказать, жилъ и дышалъ имъ. Правда, у него оставался еще покровитель, Графъ Воронцовъ; но послѣ паденія Канцлера Беспужева, котораго занялъ онъ и мѣсто, Воронцовъ былъ обремененъ множествомъ дѣлъ, такъ что, въ послѣдніе годы, Ломоносовъ даже рѣдко видался съ нимъ. Теперь, когда вліяніе Шуваловыхъ, и вмѣстѣ съ ними Разумовскихъ, ослабло, у нашего поэта не оставалось почти никакого покровителя изъ сильныхъ вельможъ.

Воронцовъ, всегда бывшій приверженцемъ Петра III-го, сохранилъ мѣсто Канцлера, и приобрѣлъ еще большую силу при Императорѣ; но мы уже упомянули, что ему не было досуга заниматься Ломоносовымъ.

Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельствова привели въ уныніе нашего поэта. Онъ прогрѣмѣлъ лирой восшествіе на престолъ Императора, и ждалъ лучшихъ дней; но духъ его упалъ. Ему казалось, что со смертию Императрицы все для него кончилось. Особенно прискорбно было нравственное паденіе его: онъ больше прежняго спалъ предаваясь своей несчастной спраси.

Но событія шли быстро. Царствованіе Императора было кратковременно, и престолъ Россіи заняла юная Императрица Екашерина II. Она умѣла вдругъ все оживить и привлечь къ себѣ. Самъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, въ первый день ея царствованія явился во дворецъ, и Екашерина, увидѣвши его, сказала благосклонно: «Радуюсь, Иванъ Ивановичъ, что и вы съ нами!» Но Шуваловъ уже не могъ имѣть прежняго вліянія на дѣла. Онъ показывалъ готовность дѣйствовать, но оставался почти безъ дѣла.

Почти въ такихъ-же отношеніяхъ былъ и нашъ Ломоносовъ. Онъ зналъ, что новая Императрица обѣщаетъ славные дни своему Государ-

спиву; но уже лѣта, прискорбія, шруды ушомили сильную душу его. Онъ хотѣлъ быль только зришелемъ и спокойно окончивъ свое недовершенное поприще. Но можешъ-ли располагашъ своими одушевленіями поэшь? Можешъ-ли онъ знашь покойспвіе? Первый внезапный порывъ обшояшельспвѣ увлечешъ его съ собою.

Ломоносовъ написалъ оду на восшесшвіе на пресшоль Екашерины, и черезъ нѣсколько дней получилъ приглашеніе явишься во дворець. Онъ вспрѣшилъ шамъ неожиданный пріемъ: его какъ будпо ждали и шопчасъ провели въ комнашъ приближенной Шпашсъ-Дамы, Екашерины Романовны Дашковой. Ломоносовъ видалъ эшу знаменишую женщину ребенкомъ, пошому что она была племянница Графа Воронцова. Въ домѣ его не разъ вспрѣчалъ онъ умную, спрасшную къ ученью дѣвочку, и слышалъ послѣ, что она вышла за мужъ на 15-мъ году. Но замужспвое не было счасшливо: на 18-мъ году она овдовѣла. Искренно преданная Великой Княгинѣ, она въ цвѣшущіе, розовые годы юноши сдѣлалась одною изъ самыхъ близкихъ особъ при Императрицѣ.

Въ красотѣ и блескѣ явилась она Ломоносову.

—Я имѣю порученіе Ея Величесшва изъявишь вамъ Высочайшее благоволеніе Ея—сказала она Ломоносову — и пользуюсь эшимъ счасшливымъ

случаемъ возобновишь знакомство съ вами ,
Михайло Васильевичъ !

« Вы являешесь мнѣ покровительнымъ ангеломъ , какъ прежде являлись ангеломъ счастья для всѣхъ окружавшихъ васъ ! » сказалъ признательный Ломоносовъ. « Извините, милоспивая государыня ! ... Я не умѣю выразишь вамъ благодарности, какою исполнено мое сердце.

— А я въ первый разъ испытываю шеперь, какъ пріятно имѣшь порученія земныхъ Власпителей: ихъ щедроты и милоспи отражающся и на шѣхъ , кшо въ эпомъ случаѣ не больше какъ исполнишель. Впрочемъ — прибавила она улыбаясь — я буду спараться заслужишь ваше доброе мнѣніе. Вы знаете , а можешъ бышь и нѣшь, что я всегда любила слушашь васъ, всегда восхищалась вашими сочиненіями. Теперь, когда науки соспавляють все мое ушѣшеніе, я гляжу на васъ съ новымъ чувспвомъ , какъ благодарная почипательница ваша.

Свѣтскіе люди вообще не умѣють говоришь комплиментовъ ученымъ и липператорамъ : Ломоносовъ испыталь эшо не разъ ; но шуть онъ слышалъ новый языкъ , шакже условный, но вѣрный всѣмъ приличіямъ и пріятный для его самолюбія. Можешъ бышь юность и свѣжессть собесѣдницы придавала всему эшому новую цѣну ; но поэшь конечно чувспвоваль, что въ

словахъ прекрасной почишательницы его была и неподдѣльная искренность.

Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ. Дашкова имѣла случай показать свой умъ и обширныя познанія. Она казалась въ восторгѣ отъ Ломоносова, звала его къ себѣ на вечера, и даже принудила дать слово явиться по первому ея приглашенію. Осмнадцати-лѣтняя вдова, милая, образованная, близкая къ всесильной власти, имѣетъ въ себѣ много плѣнительнаго. Но спарикъ Ломоносовъ былъ особенно очарованъ ея необыкновенными познаніями, и, можешь бытъ, тѣмъ, что она какъ будто изучала всѣ его сочиненія. Не только стихи, но и ученые труды его были извѣстны ей совершенно.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ приглашеніе отъ Дашковой. Она не говорила ему при свиданіи, что любитъ собирать у себя липшеровъ, или по крайней мѣрѣ любителей Словесности, но онъ нашелъ ихъ у нея.

Кто-же были это? Люди, почти вовсе неизвѣстные Ломоносову, кромѣ молодаго Нѣмца Шлецера, люди, какъ говорится, новаго поколѣнія: Ѳедоръ Эминъ, Князь Щербатовъ, Новиковъ, Булгаковъ, Веревкинъ, Державинъ!

Надобно объясниться, кто были они.

Шлецеръ, почти за годъ передъ тѣмъ вызванный Миллеромъ изъ Гёшпингена, сохранялъ еще весь первообразъ молодаго Нѣмецкаго ученаго,

только что оставившаго Университетскую скамью. Ему было едва-ли 27 лѣтъ, и онъ уже предвѣщалъ собою будущаго знаменитаго изслѣдователя Русской Исторіи. Но его суровый видъ, строгій характеръ и опривисшыя рѣчи не могли сблизить съ нимъ Петербургскихъ ученыхъ, такъ, что, проживши почти годъ въ нашей сѣверной столицѣ, онъ не зналъ почти никого изъ нихъ, и уже бранилъ всѣхъ безъ исключенія.

Совсѣмъ иное былъ Федоръ Эминъ, Турокъ, Тапшаринъ, ренегатъ, Богъ знаетъ что такое. Онъ называлъ себя Русско-Польскимъ урожденцемъ, говорилъ на множествѣ языковъ Европейскихъ и Восточныхъ, былъ остроуменъ, даже любезенъ по своему, хотя не отличался хорошимъ обхожденіемъ, угождалъ всѣмъ и каждому, и за то его любили. Много рассказывали темныхъ преданій о его ренегатствѣ, о его приключеніяхъ, но самъ онъ смѣялся надъ эшимъ и опдѣлывался шулками. Его молодая лѣта казались опроверженіемъ безконечныхъ рассказовъ о его жизни.

Гораздо занимательнѣе былъ Князь Щербатовъ. Онъ испыталъ неудачу по службѣ при послѣднемъ Императорѣ, былъ опсавленъ изъ гвардейскихъ Капитановъ, и теперь являлся какимъ-то гонимымъ. Строго соблюдая приличія свѣтскаго, лучшаго тона, онъ однакожь съ

презрѣніемъ говорилъ о службѣ , философствоваль, и хошѣлъ представляться ученымъ и глубокомысленнымъ. Всѣ знали, что онъ занимается Русскою Исторіею.

Булгаковъ и Веревкинъ имѣли извѣстность людей пишущихъ , и въ самомъ дѣлѣ писали неушомимо. Эшо не часто встрѣчается у насъ и шеперь. Впрочемъ , Булгаковъ пользовался еще славою умнаго молодаго чиновника , а Веревкинъ прудолюбиваго словесника , что и оправдалъ онъ послѣ , издавши въ свою жизнь помовъ сно прудныхъ переводовъ , большею часнію хорошихъ книгъ.

Тутъ-же были два молодые солдата , Новиковъ и Державинъ, оба юноши лѣтъ по-осмнадцати , оба служившіе , по тогдашнему обычаю дворянъ, въ нижнихъ чинахъ Гвардіи, оба бессмертные именами въ Исторіи Русской Литературы. Новиковъ имѣлъ отъ природы самую счастливую физіогномію , и опличался необыкновеннымъ остроуміемъ и ловкостью. Умъ блиспалъ въ его лицѣ и каждомъ поступкѣ. Державинъ , напрошивъ , казался проснякомъ, былъ неуклюжъ, неловокъ, но все эшо до перваго одушевленія : тогда показывалъ онъ сильный характеръ, умъ и душу.

Въ шакомъ обществѣ явился Ломоносовъ , знаменишый своимъ именемъ. Оплично вѣжливый пріемъ милой хозяйки еще увеличилъ ува-

женіе къ нему госпѣй. Она представила ихъ ему, какъ корифею Русской Литтературы, и добрая молодежь искренно изъясляла свои чувства эшому удивительному человеку. Только Шлецеръ, съ копорымъ Ломоносовъ былъ уже знакомъ, ошмалчивался и грызъ ногти. Больше всѣхъ гремѣлъ Эминъ.

— Вотъ счастливый случай! — сказалъ онъ Ломоносову. — Да-съ, счастливый, но есть для меня, пошому что вы, Михайло Васильевичъ, не можете представить себѣ какъ я уважаю васъ.

«Очень благодаренъ вамъ,» ошвѣчалъ Ломоносовъ, «но могу взять въжливости ваши развѣ въ долгъ, и боюсь быть неисправнымъ должникомъ».

— О, Михайло Васильевичъ! Я видалъ свѣшъ, но подобныхъ вамъ людей не видывалъ.

«Да гдѣ-же вамъ было и видѣшъ ихъ?» проворчалъ Шлецеръ. «Вѣдь вы все жили въ Турціи».

Эминъ быспро повернулся къ нему и ошвѣчалъ :

— Но я въ Европѣ научился уважать знаменитыя имена и госпепріимство. Въ Турціи люди грубы и умомъ и чувствомъ. Но, безъ шутокъ, и тамъ время мое прошло не безъ пользы. Я узналъ источники многого, и теперь постараюсь употребить это въ дѣло. Я знаю двадцать семь языковъ.

«Поздравляю васъ,» замѣшилъ опять Шлецеръ, «но языковъ семь можно было-бы и опшинууть: они лишніе.

—Вы все шупите, Г. Шлецеръ!—со смѣхомъ возразилъ Эминъ. — Но я почно пишу шеперь книги о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: два романа, письма, по есть цѣлую книгу писемъ, Изображеніе Опшоманской Имперіи, и еще Россійскую Испорію.

Шлецеръ всшалъ, и сѣлъ подальше опъ него, подлѣ Дашковой, копорой сказалъ онъ въ пол-голоса:

«Зачѣмъ вы принимаете къ себѣ эшого без-спыднаго лгуна?

Улыбка была опвѣстомъ на это спранное замѣчаніе. Шлецеръ пакже замолчалъ.

Между шѣмъ живой споръ завязался у молодого Новикова съ Ломоносовымъ. Первый ушверждалъ, что съ любовью къ добру человекъ можешъ сдѣлать многое; другой говорилъ, что эшо не въ его власпи, и что съ самымъ пламеннымъ желаніемъ всего шруднѣе дѣлать добро.

«Молодой человекъ!» сказалъ наконецъ Ломоносовъ: «доживише до моихъ лѣшъ, и попомъ вспомнише Ломоносова, копорый говоритъ вамъ послѣ горькой опышности.

—Не знаю, случишся-ли мнѣ исполнишь ваше порученіе,» опвѣчалъ Новиковъ, «но я и тогда

не перемѣню своихъ мыслей. Развѣ меня сполкнушъ съ моего пути неудачи? Боже мой! да я опять вспуплю на прежній путь, не на шомъ, такъ на другомъ мѣстѣ.

Ломоносовъ качалъ головой.

— Да какъ-же, Михайло Васильевичъ! Воля человека побѣждаетъ все!

«Воля! Но что значить она передъ волею тысячей? А спроси человеческія? А отношенія? А зло, скрытое во многихъ сердцахъ?... Да что и говоришь! Это выбьетъ васъ изъ самаго крѣпкаго сѣдла.

— Напрошивъ, мнѣ кажется! Я употреблю въ пользу и спроси, и отношенія, и даже злобу людей для благой, вѣрной цѣли добра.

«Желаю, чтобы исполнились намеренія ваши, благородный молодой человекъ!» сказалъ Ломоносовъ пожимая руку Новикова. «Но я предчувствую, что съ этимъ образомъ мыслей вы приготавливаете себѣ много бѣдствій.

— Съ желаніемъ добра бѣдствія? Это невозможно, Михайло Васильевичъ!

«Что-жъ дѣлать?... Таковъ свѣтъ!...» сказалъ уныло собесѣдникъ его.

Князь Щербатовъ, который во все это время разговаривалъ по-пихоньку съ Дашковой, сказалъ, не обращаясь ни къ кому:

« Все мечта! . . . Если можно, такъ надобно сдѣлать что нибудь практическое, существенное для жизни.

— Князь подтверждаетъ мою мысль— подхватилъ Новиковъ.

Но Щербатовъ не удостоилъ его вниманіемъ, и обратился къ Ломоносову:

— Скажите, Г. Ломоносовъ, какъ подвигается ваша Россійская Исторія? Признаюсь, это мой любимый предметъ, и я очень интересуюсь имъ.

« Моя Исторія спитъ спокойнымъ сномъ, » отвѣчалъ Ломоносовъ, который не любилъ говорить объ этомъ предметѣ.

— Напрасно! — прибавилъ Щербатовъ садясь подлѣ него.— Я думаю, изданіе подобной книги принесло-бы вамъ много чести.

« Нѣтъ, Князь! Исторія пребудетъ зрѣлоси, до которой еще не выпѣлъ мой прудъ.

— А я такъ удивляюсь, господѣ! — сказалъ Шлецеръ.— Вы, люди умные, занимаетесь вздоромъ!

« Какъ вздоромъ? » спросилъ почти изумленный Щербатовъ.

— Да, потому что какая можетъ быть Исторія, когда еще матеріалы не очищены, не обработаны кришикой? Вамъ надобно, прежде

всего, крипическое изданіе лѣтописей, а не Испорія, которая безъ нихъ точно будетъ вздоромъ.

Щербашовъ уперся въ свое самолюбіе и не отвѣчалъ: только улыбнулся.

«Рѣзко, но справедливо,» сказалъ Ломоносовъ. «Впрочемъ, я занялся Испоріею не по собственному желанію, и къ тому-же развлеченъ множествомъ другихъ дѣлъ.

— Хороши испорики!—сказалъ въ полголоса Шлецеръ.

«Господà!» сказала Дашкова. «Г. Эминъ хочетъ прочесть намъ опривокъ изъ новаго своего сочиненія.

— Да-съ, если позволите!—прибавилъ Эминъ вынимая шепрадку.—Эпо будетъ чтеніе самое приличное въ обществѣ дамы: *Приключенія Лизарка и Сарманды*.

Шлецеръ вспалъ, и сказавши нѣсколько словъ Дашковой вышелъ.

Эминъ уморилъ собесѣдниковъ поскою и скукой. Опривокъ его былъ длиненъ, нелѣпъ, глупъ.

Послѣ него Булгаковъ читалъ опривки своего перевода изъ Аріостова *Влюбленнаго Роланда*, а Вережкинъ опривокъ изъ перевода *Записокъ Сюлли*. Оба эти собесѣдника мало вмѣшивались въ разговоры и споры, но все

таки произносили хоть по нѣскольку словъ въ общихъ разговорахъ. Напрошивъ Державинъ провелъ почти весь вечеръ безмолвно, сидя на одномъ мѣстѣ, и казался спящею. Онъ былъ шакъ не ловокъ и мало увѣренъ въ себѣ, что не смѣлъ опважиться ни на какой разговоръ. Никто не подозрѣвалъ въ немъ будущаго пѣвца *Екатерины, Бога!*

Такъ окончился эшотъ липшерашурный вечеръ у одной изъ образованнѣйшихъ дамъ своего времени. Онъ не оставилъ въ Ломоносовѣ пріятнаго впечатлѣнія. Напрошивъ, съ грустью подумалъ онъ, разбирая въ умѣ видѣнныхъ имъ людей: «Бѣдные! Они, съ своими спрашьями, хопяшъ сдѣлашъ *што-то!* Они надѣюшся дѣйствовать на поприщѣ жизни!

Уже шакъ холоденъ былъ разсудокъ нашего поэта! Впрочемъ, онъ не могъ предвидѣть великаго дѣяшеля въ Новиковѣ, прудолубивыхъ людей во многихъ собесѣдникахъ своихъ, превосходнаго изслѣдовашеля въ Шлецерѣ. Въ Державинѣ шрудно было-бы ему и угадашъ безсмершнаго поэта: онъ почти не замѣшилъ его.

«И вопъ что называютъ они ученымъ провожденіемъ времени! Сберушся, скажутъ нѣсколько сарказмовъ, нѣсколько дурачествъ, или польсшяшъ пріятельскому самолюбію; наконецъ прочшутъ нѣсколько пусныхъ спраницъ,

и довольны! Они провели вечеръ литературный, ученый!... Мы уже опирались на эти ученые бесѣды!»

Онъ очень рѣдко послѣ этого ѣзжалъ къ Дашковой; впрочемъ, она скоро скрылась съ горизонша политическаго и уѣхала изъ Петербурга.

Между тѣмъ Ломоносовъ рѣшился издашь свою Металлургію, которую сочинилъ онъ первоначально лѣтъ за двадцать, вскорѣ по возвращеніи въ отечество, когда у него были еще въ свѣжей памяти уроки Нѣмецкихъ Бергмейстеровъ; послѣ онъ безпрестанно дополнялъ ее и совершенствовалъ. Изготовивъ къ печати, онъ хотѣлъ посвящать свой многолѣтній трудъ новой покровительницѣ наукъ, Великой Екатерины. Императрица благосклонно изъявила на это согласіе, и даже велѣла призвать Ломоносова къ себѣ. Въ назначенный день, онъ долженъ былъ явиться во дворецъ, и явился.

Въ передней залѣ встрѣшилъ его докладчикъ, и кто-же былъ это? Григорій Николаевичъ Тепловъ, прежній Адъютантъ Академіи, а теперь важное лицо, Секретарь у принятія прошеній и вскорѣ Сенаторъ! 29 Іюня 1762 года онъ имѣлъ случай оказать услугу Императрицѣ и былъ за то осыпанъ ея милостями. Ломоносовъ обрадовался встрѣтивъ стараго товарища, который ни сколько не перемѣнился опъ

своего возвышенія. Онъ пошчасъ пошелъ съ докладомъ о Ломоносовѣ, и вскорѣ отворилъ передъ нимъ двери кабинета.

Екашерина была уже не въ первой молодости, когда Ломоносовъ увидѣлъ ее могущественною Императрицею; но черты лица ея оставались всегда прекрасны, и въ тридцать чешыре года она казалась еще очаровательна своею осанкою, взглядомъ и необыкновенно-благородною поступью. Вся юность ея пропекла въ умственныхъ занятіяхъ, важныхъ и спрогихъ, пошому что Екашерина любила науки, и, долго живши въ удаленіи отъ покойной Императрицы, посвящала уединенные часы свои основательному ученію. Отъ того умъ ея былъ сполько-же образованъ, сколько сердце опышно въ спраспяхъ человѣческихъ, а душа гошова на все великое.

Она встрѣшила нашего поэта ласковою улыбкою, позволила поцѣловать свою руку и сказала:

— Давно пора намъ, Г. Ломоносовъ, познакомиться съ вами. Я, правда, знаю васъ хорошо, но хочу чтобы и вы узнали меня лучше.

«Государыня!» отвѣчалъ Ломоносовъ. «Вы владѣете сердцами всѣхъ Россіянъ, кошорые имѣютъ счастье быть вашими подданными.

— Вотъ видише-ли, Г. Ломоносовъ, что вы не знаете меня! Я увѣрена: всѣ добрые Рускіе

любяшъ меня. И какъ имъ не любишь пою, которая безпрестанно думаетъ о ихъ счастіи? Но опъ васъ желала-бы я еще заслужить похвалу добраго учителя къ хорошей ученицѣ.

«Всемилоспивѣйшая Государыня!» воскликнулъ Ломоносовъ; но Екашерина продолжала:

— Позвольте сказать мнѣ все: я училась по вашимъ сочиненіямъ Русскому языку, и рада учись изъ вашихъ наставленій многому. Какъ пріятно будешь мнѣ услышать, что вы найдете меня для этого способною, и скажете, что я не даромъ провела время, покуда не занялась своимъ *маленькимъ хозяйствомъ*, Россією. А для этого вы должны узнать меня, Г. Ломоносовъ!

«Государыня! Я знаю васъ, знаю вашу великую душу, ваши безсмертныя дѣла!»

— Пожалуста не льстите мнѣ, Г. Ломоносовъ! — сказала съ высокимъ своимъ просподушіемъ Екашерина. — Царямъ и шакъ много сжигаютъ лишняго еиміама. Опъ васъ хочу я слышать только истину. Оспавимъ пышныя фразы для парадовъ.

Ломоносовъ невольно пришелъ въ умиленіе опъ этой просподушы въ разговоръ величайшей изъ земныхъ владычицъ, и съ чувствомъ промолвилъ:

«Признаюсь, Государыня! я имѣлъ высокую идею о власпи, облакающей мудрость; но вы

превыше всего , что воображалъ я когда нибудь. Мнѣ остается только благоговѣть передъ Вами!... мой слабый умъ можетъ только удивляться Вамъ.

— А иногда и указать мнѣ что нибудь. Желала-бы я видѣть вокругъ себя побольше такихъ людей какъ вы! Я принуждена переписываться съ Французскими учеными , потому что мнѣ не съ кѣмъ изъ нашихъ опдохнуть умомъ. Вы , господа , такъ себялюбивы, что храните свои сокровища только для самихъ себя. А между тѣмъ у васъ въ рукахъ важная часть народнаго блага : просвѣщеніе. Мы можемъ желать его , а вы должны совершить.

« Вся жизнь моя посвящена этому , Государыня! Но что могу я сдѣлать своими слабыми силами ?

— А развѣ мало уже сдѣлали вы? Ваши прекрасныя сочиненія будутъ образцами и для потомковъ , не только для современниковъ нашихъ. Вашъ примѣръ пробудитъ много сильныхъ умовъ ! Нѣтъ , Г. Ломоносовъ! я сказала вамъ , что знаю васъ.... Вы уже сдѣлали много для будущаго и для насоящаго. Но я желала-бы придать вамъ еще больше силъ и средствъ. Довольны-ли вы своею участью ?

Могъ-ли Ломоносовъ сказать что нибудь кромѣ словъ :

— Высочайшими щедростями вашими и ваших предшественниковъ , я совершенно обезпеченъ и вознесенъ выше слабыхъ заслугъ своихъ.

— Вы не хошите на первый случай сказать мнѣ всего. Но , нѣтъ нужды ! Я сама знаю , что надобно вамъ.

Императрица начала разговоръ о настоящихъ занятіяхъ Ломоносова , спрашивала его о прежней его жизни , и доказала между тѣмъ , что знаетъ ее очень хорошо. Съ новыми увѣреніями въ своей благосклонности , она опустила наконецъ его , послѣ аудіенціи довольно продолжительной.

Нужно-ли прибавлять , какъ былъ осчастливленъ Ломоносовъ этимъ событіемъ своей жизни? Онъ тотчасъ побѣжалъ къ Шувалову , пересказать свой разговоръ съ Императрицею , и въ восторгѣ сердца не находилъ словъ для похвалъ ей. Шуваловъ слушалъ его , какъ вельможа , утѣшившій свою власць. Онъ , правда , не только не былъ въ немилости , но и пользовался особеннымъ расположеніемъ при Дворѣ , получалъ даже многія дѣла для исполненія , сохраняя свои мѣста. Но всѣмъ этимъ награждалъ его только умъ Екаперины , которая видѣла въ немъ полезнаго дѣйствователя. Онъ не имѣлъ уже никакой власци , никакого вліянія , и былъ просто исполнитель. Извѣстно , каково

бываешь расположеніе падшихъ вельможъ. Онъ не возражалъ на похвалы Ломоносова, однако улыбался двусмысленно.

Около эшого времени Ломоносовъ былъ принявъ въ Члены разныхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Академій Стокгольмской и Болонской.

Такимъ образомъ слава его начала распространяться и въ иностранныхъ государствахъ; но, къ несчастію, онъ упадалъ духомъ больше и больше. Милоспивый взглядъ Императрицы оживилъ его на минушу, но вскорѣ онъ опяшь поддался грусти о своихъ утрахахъ, о своихъ неисполняемыхъ надеждахъ, о своемъ одиночествѣ на шомъ огромномъ поприщѣ, которое указала ему судьба.

Таково было расположеніе его въ концѣ 1763 года, когда Екашерина пожелала, чшобы онъ написалъ оду на новый годъ. Онъ исполнилъ эшо съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, и ода его была сполько пріятна Императрицѣ, что она, по собственному побужденію, пожаловала ему, въ началѣ 1764 года, чинъ Спашскаго Совѣтника. Ломоносовъ могъ видѣшь, какъ опличаешь его Императрица. Онъ былъ осыпанъ ея милоспіями; но ученая дѣятельность его почти совершенно прекратилась.

Уже болѣе года не писалъ онъ ничего , кромѣ немногихъ ученыхъ замѣчаній. Всѣ занятія свои оплагалъ онъ до другихъ, больше ясныхъ дней жизни.

Глава XVIII.

Еще далекій опъ лѣтъ дряхлой старости , крѣпкій здоровьемъ , при всѣхъ способностяхъ ума , Ломоносовъ былъ невозвратно пораженъ своею спраспью. Чшо было причиной эшого ? Упомленіе жизни ? Пошера милыхъ сердцу людей ? Неудовлетворенная дѣятельность духа?... Не изслѣдывая , скажемъ шолько , что онъ уже не былъ прежній, мужеспвенный, бодрый, могучій Ломоносовъ, герой каждой мысли, кошорая впѣснялась въ его душу. Онъ проводилъ свои дни уныло , печально , или предавался грубому упоенію.

Но пронцапельный взоръ бодрспвовалъ надъ нимъ. Импераприца Екашерина знала цѣну своему поэшу , и пошому забопилась о немъ. Съ огорченіемъ услышала она о нравспвенномъ его состояніи , и рѣшилась ободрить , возвысить сильную его душу. Средспво , кошорое избрала она для эшого , достойно ея ума и просвѣщеннаго взгляда.

Однажды, въ прекрасный лѣтній день, она призвала къ себѣ И. И. Шувалова и сказала ему :

« Знаешь-ли куда мы поѣдемъ съ тобой? Къ твоему пріятелю Ломоносову. Я хочу сколько нибудь поддержать его, и надѣюсь, что мое посѣщеніе послужитъ для этого лекарствомъ.

Просвѣщенный вельможа съ радостью повиновался ея приказанію, и вскорѣ къ смиренному жилищу Ломоносова подѣхалъ придворный экипажъ. Императрица послала сказать, могутъ-ли любопытные посѣщители видѣть Г-на Профессора Химіи и Физики.

Ломоносовъ ни сколько не предугадывалъ, что будутъ эти посѣщители, велѣлъ просить ихъ къ себѣ, и между тѣмъ надѣлъ парадный кафтанъ.

« Папенька! Императрица здѣсь! » вскричала дочь Ломоносова, которая увидѣла ее въ окно, выходящую изъ кареты, и безъ памяти бросилась къ отцу своему.

— Какъ?... что ты вздоришь? — въ тревогѣ ошвѣчалъ Ломоносовъ и едва успѣлъ броситься къ дверямъ, едва успѣлъ ошворить ихъ, какъ передъ нимъ явилась Императрица; за нею шелъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Ломоносовъ упалъ передъ нею на колѣни и преклонилъ голову.

Императрица улыбаясь просянула къ нему руку и сказала очаровательнымъ голосомъ :

— Здравствуйте , Г. Ломоносовъ ! Я пріѣхала къ вамъ какъ ученица къ учителю , и увѣрена , что вы не станете скрывать отъ меня вашихъ занятій. Покажите мнѣ свою лабораторію , свою фабрику ; но прежде всего познакомьте меня съ своимъ семействомъ.

Эпо неожиданное посѣщеніе , эти милостивыя слова , все эпо смѣшало добраго поэта до такой степени , что онъ еще не могъ ничего выговорить ; наконецъ слезы сверкнули на глазахъ его и онъ произнесъ :

« О Государыня ! . . . Для чего не могу я раскрыть передъ вами своего благоговѣющаго сердца ! . . . »

— Я вижу его , Г. Ломоносовъ ! . . . Но приведите мнѣ прежде всего ваше семейство.

Черезъ минуку смиренная Хриспина и молодая дочь Ломоносова были передъ Императрицею. Она тотчасъ узнала по выговору , что Хриспина Нѣмка , и заговорила съ нею по-Нѣмецки , спросила о мѣстѣ ея рожденія , хотѣла знать , помнитъ-ли она свою родину , счастлива-ли она , и сказала наконецъ , что какъ жена человека , который служитъ украшеніемъ Россіи , она конечно любитъ свое новое общество. Хриспина оповѣчала на все эпо съ доб-

ропой и умиленіемъ , а шакія чувства облагороживающъ самыя просныя слова. Императрица, по видимому , была довольна , и обратившись къ Ломоносову сказала :

— Ну , Г. Ломоносовъ ! Теперь покажишь мнѣ ваши ученныя занятія.

« Умоляю Ваше Величество бытъ снисходительными къ моимъ слабымъ , ничтожнымъ прудамъ !

— Оспавыше судишь мнѣ , важны они или нѣтъ ! Прежде всего желала-бы я видѣть ваши мозаическія работы.

Ломоносовъ просилъ Императрицу перейти въ другую комнату , кошорая служила ему и ученымъ кабинетомъ и масперскою. Тамъ онъ представилъ ей множество образцовъ мозаическихъ составовъ и разныхъ принадлежностей къ нимъ , шакъ-же какъ начатыя и оконченныя работы ; но этого казалось не довольно Императрицѣ. Она хотѣла видѣть самую плавильную печь его , и съ безпримѣрнымъ снисхожденіемъ осмопрѣла ее. При ней должны были произвести даже нѣкоторыя работы. Императрица любовалась всѣмъ , спрашивала съ умомъ и знаніемъ , шакъ что это даже изумляло Ломоносова. Потомъ она обратилась къ его Физическому и Химическому кабинету. Тутъ опять показала она свои знанія , но съ шакимъ искусствомъ , что Ломоносовъ долженъ былъ

объяснялъ многое и производилъ опыты, не для удовольстворенія одного любопытства, но для подтвержденія многихъ истинъ Науки. Любимая теорія его о теплотѣ и электрическихъ явленіяхъ служила поводомъ къ занимательному и продолжительному разговору, такъ что Ломоносовъ забывалъ присутствіе великой Императрицы: онъ видѣлъ только гениальную женщину, и былъ отъ того еще краснорѣчивѣе, говорилъ еще увлекательнѣе. Такъ прошли два часа, достопамятные въ жизни Ломоносова. Императрица изъявила ему полное свое удовольствіе. Восхищенный Ломоносовъ не имѣлъ словъ благодарить ее, и испросилъ позволеніе поднести сочиненные имъ въ это-же время стихи. Императрица милосиво приняла ихъ и велѣла самому Авшору прочесть вслухъ. Онъ читалъ:

Геройство съ крепостью, съ премудростью щедроты,

Соединенныя Монаршески доброты,

Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зришь сей домъ,

Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.

Блаженства новаго и дней злыхъ причина,

Великому Петру во слѣдъ Екатерина

Величествомъ своимъ снисходишь до наукъ

И славы праведной усугубляешь звукъ.

Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности
свидѣтель,

Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

— Благодарю , благодарю за все , Г. Ломоносовъ ! — сказала Екашерина. — Вы видите какъ я уважаю васъ ? — сказала она.

«Государыня! чѣмъ могу я доказать вамъ свою безпредѣльную преданность и невыразимую благодарность?»

— Я скажу вамъ это ! — отвѣчала Екашерина съ большею важностью. — Храните сами себя! Теперь вы конечно увѣрены , что опъ меня можете ожидать всего; но я хочу, чшобы вы сами хранили себя! Это мое желаніе , Г. Ломоносовъ , и я увѣрена , что вы исполните его. Не правда-ли ?

«Ваши слова для меня священны , Всемилоспивѣйшая Государыня!» отвѣчалъ Ломоносовъ , который понялъ всю значительность словъ Екашерины.

Между тѣмъ она уже шла къ дверямъ и все семейство провожало ее. Она еще оборотилась къ Ломоносову и прибавила :

— Я всегда уважала васъ , Г. Ломоносовъ , но послѣ сегодншняго посѣщенія уважаю еще больше. Будьте увѣрены въ моей милости , и помните , что вы имѣете во мнѣ внимательную покровительницу.

Императрица вошла въ карету , еще разъ милосливо кивнула головой Ломоносову , и блестящее явленіе исчезло.

Въ самомъ дѣлѣ, не вдругъ опомнился Ломоносовъ послѣ этого посѣщенія. Онъ не вѣрилъ чувствамъ своимъ, не вѣрилъ, чтобы смиренное его жилище было озарено присуществіемъ Императрицы. Въ восторгѣ, въ умиленіи сердца упалъ онъ передъ образомъ и молилъ Бога за великую Государыню! . . . Это облегчило его. Онъ сшалъ воспоминашь со своей женой и дочерью о малѣйшихъ подробностяхъ счастливаго для него событія, которое надолго оспалось народнымъ преданіемъ во всей Россіи: *Екатерина* удостоила посѣщеніемъ *Ломоносова*! . . .

Какъ-бы желая засвидѣтельствовать свою безпримѣрную снисходительность къ Ломоносову, Императрица велѣла напечатать описаніе своего посѣщенія, и любопытные могутъ видѣть это въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1764 года, Іюня 15-го.

Судьба какъ будто хотѣла порадовать Ломоносова въ это время его жизни. Вскорѣ онъ увидѣлъ другаго посѣщителя, не знаменишаго, но памятнаго его сердцу.

Онъ занимался въ своей мастерской, когда ему сказали, что какой-то спарикъ пришелъ и хочетъ съ нимъ видѣться.

Не безъ досады оставилъ онъ рабочую комнату, и кого-же увидѣлъ въ своей маленькой пріемной?... Годы измѣнили это лицо, убѣлили эту голову, но Ломоносовъ тотчасъ узналъ

шоварища своей юности, соученика и друга Виноградова!

— Ломоносовъ! — «Виноградовъ!» закричали друзья и крѣпко обняли другъ друга.

«Ты-ли эшо, Виноградовъ? Гдѣ ты былъ? ошкуда?» спросилъ наконецъ Ломоносовъ.

— Тебя-ли опянь вижу я? — говорилъ въ свою очередь Виноградовъ. — Я все еще во-ображалъ шебя молодцомъ, а ты уже спарикъ!

«А ты! . . . Гдѣ ты скишался?»

Когда чувства ихъ нѣсколько поуспокоились, Виноградовъ разсказалъ старому другу приключенія двадцати пяти лѣтъ своей жизни, въ кошорыхъ впрочемъ не много было занима-тельного.

Онъ возвратился прежде Ломоносова въ Петербургъ, и его, какъ хорошо знающаго Горное Дѣло, отправили на Уральскій хребтъ. Тамъ прожилъ онъ много лѣтъ, ѣздилъ попомъ въ Сибирь, успроиваешь нѣкошорые заводы, возвратился опянь на Уралъ, ошыскивалъ, плавилъ, очищаль руды, и шакъ провелъ жизнь почти до шаросши, въ заботахъ, въ шрудахъ, слыша иногда громкія вѣспи о своемъ другѣ, но не имѣя случая побываешь въ Петербургѣ и увидѣшься съ нимъ.

— Теперь я пріѣхаль сюда по дѣламъ службы — прибавилъ онъ — и спѣшилъ прежде все-

го взглянушь на своего Михайлу! . . . Извини , что я такъ называю себя! . . . Право , еще не опвыкъ опъ эшого.

« Видно , не опвыкъ еще и церемониться по спарой привычкѣ !

— Нѣтъ , брашецъ ! Я гляжу на себя съ почтеніемъ , хошь чувствую дружбы и не оспыло во мнѣ. Ты исполнилъ великую надежду свою...

« Полно , Виноградовъ ! Тебѣ-ли говоришь со мной эшимъ языкомъ ?

— Нѣтъ , дай мнѣ сказаць все : ты великій человекъ , а я! . . .

« Великій человекъ! . . . Ты мало дорожишь эшимъ словомъ , Виноградовъ , хошь я и увѣренъ , что слова твои опъ сердца.... Спарый товарищъ ! я не исполнилъ своихъ надеждъ !

— Какъ?... Да что-же тебѣ надобно ? Твое имя гремитъ по всей Россіи , ты въ чинахъ , осыпанъ милостіями. Сама Государыня удостоиваетъ тебя вниманія ! . . .

« Все это правда ; но я еще далеко не исполнилъ своихъ надеждъ , еще не довершилъ ничего , хошь многое началъ. А между тѣмъ , видишь , насупаешь спарость ! Я успалъ , утомленъ , измученъ.

Виноградовъ не понималъ его и въ спарости такъ-же какъ въ юности. Глядя съ удивленіемъ на своего друга онъ промолвилъ :

— Видно, человекъ не бываетъ доволенъ ни чѣмъ! Я за счастье почелъ-бы сдѣлать то, что ты, и быть на своемъ мѣстѣ.

« Всякому свой жребій. Я не неблагодаренъ къ судьбѣ; чувствую вполне свое возвышеніе, не къ чину Спашскаго Совѣтника, а къ нѣкоторому умственному совершенству. Но, я далеко отъ цѣли, Виноградовъ!

— Да отъ какой-же цѣли? Я, право, не понимаю!... Впрочем, ты всегда говорилъ такъ! Это всегдашняя твоя пѣсня!

« Эта пѣсня сложена душой человеческой! Совершенства нѣтъ на землѣ, и стремленіе наше всегда остается не конченнымъ.

— Гнѣвишь Бога, Михайло! Вспомни что былъ ты, и что есь! Но ежели грустишь ты о своей судьбѣ, то что-же думаешь мнѣ, когда я вспомню, что вотъ ужъ мнѣ слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и я не только не сдѣлалъ ничего для будущаго, но и прошедшее мое цѣль дрянныхъ, ничтожныхъ трудовъ! Я спалъ хуже нежели былъ прежде: я потерялъ теперь силы для труда, а обязанъ по прежнему рыться въ землѣ, и дѣлать завтра то-же что вчера, вчера то-же что завтра. Выводомъ жизни моей будетъ, что я работалъ для насущнаго хлѣба, и ты правду говаривалъ мнѣ въ молодости, что это тяжело, очень тяжело!... А ты,

высокій , прославленный Ломоносовъ , жалуешься на неуспѣхи !

«Виноградовъ ! Судьба не дала тебѣ того безпокойнаго духа , котораго я не умѣю названъ , но которъ управляетъ мной во всю жизнь. На тебя не была возложена обязанность , грызущая сердце , лишаящая покоя , какъ скоро она не исполнена. Ты можешь жалѣть , что не удалось тебѣ совершить ничего великаго , но ты спокоенъ въ самомъ сожалѣніи : на тебѣ не было и обязанности сдѣлать что нибудь. Но я.... я упрекаю себя , чувствую себя виновнымъ въ неуспѣхѣ ! Мнѣ были даны большія средства , непреодолимое стремленіе , и я склоняюсь передъ неудачами !... Ты не знаешь этого ужаснаго чувства , какое терзаетъ меня , когда я вздумаю , что Богъ щедро награждаетъ меня великими силами !... Да , я говорю съ тобой откровенно : *великими*. И что-же сдѣлалъ я ?... Не могу указать ни на что. Россія почто удивляется мнѣ , прославляетъ меня , и я , какъ лицемеръ , принимаю эти похвалы , кланяюсь за нихъ , благодарю , для того чтобы не увидѣли пустоты моей славы !

— Полно , братецъ ! да одни твои стихотворенія дадутъ тебѣ безконечную славу.

«А я меньше всего надѣюсь на нихъ ! Это были пошлости ; а онѣ никогда не бывають совершенны. Но что же и во всѣхъ моихъ начинані-

яхъ. Можешъ бышь, еще пятьдесятъ, даже сто лѣтъ и по смерти Ломоносова будешь хвалишь его, но наконецъ забудешь, какъ безсильнаго борца, который палъ не кончивши боя! Ни что не будешь напоминать обо мнѣ!

— А самый подвигъ швоей жизни?

« Да, вошь одно, чѣмъ будешь жить Ломоносовъ!... Спранная судьба!... Я самъ вспоминаю съ учаспїемъ о своихъ дѣтскихъ усиліяхъ на родинѣ, о своихъ юношескихъ трудахъ въ школѣ, и своей борьбѣ съ жизнью въ зрѣлыя лѣта! Я показалъ по крайней мѣрѣ, что можешъ сдѣлать человекъ съ сильною волею. Побѣждая трудности, я много ушрапилъ времени, и можешъ бышь эшо-шо помѣшало моимъ успѣхамъ!... Но за шо, примѣръ мой вдохновишь многихъ.

— Скажи Ломоносовъ: былъ-ли ты счастливъ? счастливъ-ли шеперь?

« Твой вопросъ показываешъ какую-шо неопытность сердца. Что ты называешъ счастїемъ? Для меня, счастїе полноша жизни, удовлетвореніе всѣхъ преобованій, нравспвенныхъ и вещеспвенныхъ. А возможно-ли эшо?... Голодный называешъ счастьемъ и шо, когда ему подадущъ кусокъ хлѣба. Я, правда, уже давно не знаю что такое бѣдность, голодъ. Ты видишь: меня окружаешъ довольство. Но счастъ-ли эшо?... И какъ шашко все, что выражающъ

эшимъ словомъ!... Сколько потерь испытываемъ мы въ жизни!... Нѣтъ, я зналъ минуты, а не полному счастью!... Когда сынъ рыбака былъ помещенъ въ Заиконоспасскую Академію, онъ почишалъ себя на верху благополучія. Но вскорѣ онъ увидѣлъ грубость товарищей, невѣжесиво учителей, мѣлкость ихъ просвѣщенія. Монашья казался ему шурмой, и онъ спѣшилъ въ настоящій міръ ученыхъ, въ Академію, въ Университетъ. Тамъ опять увидѣлъ онъ корыстные побужденія, забвеніе своего высокаго сана, часто низость и униженіе. Самъ сдѣлавшись ученымъ, онъ плѣнился сильными землями, и въ ихъ обществѣ думалъ найдти совершенство. Новый обманъ! Тутъ столько-же мѣлкого, отношительнаго, какъ и вездѣ. Наконецъ онъ приблизился ко Двору; но и это не радуетъ его! Тутъ есть свои разочарованія. Мы такъ далеки отъ высокихъ лицъ, обшашающихъ насъ, что можемъ только удивляться имъ!... Въ самомъ себѣ, другъ мой, надобно искать счастья. Но я не нахожу его и въ себѣ, пошому что вижу слабость свою. Жизнь, которую видѣлъ и испытывалъ я отъ хижины поселанина до Царскаго дворца, жизнь шлагошилъ меня, и я чувствую, что не долго могу переносить это бремя!

Виноградовъ не соглашался съ нимъ, пошому что не понималъ его.

Но Ломоносовъ говорилъ искренно своему старому товарищу и другу. Онъ точно шагнулъ жизнью и чувствовалъ неполноту своихъ подвиговъ. Сверхъ того, разочарованіе его было совершенно. Чего не испыталъ этотъ человекъ, и въ чемъ не нашелъ онъ мгновеннаго, хоть иногда и блестящаго метеора! Любовь, дружба, слава, трудъ, все это было знакомо ему, и все являлось уже безъ розоваго покрывала.

Онъ былъ однакожъ вѣренъ слову, которое далъ Императрицѣ, и послѣ ея убѣжденій оспаривалъ свою пагубную страсть. Но эта страсть до такой степени обладала имъ, что не удовлетворяя ея, онъ сдѣлался грустенъ, молчаливъ, неприступенъ, и какъ будто ждалъ случая совершенно погубить себя. Случай представился скоро.

Для единственной дочери его нашелся женихъ, прекрасный молодой человекъ, Коншанпиновъ, бывшій придворнымъ библіотекаремъ. По Русскому обычаю, на радостномъ пиршествѣ надобно было выпить. Ломоносовъ удерживался, даже отказывался, когда его убѣждали выпить одну рюмку, но наконецъ не устоялъ противъ искушенія. За рюмкой шла другая, и несчастная страсть его загорѣлась съ новою силой: онъ уже не могъ пропившись ей, и въ началѣ 1765 года былъ въ полномъ разгулѣ.

Почти каждый день оканчивался у него весельемъ , прискорбнымъ для свидѣтелей.

Между тѣмъ Императрица не переснавала наблюдать за нимъ. Узнавши о новомъ преступѣ несчастной спраши, она рѣшилась пробудить его отъ усыпленія , и приказала ему написать стихотвореніе на какой-то поржесвенный случай , съ тѣмъ , чтобы онъ явился съ нимъ лично къ ней , въ назначенный день.

Ломоносовъ получилъ приказъ ; но до срока оснавалось еще нѣсколько дней , и онъ опложилъ свою работу. « Еще будешь время, напишу! » сказалъ онъ, и проводилъ дни по прежнему. Наступилъ назначенный срокъ: Ломоносовъ не написалъ оды , и не могъ явиться къ Императрицѣ. Это огорчило ее , и она приказала ему явиться къ себѣ на другой-же день.

Поэтъ ужаснулся , когда его пробудили этимъ приказаніемъ. Мгновенно освободился онъ отъ чадъ своего бурнаго веселья , и не спалъ всю ночь. Мысль , что онъ не исполнилъ воли своей высокой благодѣтельницы, поразила его не страхомъ , а угрызениемъ совѣсти, стыдомъ. Онъ чувствовалъ презрѣніе къ самому себѣ.

Съ неизъяснимымъ чувствомъ вошелъ онъ во дворецъ. О немъ шопчасъ доложили , пошому что объ этомъ было приказано напередъ. Им-

пераприца велѣла позвать его въ свой кабинетъ , гдѣ была она одна.

Лицо его выражало все, что чувствовала душа, такъ что при первомъ взглядѣ Екашерина увидѣла это , и когда онъ упалъ передъ нею на колѣни , преклонивъ голову , она сказала :

— Г. Ломоносовъ ! Я вижу , что вы сами вполне чувствуете свой просупокъ. Хорошо! Я не стану упрекать васъ ; только пребуду непремѣннаго слова , что вы оппказываетесь опъ своей спраси навсегда !

« Всемилоспивѣйшая Государыня ! Даю вамъ кляпву, въ присупспвіи Всемогущаго Бога !

— Я довольна эспимъ , пошому что увѣрена въ васъ. Вспаньше ! . . . И вамъ-ли, Г. Ломоносовъ , доводишь себя до напосинаній ! . . . На васъ обращены взоры цѣлаго опечеспва ! Вы краса Русской учености , образецъ Русскаго ума. Вы будете послушны моему убѣжденію. Въ эшомъ даю за васъ слово опечеспву. Не введише-же меня въ нарѣканіе !

« Я не умѣю выразишь своихъ чувспвъ , Всемилоспивѣйшая Государыня ! . . . Позвольте мнѣ , виновному , оправдать милосердіе ваше будущими моими посупками.

— Я желаю эшого , прошу васъ объ эшомъ ! Знаете-ли , что я дорожу вами не меньше нежели какою нибудь обласпью моихъ владѣній ?

Будьте увѣрены, что я забочусь о васъ, и оправдайте мое вниманіе.

«Ваши неизрѣченныя милости, Государыня, не могутъ бытъ оправданы, если-бы даже я пролилъ за васъ всю кровь свою, до послѣдней капли. Но я сдѣлаю, что только возможно для человека!»

— Для Ломоносова! — прибавила Императрица. — Въ этихъ словахъ я узнаю прежняго Ломоносова. Нынѣ, вы не обманете меня! Снова ручаюсь за васъ.

Аудіенція кончилась; но она сдѣлала на Ломоносова глубокое впечатлѣніе. Онъ рѣшился свято исполнить свое слово, хотя и не предчувствовалъ, что это будетъ стоить ему жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день овладѣлъ имъ сильный недугъ, неизбежное слѣдствіе слишкомъ быстраго перелома. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь усилилась и начала возбуждать опасенія. Объ этомъ донесли Императрицѣ.

Узнавши причину его болѣзни, она приказала сказать, что разрѣшаетъ его отъ даннаго слова, и что онъ долженъ слушаться только совѣтовъ медика.

Вблизи поспѣли Ломоносова сидѣль пріятель его Шмелинъ, когда пришли отъ Императрицы. Услышавши волю Ея, Ломоносовъ сказалъ:

« Изъявише всю мою признательность Всемилосливѣйшей Государынѣ, но доложише вмѣстѣ съ шѣмъ, что я не воспользуюсь ея позволеніемъ. Я не достоинъ жизни, если эта жизнь должна поддерживаться снисхожденіемъ къ моимъ слабостямъ. Да теперь уже и поздно: смерть въ груди моей!

— Но Императрица желаетъ, чтобы употреблены были всѣ средства для пособія вамъ — сказалъ посланный.

« Благодарность мою за Ея попеченія унесу я къ престолю Всевышняго! Но я не живу міра сего!... Скоро все для меня кончится.

Опечаленный придворный ушелъ, а Ломоносовъ, видя что въ глазахъ спарика Шшелина блистающъ слезы, сказалъ улыбаясь:

« О чемъ грустишь ты, пріятель? Неужели о моей смерти?

Шшелинъ отвѣчалъ, собравшись съ духомъ:

— Я еще надѣюсь на Бога, что вы останетесь живъ, Г. Ломоносовъ.

« Нѣтъ, я вижу, что мнѣ скоро умереть. На жизнь смотрю равнодушно, и сожалею только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы общества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намеренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.

У Ломоносова было не много друзей при жизни, но явилось много почишателей, когда оканчивалась эша многошрудная, блестящая, славная жизнь!... Зрѣлище было поучительно и прекрасно. Богатые экипажи осшанавливались передъ жилищемъ Ломоносова, и великолѣпные господа выходили изъ нихъ изъявляя свое учаспіе славному соотечественнику, сами не подозрѣвая, что отдають эшимъ дань умирающему генію, котораго не умѣли они чинить при жизни его.

Императрица доставлялись ежедневныя извѣстія о сосшояніи Ломоносова, котораго, можешъ бышь, лучше всѣхъ понимала она.

Другъ Виноградовъ уже не опходилъ опъ посшели больного, и вмѣстѣ съ женою и дочерью его забошлся о немъ какъ нѣжный братъ. Но ни попеченія дружбы и любви, ни желанія почишателей, ни что не могло перемѣнить рѣшенія судьбы. Ломоносовъ скончался, на прешій день Пасхи, 4 Апрѣля 1765 года.

Смерть всякаго человѣка предсшавляешъ зрѣлище шайнственное, часто величешвенное и грустное. Но смерть человѣка геніальнаго — зрѣлище высокое и превосходное, больше нежели мистерія Среднихъ вѣковъ, больше нежели Шекспирова драма! Какія чувсшва должны были шолпиться въ душѣ шѣхъ, кто стоаль надъ бездыханнымъ шѣломъ Цезаря, Петра Великаго, Наполеона? Въ своемъ родѣ, Ломо-

носовъ былъ геній первоспепенный, и даже близкій направлѣніемъ своимъ къ премъ, названнымъ нами великимъ людямъ. Въ немъ также господствовали необычайная сила воли, непобѣдимое упорство въ достиженіи къ предназначенной цѣли, и поэпическій взглядъ на свое поприще, гдѣ оставилъ онъ цѣлый рядъ подвиговъ безпримѣрныхъ. Зачѣмъ повторять или исчислять намъ эти подвиги, когда мы видѣли поспепенное увеличеніе ихъ, наблюдали шагъ за шагомъ нашего поэта, съ грустью прошли послѣднее время его упадка, и теперь стоимъ надъ гробомъ великаго человека?

Смерть Ломоносова пробудила въ современникахъ его глубокое чувство. Они еще были поражены, ослѣплены блескомъ этого лучезарнаго свѣтила, этого метеора, съ громомъ пролетѣвшаго на зарѣ просвѣщенія Русскаго, и вдругъ слышали, что величественная драма его жизни кончилась. Спокоенъ и величественъ лежалъ передъ ними въ гробѣ Ломоносовъ. Они не могли, какъ мы, постигнуть его умомъ своимъ, но постигали чувствомъ; а чувство современниковъ едва-ли не сильнѣе нашего одушевленія. Спрогое, неподвижное лицо; глаза впавшіе, какъ-бы опъ глубокой тоски и задумчивости; мысль, что кипящая дѣятельность человека прекратилась, что пасналъ конецъ всѣмъ его думамъ, чувствамъ, желаніямъ и

и надеждамъ , конецъ всему , и навсегда.... О , никакой геній, никакое краснорѣчіе и поэзія не вдохнушъ въ насъ эшого изъ холодной книги , изъ темныхъ воспоминаній! . . .

Въ день, назначенный для погребенія, съ утра начали собираться въ жилище Ломоносова всѣ , знавшіе его больше или меньше. Императрица , изъявляя участие о смерти человека , украшавшаго ея царствованіе , приказала опустить значительную сумму на его похороны , которыя и были усстроены великолѣпно. Главнымъ распорядителемъ при эшомъ былъ неизмѣнный покровитель поэта , И. И. Шуваловъ. Слезы невольно выступали на глазахъ его, когда онъ отдавалъ разныя приказанія — вблизи гроба своего друга ! Множество знаемыхъ присутствовало при эшомъ , и можно сказать , что все блестящее и великолѣпное , бывшее тогда въ Петербургѣ , собралось отдать послѣдній долгъ знаменитому согражданину. Наконецъ , длинный поѣздъ пошнулся въ Александро-Невскую Лавру , и въ числѣ идущихъ за гробомъ былъ видѣнъ — Сумароковъ. Онъ безпрестанно обращался къ шедшимъ вмѣстѣ съ нимъ и повсорялъ : « великій человекъ былъ , милостивые государи ! великій человекъ. Онъ нашихъ спранъ Малербъ , онъ Пиндару подобенъ ! »

— И изъ какого званія ! — сказалъ одинъ наследственный Князь.

« Да-съ! дослужился до Сенапскаго Совѣтника! » прибавилъ Сенапскій Оберъ-Секретарь.

Виноградовъ, безмолвный, нѣмой ошъ горести, пошелъ пише, чшобы ошсшать и не слышать эшихъ разсужденій. За знашью шли многіе изъ прослоудиновъ, знакомцы Ломоносова. Иные изъ нихъ добродушно, но съ чувствомъ изъявляли свою печаль. Между прочимъ масперъ Соколовъ, кошорому Ломоносовъ обыкновенно заказывалъ разныя машины, воскликнулъ, послѣ долгаго молчанія: « Оспавилъ насъ, бапюшко Михайло Васильевичъ! . . . оспавилъ! . . . Опець былъ нашей брашья! . . . Такой головушки не скоро дождется Россія! »

Великолѣпная процессія доспигла Александроневскаго монастыря, и шамъ въ дверяхъ церкви встрѣшилъ ее Мишрополишъ — Димитрій Сѣченовъ! « Такъ-ли думалъ я встрѣпшнсья съ шобой? » почти вслухъ сказалъ Мишрополишъ; но онъ зашайлъ свое чувство, и началъ ошправленіе службы, вмѣспѣ съ Пешербургскимъ Архіепископомъ и со всѣмъ знашнѣйшимъ духовенствомъ.

Когда наспушила минуша вѣчнаго распаванія, многіе зарыдали искренно; всѣ чувствовали, чшо видяптъ въ послѣдній разъ ликъ необыкновеннаго чловѣка, и спенаніе сдѣлалось почти общимъ; но при новыхъ молишвахъ и пѣніи духовенства все смолкло. . . . Тихо опушился въ могилу гробъ Ломоносова. . . .

И не спало его!... Но не все кончилось и въ здѣшней жизни для человѣка, озареннаго справедливою славою. Только послѣ смерти его начали понимать, какую потерю сдѣлала Россія. Сама Императрица грустила нѣсколько времени, и эшо опразилось на вельможахъ ея, копорые впрочемъ сами уважали и любили славнаго своего современника.

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ выпросилъ у вдовы Ломоносова всѣ оставшіяся послѣ него бумаги, велѣлъ Г. В. Козицкому привести ихъ въ порядокъ, и заперъ въ особомъ покоѣ своего дома. Гдѣ теперь онѣ, эши бумаги, законное наслѣдіе потомства?... По временамъ появляющся у разныхъ лицъ отрывки сочиненій, письма Ломоносова; но вполнѣ ихъ нѣтъ ни у кого.

Канцлеръ Графъ Воронцовъ, при жизни Ломоносова бывшій покровителемъ его, хотѣлъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ нему и послѣ его смерти. Онъ велѣлъ Шшелину сдѣлать рисунокъ памятника (на подобіе видѣнныхъ Графомъ въ Италіи), и сочинить надгробную надпись. Памятникъ заказали въ Ливорно, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, и когда онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, его поставили надъ могилою Ломоносова, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на лѣво при входѣ въ монастырь. Такимъ образомъ сохранилось для насъ

мѣсто , гдѣ погребенъ нашъ великій соотечественникъ. Безъ этого , можетъ быть , мы не знали-бы могилы его , какъ не знаемъ гдѣ покоится прахъ многихъ нашихъ великихъ людей.

Минуло семьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Ломоносова. Академія Наукъ издала въ это время главныя сочиненія его (далеко не всѣ), подъ заглавіемъ *Полнаго Собранія*. Впереди ихъ приложена , съ чувствомъ написанная , біографія его. Вотъ все , что сдѣлано для ознакомленія пошомства съ геніальнымъ человекомъ.

Мнѣ казалось , что лучшею , истинною поэмою , какую завѣщалъ намъ первый Русскій поэтъ , была собственная жизнь его. Эта мысль заспавила меня сообразить матеріалы , какіе представляющъ намъ сочиненія и письма его , замѣтки современниковъ и преданія нашихъ опцовъ. Тщательно изучая жизнь великаго человека , я изучалъ вмѣстѣ и вѣкъ его , и людей , имѣвшихъ вліяніе на его судьбу. Все это образовало наконецъ для меня величественную картину , копорой слабый очеркъ представляю читателямъ. Да , я не умѣлъ выразить въ книгѣ того , что такъ свѣтло , ярко , вѣрно было въ душѣ моей. Обыкновенная участь всего писаннаго! Впрочемъ , бѣденъ писатель , довольный

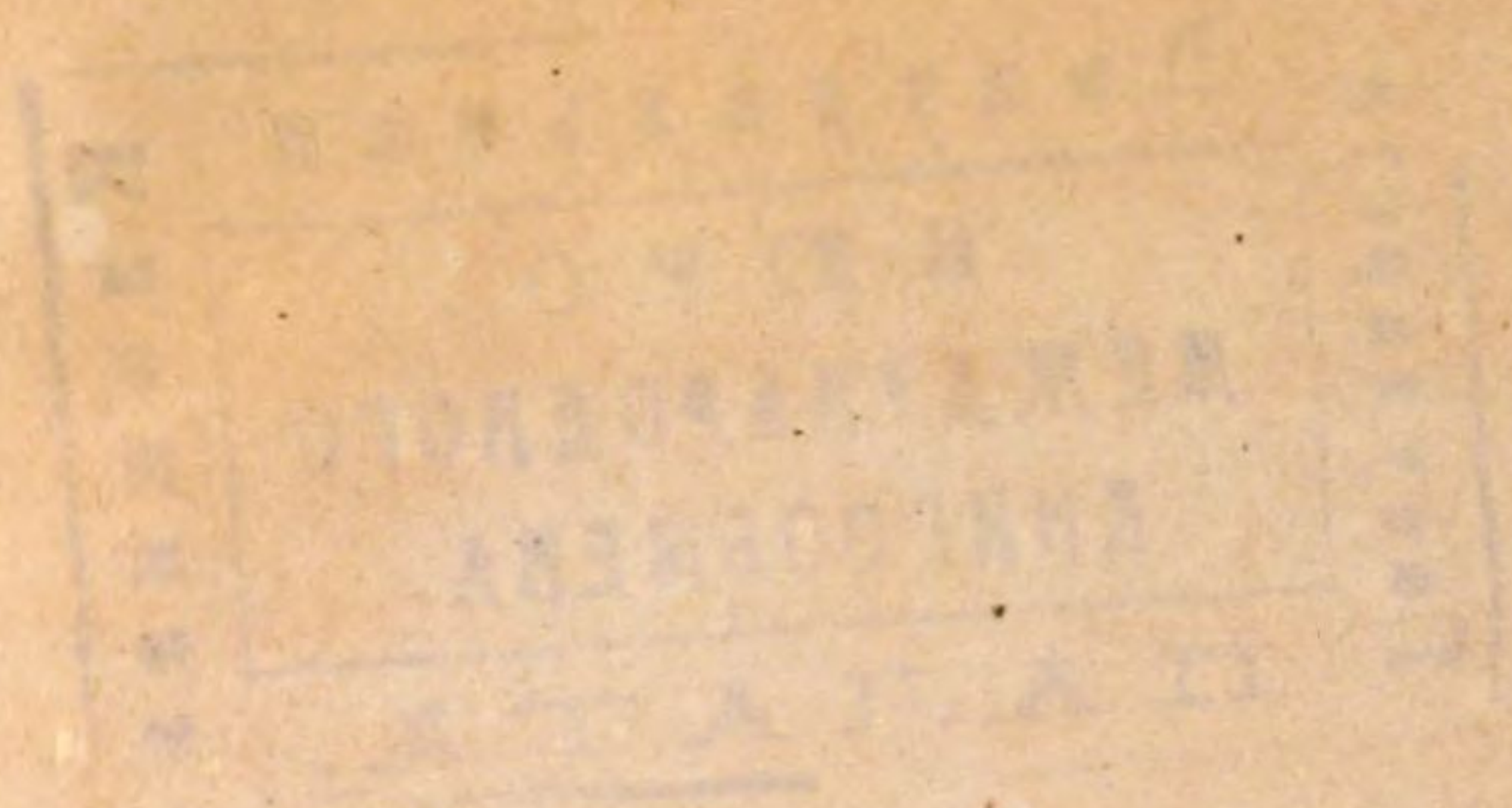
прудомъ своимъ! Глубоко убѣжденный въ эпомъ,
 я откровенно сознаюсь, что мнѣ удалось на-
 рисовать лишь слабый очеркъ. Поймутъ-ли изъ
 моей книги эпу могущественную волю, эпо
 смѣлое исполненіе ея, эпу огромность подви-
 говъ, свершенныхъ въ крапкую жизнь человѣ-
 ка? Узнаютъ-ли истинный образъ самого Ло-
 моносова, и его вѣка, его друзей, враговъ,
 покровителей, современниковъ? Не смѣю на-
 дѣяться, и желаю только, чтобы мои страни-
 цы, опъ души писанныя, нѣсколько ближе по-
 знакомили соотечественниковъ съ этимъ ис-
 истиннымъ Русскимъ геніемъ, бурнымъ и неукро-
 пимымъ какъ Сѣверъ, но и смѣлымъ, безпре-
 пешнымъ, непобѣдимымъ, какъ Русская душа.
 Скажутъ, что я прибавлялъ многое опъ себя,
 и на ряду съ истиною помѣспилъ вымыслы. При-
 знаюсь, я вообще мало вѣрю истинѣ подробно-
 стей въ лѣпописныхъ и историческихъ расска-
 захъ; а описывая жизнь Ломоносова, я имѣлъ
 все право дополнять многое опъ себя. Я пи-
 салъ не романъ и не Исторію, а рассказъ о
 жизни Ломоносова, и если онъ истиненъ, вы
 скажете: «Да, конечно таковъ былъ нашъ Ло-
 моносовъ!» Впрочемъ, и не лзя иначе описы-
 вать его жизни, если не хошите составить
 проспаго послужнаго списка. Я желалъ только
 чтобы вѣрна была идея, и воображая себѣ Ло-
 моносова въ каждомъ положеніи удивительной,

поэтической его жизни, описывалъ подробности, какъ могли бытъ онѣ въ дѣйствительности. Онѣ могли бытъ шаковы: этого оспоришь не лзя. Но, замѣчу наконецъ: во всей книгѣ нѣтъ ни одной изъ главныхъ чертъ и почти ни одной подробности, для кошорой я не могъ-бы указать источника или не имѣлъ-бы основанія. Желательно, чшобы это могъ сказать всякой историкъ.

КОНЕЦЪ КНИГИ.

Государств.
Депутатская
В Ю Р О
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГОБЩЕНА.
ПАЛАТА.
Книжные

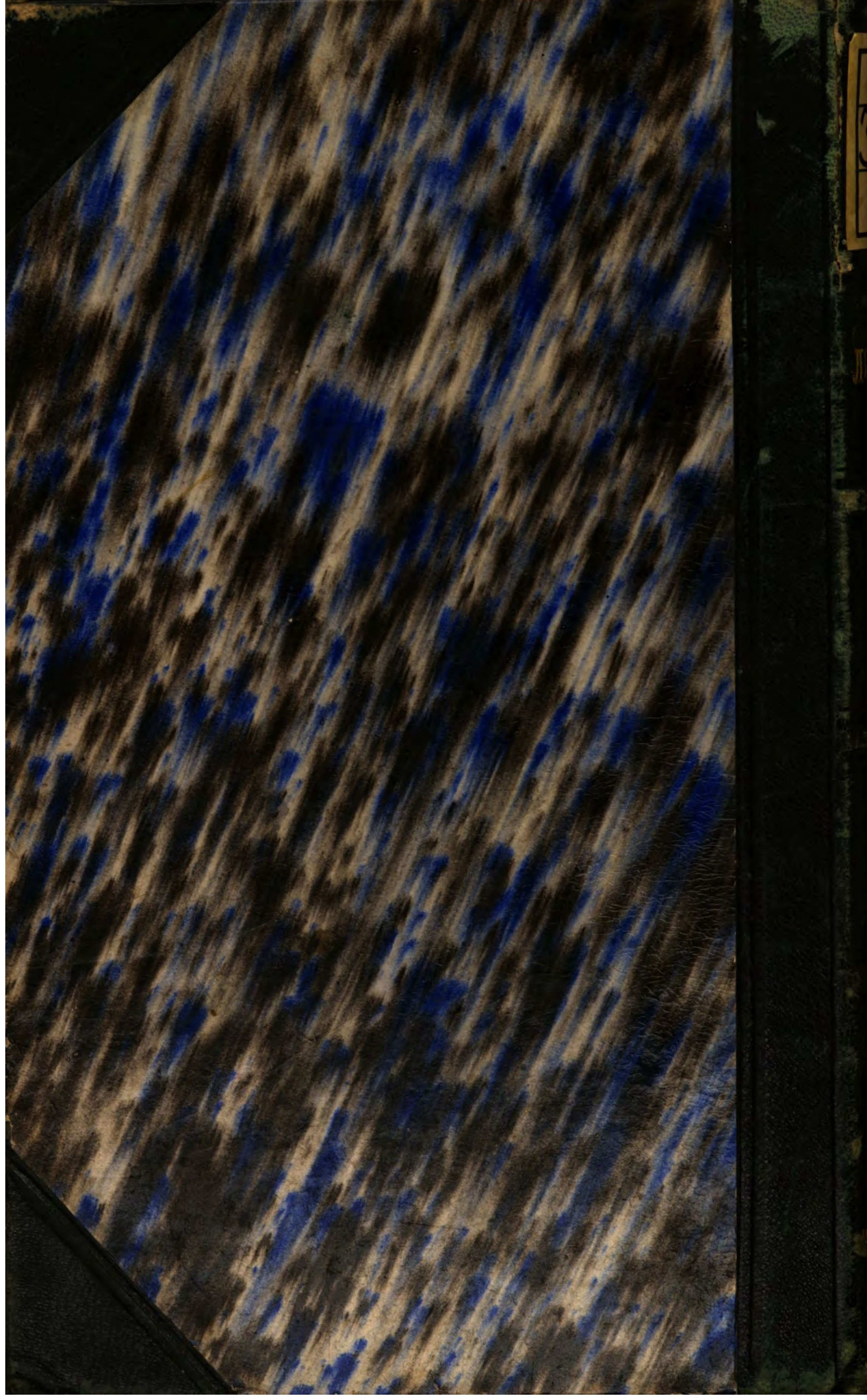

Государств.
Депутатская
Книжная
Палата.
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА.

25
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900
1901
1902
1903
1904
1905
1906
1907
1908
1909
1910
1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025

Polevoj, Ksenofont Alekseevič,

Michail Vasil'evič Lomonosov

Bd.: 2

Moskva 1836

Biogr. 3255 u-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10069157-1